ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

ВЫПУСК 8(60), 2020

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК Министерства образования и науки РФ по политическим
наукам, в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2020

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,
к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,
Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна	д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального технического университета (Белоруссия, г. Минск)
ВЕДРИН Оливье	профессор, главный редактор русской версии французского журнала «Национальная оборона» (Revue Défense Nationale), спикер Европейской комиссии, редактор франко-германского журнала по вопросам внешней политики «European Union Foreign Affairs Journal» и ректор «Континентального университета в Киеве» (Франция, г. Париж)
ДОНАЙ Лукаш	д.п.н., профессор факультета политологии и журналистики Департамента международных отношений Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша, г. Познань)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)
ИРХИН Юрий Васильевич	д.ф.н., профессор кафедры политологии и политического управления РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., заведующая кафедрой политологии и социологии МПГУ (Россия, г. Москва)
КЕТЦЯН Григор Ваникович	к.п.н., заместитель Главного редактора журнала, Председатель Попечительского Совета научного журнала «Вопросы политологии» (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор кафедры анализа и управления Российского университета дружбы народов, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений РАНХ и ГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна	д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
ХОПЁРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)
Кетцян Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)
Насимова Г.О. (д.п.н.)
Шкурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

© ООО «Издательство «Наука сегодня», 2020

ISSN 2225–8922

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВАК РФ

УЧРЕЖДЕН
ООО «Издательство «Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77–46176 от 12 августа 2011 г.
Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Включен в каталог Ulrich's Periodicals Directory

Пятилетний импакт-фактор: 1,489.

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская, д. 10, корп. 4, цокольный этаж, помещение I, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463–53–42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые в журнале подлежат обязательному рецензированию.

Ответственный редактор
Шкурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Анциферова А.С.

Подписано в печать 27.08.2020
Формат 60×84/8. Объем 24,3.
Печать офсетная.
Тираж – 1000 экз.
(1-й завод – 500 экз.)
Заказ № 0000 .

Отпечатано
в типографии PrintUP
117105, г. Москва,
Нагорный проезд, 12, корп. 1
Тел.: +7 (495) 925-00-06

ISSN 2225-8922 (print)
12 выпусков в год и
4 выпуска в год переводной (англ.) версии
Языки: русский, английский
http://voprospolitolog
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ
Включен в каталог периодических изданий Ульрих
(Ulrich's Periodicals Directory: http://www.ulrichsweb.com)
Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ
Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka
Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарта и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* **http://publicationethics.org**

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: **http://voprospolitolog.ru**

Электронный адрес: **voprospolitolog@yandex.ru**

ISSN 2225-8922 (print)
12 issues a year plus
4 issues a year of the translated (eng.) version
Languages: Russian and English
http://voprospolitolog
Included in the list of peer-reviewed scientific publications
of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation
Included in the Ulrich's Periodicals Directory
Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific
electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka
Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal "Political Science Issues" is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the "Publishing House "Science Today". Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: "History and philosophy of politics," "Political institutions, processes and technologies," "Political regionalism and ethno-politics," "Political culture and ideologies," "Political problems of international relations and globalization."

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. **http://publicationethics.org.**

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: **http://voprospolitolog.ru**

E-mail address: **voprospolitolog@yandex.ru**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ

Мартыненко С.Е. Теория «Большой Евразии» Ю. Кофнера как пример понимания евразийской проблематики в немецкой политологии 2376

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

Артамонова Я.С., Семенова В.И. Государственная политика управления производством и проблема социального неравенства в условиях цифровой экономики 2386

Воробьев Г.В., Пирогов А.И., Матвеев О.В. А.Н. Радищев и А.И. Герцен как основатели и идеологи революционной демократии в России 2397

Копылов И.А., Матвеев О.В., Ушаков Е.С. Некоторые аспекты политической деятельности как феномена общественной жизни 2409

Семенова В.И. Современная политика обеспечения информационной безопасности личных данных 2419

Примова Э.Н. К вопросу об особенностях немецкого кооперативного федерализма 2427

Карлаков В.С. Политическая институционализация в России в 1990-е годы: этапы, основные черты 2436

Афанасьева Д.А. Концептуальная модель анализа политического риска в аграрном секторе 2444

Муртазин Р.А. Особенности трансформации российских политических элит после распада Советского Союза 2451

Шишлин П.А. Перспективы возможного перехода Ирака к президентской системе 2457

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ИДЕОЛОГИИ

Нестерчук О.А., Галкина Г.М., Беляева В.П. Образование как условие регионального развития человеческого капитала в России 2466

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА

Иванченко В.С., Чимирис Е.С. Русский язык на постсоветском пространстве как фактор политики 2473

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

Куминова М.Р. Вооруженный конфликт на территории Боснии и Герцеговины. Оценка роли международного сообщества в его урегулировании 2487

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Чаевич А.В. Россия на Ближнем Востоке:
национальные интересы и угрозы национальной безопасности 2498

Хопёрская Л.Л., Пшеничная Н.Ю. Коронавирус:
внешнеполитическое измерение 2506

Заславский С.Е. Партийная система России:
современное состояние и динамика развития 2524

Каратуева Е.Н. Экологические катастрофы: причины и последствия 2542

Хлопов О.А. Экологическая безопасность
в международной политике: вызовы и угрозы 2553

Дубровина О.Ю., Плотников В.С. Приграничное сотрудничество:
особенности, процессы и факторы, влияющие на его развитие 2564

Макаров А.В. «Открытое общество»
в образовательной системе координат 2575

Баканова А.С. Эволюция информационного противоборства
как инструмента внешней политики: исторический аспект 2584

Кудашев Р.Ш. Проблемы формирования
наднациональных институтов в рамках ЕАЭС 2591

Кануте Сумайла. Проблемы безопасности на Севере Мали
с начала сахельского кризиса 2012 года 2598

Стебнева А.В. Особенности борьбы с терроризмом
в Сирии при администрациях Б. Обамы и Д. Трампа 2603

Кудратов А.М. Особенности развития
волонтерского движения в Узбекистане 2609

Хвалей А.А., Бурыгин А.А. Детский терроризм как одна
из основных тенденций развития международного
исламского терроризма (на примере «Ашбаль ал-Хилафа») 2616

Будник А.И., Григорьева Т.В., Кан А.А. Эколого-правовые
проблемные аспекты в освоении Мирового океана 2623

Ян Цзе, Цзинь Жу. Экономические интересы России и Китая
в Центрально-Азиатском регионе: сравнительный анализ 2629

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Колеватов Р.А. Роль принципа солидарности в стратегическом нарративе
Католической Церкви в рамках евразийской гуманитарной
и военной безопасности 2636

НАШИ АВТОРЫ 2643

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ 2650

Academic journal
"Political Science Issues"
Volume 10, Issue 8(60), 2020

CONTENTS

Martynenko S.E. Theoretical Concept "Greater Eurasia"
by Y. Kofner as an Example of Eurasian Paradigma Understanding
in the German Political Science 2385

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Artamonova Ya.S., Semenova V.I. State Policy of Production Management
and the Problem of Social Inequality in the Digital Economy 2396

Vorobiev G.V., Pirogov A.I., Matveev O.V. A.N. Radishchev and A.I. Herzen
as Founders and Ideologists of Revolutionary Democracy in Russia..... 2408

Kopylov I.A., Matveev O.V., Ushakov E.S. Some Aspects
of Political Activity as a Phenomenon of Public Life 2418

Semenova V.I. Modern Information Security Policy for Personal Data..... 2426

Primova E.N. To the Question of the Peculiarities
of German Cooperative Federalism 2435

Karlakov V.S. Political Institutionalization
in Russia in the 1990s: Stages, Main Features..... 2443

Afanaseva D.A. Conceptual Model
of Political Risk Analysis in the Agricultural Sector 2450

Murtazin R.A. Features of the Transformation
of Russian Political Elites after the Collapse of the Soviet Union 2456

Shishlin P.A. The Prospects of a Possible Transition
to a Presidential System in Iraq 2465

POLITICAL CULTURE AND IDEOLOGY

Nesterchuk O.A, Galkina G.M., Belyaeva V.P. Education as a Condition
for Regional Development of Human Capital in Russia 2471

POLITICAL REGIONALISM AND ETHNOPOLITICS

Ivanchenko V.S., Chimiris E.S. Russian Language
in the Post-Soviet Space as a Political Factor..... 2485

POLITICAL CONFLICTOLOGY

Kuminova M.R. Military Conflict on the Territory of Bosnia
and Herzegovinia, and Evaluation of the Role
of the International Community in its Settlement..... 2496

INTERNATIONAL RELATIONS AND WORLD POLITICS

Chaevich A.V. Russia in the Middle East:
National Interests and Threats to National Security 2405

Khoperskaya L.L., Pshenichnaya N.Yu. Coronavirus:
the Foreign Political Dimension 2522

Zaslavsky S.E. Russian Party System:
Current State and Dynamics of Development 2541

Karatueva E.N. Environmental Disasters: Causes and Consequences 2552

Khlopov O.A. Environmental Security in International Politics:
Challenges and Threats 2563

Dubrovina O.Yu., Plotnikov V.S. Cross-Border Cooperation:
Features, Processes and Factors Affecting its Development..... 2574

Makarov A.V. «Open Society» in the Educational Coordinate System..... 2583

Bakanova A.S. The Evolution of Information Warfare
as the Foreign Policy's Tool: Historical Aspect 2590

Kudashev R.Sh. Problems of Formation
of Supranational Institutions within the EEU 2596

Kanoute Soumaila. Problems of Security
in North Mali Since the Sahel Crisis in 2012 2602

Stebneva A.V. Features of the Fight Against Terrorism
in Syria under the Administrations of B. Obama and D. Trump..... 2608

Kudratov A.M. Peculiarities of the Development
of the Volunteer Movement in Uzbekistan 2615

Khvaley A.A., Burygin A.A. Child Terrorism as one
of the Main Trends in the Development of International Islamic Terrorism
(on the Example of Ashbal Al-Hilaf)..... 2622

Budnik A.I., Grigorieva T.V., Kan A.A. Environmental
and Legal Problematic Aspects in the World's Ocean Development..... 2628

Yan Jie, Czin' Zhu. Economic Interests of Russia
and China in the Central Asian Region: Comparative Analysis 2635

STUDENT SCIENCE

Kolevatov R.A. The Role of Solidarity
in the Strategic Narrative of the Catholic Church
in the Frames of Human and Military Security in the Eurasian Region..... 2641

OUR AUTHORS..... 2647

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS 2650

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.001
УДК 32.327

С.Е. МАРТЫНЕНКО
кандидат исторических наук, доцент
кафедры теории и истории международных отношений
Российского Университета Дружбы Народов,
Россия, г. Москва

ТЕОРИЯ «БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ» Ю. КОФНЕРА КАК ПРИМЕР ПОНИМАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

Статья посвящена анализу подхода немецкой политической науки к проблематике евразийства на примере теоретической парадигмы, подготовленной российско-немецким политологом и историком в области международных отношений, главным редактором портала «Евразийские исследования» Ю. Кофнером в рамках исследовательского проекта Российского Совета по Международным Делам (РСМД). Исследование, проведенное Ю. Кофнером, затрагивает чрезвычайно актуальные аспекты современных международных отношений на постсоветском пространстве. Автор рассматривает экономическую, культурную и отчасти политическую плоскость интеграционного процесса, протекающего в новейшей истории на постсоветском пространстве, находя убедительные аргументы не только для его целесообразности, но также и историчности. Со своей стороны, нам бы хотелось подвергнуть парадигму, предложенную уважаемым автором вторичному историко-политическому анализу, заострив внимание как на ключевых факторах, не подлежащих сомнению, так и на ряде положений, которые представляются нам спорными в свете развития глобальной политической повестки. А ходе исследования мы руководствовались методологической базой исторической и политической наук: историко-аналитическим методом, методом политанализа, а также методом сравнения и методом структурного анализа.

Ключевые слова: *Россия, ЕАЭС, ШОС, евразийство, экономика, политика, цивилизационный анализ.*

29 сентября 2019 г. на портале Российского Совета по Международным Делам (РСМД) был размещен материал, посвященный философским основам одного из наиболее масштабных духовных проектов современности,

уходящего корнями в 20-е гг. XX столетия, заслуживающий академического внимания. Речь идет о статье Ю. Кофнера, в которой автор дает историческую, философскую и экономическую оценку концепции евразийства, адаптируя ее ключевые положения к современным вызовам, с которыми столкнулся изучаемый регион. Для упрощения будем называть его – постсоветское пространство.

Актуальность проведенного Ю. Кофнером исследования, в котором предложено принципиально обновленное видение парадигмы евразийства, не вызывает сомнений. Несмотря на то, что философские корни евразийства следует искать, как отмечалось выше, в 20-х – начале 30-х гг. XX столетия, а отдельные положения и вовсе восходят к идейным постулатам славянофилов (середине XIX в.), глобальные политические катаклизмы, изменившие геополитический ландшафт в конце XX столетия, породили идейно-философский дискурс, определяющий вопрос самоидентичности для государств постсоветского пространства. В зависимости от субрегиона (Белоруссия, Украина или Закавказье, или государства Центральной Азии), этот процесс то обретает новые импульсы, то временно затихает, опосредованно влияя на интеграционный вектор внешней политики отдельных государств региона. Постараемся определить ключевые мысли, изложенные автором в его исследовании и дать им диалектическую оценку.

В самом начале исследования автор отмечает, что «не стоит думать, что исключительно классическое евразийство само по себе может и должно стать идейной основой ЕАЭС. Актуальность отдельных классических постулатов не противоречит необходимости выработки современного и прагматического евразийства в целях углубления и расширения интеграции в Евразии» [4]. Приведенный тезис представляется вполне обоснованным, особенно принимая во внимания тот факт, что практически все государства постсоветского пространства имеют собственные национальные интересы, зачастую не совпадающие не только с интересами Российской Федерации, но даже с интересами ближайших соседей. Автор приходит к аналогичному выводу, утверждая, что «… основой нынешнего процесса интеграции в рамках ЕАЭС и более широкой концепции «Большой Евразии» должны быть чисто прагматический подход и (западные) теории интеграции. Конечно, на нашем пространстве имеется своя специфика и необходимо адаптировать эти теории и подходы к нашим условиям» [4].

В качестве примера предлагаем рассмотреть крупнейшее государство центральноазиатского региона – Казахстан. Так исторически сложилось, что Казахстан находится в самом центре крупнейшего в мире материка – Евразии, на разных концах которого расположены два из трех полюсов глобальной экономики и три из четырех ключевых политических игроков современного многополярного мира. Речь идет, в первом случае, о Европе в лице Европейского союза и динамично растущем Китае, во втором случае

– о ЕС, России и КНР. Как мы видим, фактически центральное положение Казахстана в азиатском регионе имеет как очевидные преимущества (касающиеся в первую очередь выгодного «транзитного» положения на ключевых торговых путях ЕАЭС, ШОС и уникального проекта «Один пояс – один путь»), так и риски быть поглощенным «приливными силами» одного из крупных соседних игроков (в данном случае речь идет о России либо КНР). В этой связи, выстраивание некой специфической концепции интеграции для Казахстана представляется не только возможной, но и необходимой, если Казахстан ставит перед собой задачу сохранения политической независимости и экономических преференций. Однако, нам представляется сомнительным, чтобы руководство Казахстана и политические элиты этой страны осознанно пошли на такой шаг, как утрата либо даже ограничение собственного суверенитета в угоду усилению политического или экономического влияния того или иного актора. Аналогичным образом вызывает сомнения и предположение, что народ Казахстана пошел бы на стирание собственной идентичности ради обретения «нового евразийского статуса». Иными словами, идея евразийства для Казахстана имеет актуальность лишь в той мере, в которой ее реализация способствовала бы воплощению, прежде всего, интересов Казахстана в изучаемом регионе. Очевидно, аналогичной логики будут придерживаться и другие государства Центральной Азии.

Далее автор рассуждает на тему формирования некоей евразийской «сверхцивилизации». Он указывает: «Если культурная граница евразийской цивилизации на востоке и юге от постсоветского пространства, т.е. в сторону Китая, Ирана и арабского мира наиболее четко выражена благодаря наличию горных цепей и пустынь, т.е. естественных ландшафтно-климатических барьеров, то на западе от нее, в т.н. «Русской равнине», по Беларуси, Украине, Молдове, она размытая. Двигаясь по этой равнине, разница между народами и культурами от центральной вдоль восточной Европы и дальше по западной части России проходит более-менее плавно. Отсутствие каких-либо значимых географических барьеров и размытость цивилизационной «линии разлома» (англ. fault line) между Европой и северной Евразией на пространстве «Русской равнины» во многом объясняет, почему Беларусь так часто стала несчастным коридором для европейских вторжений в Россию и почему территория современной Украины так часто раздирается гражданской войной с участием внешних сил. По этой же причине, может быть, лучше стоило бы о говорить о наличии не отдельной евразийской цивилизации, хотя ее элементы, безусловно, имеются, а о более широкой «евро-евразийской» цивилизации» [4].

В данном случае тезисы, выдвинутые уважаемым автором, требуют некоторых уточнений.

Во-первых, методология определения культурных границ цивилизаций, возможно, применима к процессу их формирования в глубокой древности,

однако, в наши дни рассматривать ее в качестве серьезного методологического инструмента едва ли представляется возможным. Следовательно, формирование некой сверхцивилизации в контексте синтеза существующих цивилизационных групп (государств, народов, социальных общностей) постсоветского региона представляется крайне сложным с точки зрения понимания процессом. Не говоря уже о формировании какой-либо евразийской культуры как синтеза существующих элементов, присущих каждому отдельному народу и государству постсоветского пространства.

В этой связи мы хотели бы обратиться к мнению исследователей, авторитет которых позволяет относить их к классикам философского дискурса. Пожалуй, наиболее четкое определение цивилизации как прямого следствия исторического развития того или иного народа предложил А. Тойнби, согласно которому цивилизация – это определенная ступень общественной истории, длительного периода развития народов и мира в целом, определяемая наличным состоянием социальной структуры и духовного мира. это целостная общественная система, все части которой взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом. Главную роль в формировании цивилизаций, по Тойнби, играют географические, этнические и религиозные факторы. В своем развитии каждая цивилизация проходит стадии генезиса, роста, надлома и разложения. Заканчивается этот процесс гибелью и сменой цивилизаций [6]. Отталкиваясь от этого определения, мы неизбежно задаемся вопросом – а можно ли говорить о евразийской цивилизации как свершившемся факте в принципе? Даже если обратиться к советскому периоду истории региона, когда 15 ныне независимых государств жили в границах единого Союза Советских Социалистических Республик, максимальной формой цивилизационной унификации выступал т.н. «Homo Soveticus» (т.е. человек советский). Можно по-разному относиться к данному формату идентификации цивилизационной общности людей, составлявших население единой страны, однако, мы усматриваем в нем весьма очевидную логику. Советский историк М. Геллер характеризовал данную дефиницию как «совокупность качеств и черт характера, свойственных в разной пропорции всем советским людям». По Геллеру, система советского типа, осуществляя «социальную дрессировку», способствовала развитию, росту и господству этих качеств [1]. В то же время, насколько можно судить по определению, речь идет исключительно о бытовых и, частично, социальных качествах советского человека. Но такие фундаментальные понятия, как религиозные взгляды, культурные особенности и широкий комплекс ценностных ориентиров оказываются за рамками данного определения. И это, повторимся, в рамках единого государства с унифицированной и централизованной политической системой, на порядки превосходящей любые интеграционные структуры, существующие на постсоветском пространстве сегодня. Кстати, сам автор характеризует СССР как государство «унитарное и авторитар-

ное». И если второе качество, пожалуй, не вызывает сомнений, то относительно первого мы рискнули бы возразить автору. Основу государственно-территориальной системы СССР составлял принцип демократического централизма, кстати, чрезвычайно слабо институционализированный и нечетко отраженный в Основном законе страны. Трагическая судьба СССР, по нашему мнению, является наилучшим тому подтверждением.

Таким образом, предложенная автором идея о формировании «евро-евразийской» цивилизации представляется нам в значительной мере утопической, хотя и не лишенной определенной логики.

Во-вторых, утверждение автора о том, что многочисленные вторжения завоевателей в Россию через Белоруссию объясняются отсутствием каких-либо значимых географических барьеров и размытостью цивилизационной «линии разлома», представляется верным лишь наполовину. Исторически именно территория Белоруссии представляла собой наиболее «короткий коридор» до жизненно важных центров нашей страны. А поскольку львиная доля вторжений, которые исторически пришлось пережить и отразить России, приходятся именно на западные ее рубежи, становится вполне очевидным, почему линии вторжения проходили именно через Белоруссию. Т.е., в отличие от автора, мы склонны рассматривать данные процессы исключительно через призму географии, но никак не с точки зрения цивилизационного или культурного подходов. Что же касается тезиса автора о гражданском конфликте на Украине, подпитываемым в т.ч. силами извне, то в данном случае нам представляется, что корень зла следует искать не столько в цивилизационном аспекте, сколько в недальновидности и деструктивности политических решений украинского руководства, принимаемых им последовательно с 2014 года.

В следующем разделе своей статьи, который автор озаглавил «Евразийцы ли мы?», предлагается обоснованный тезис: «Даже если мы согласимся с утверждением, что на постсоветском пространстве существует отдельная цивилизация, пусть даже «евро-евразийская» как часть и восточная разновидность общеевропейской сверх-цивлизации, то широкие слои населения постсоветских стран не осознают этого факта» [4]. Фактически, состоятельность данного рассуждения была подтверждена нами выше. Далее Ю. Кофнер рассуждает: «История цивилизаций и эволюция культур не остановились в XXI веке и чем дольше будет существовать и успешно работать Евразийский экономический союз, тем шире станет доля людей, причисляющих себя к евразийцам». В данном случае имеет смысл дать небольшой комментарий.

Если говорить о ЕАЭС, то это проект, в котором на уровне всех официальных документов заложена исключительно экономическая интеграция. Президенты России, Казахстана и Белоруссии в мае 2014 года подписали договор ЕАЭС на базе Таможенного союза. Позже к интеграционному объединению присоединились Армения и Киргизия. На очереди – Таджикистан.

ЕАЭС был задуман как конфедерация суверенных государств с единым политическим, экономическим, военным и таможенным пространством. При этом речь, конечно, не идет о том, чтобы как-то влиять на политический суверенитет стран-участников организации, их валютный и налоговый режим. У ЕАЭС четко определены пути развития как субъекта международного права – это Зона свободной торговли (ЗСТ). Направление достаточно эффективное и результативное. ЕАЭС заключает соглашение о ЗСТ с конкретными странами. Стоит отметить, что принципы ЗСТ были согласованы и с Китаем. Индийские делегации также неоднократно принимали участие в заседания ЕАЭС. Интерес к ЗСТ проявляют около 50 стран мира. По сути, для сотрудничества с ЕАЭС достаточно иметь двусторонние отношения: ЕАЭС – Китай, ЕАЭС – Индия и т.п. Это оптимальный вариант потому, что у всех участников разные экономики, разная структура торговых отношений экспорта-импорта. В то же время, в течение последних 3-4 лет все чаще и активнее обсуждаются вопросы создания зоны свободной торговли в рамках Шанхайской организации сотрудничества или на основе сопряжения Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Экономический пояс Шелкового пути». Однако, соглашение ЗСТ в рамках организаций ЕАЭС – ШОС представить значительно сложнее, поскольку интересы у стран, входящих в эти организации, разные. А главное – ШОС не обладает правосубъектностью в рамках международного права, т.е. от имени ШОС никто не может подписывать соглашения, в то время как такое право есть у ЕАЭС. Однако Китай предложил на площадке ШОС создать региональную ЗСТ. Для полной реализации своих экономических и, частично, политических планов Пекин предложил концепцию «Один пояс один путь» в рамках своей стратегии «Экономический пояс Шелкового пути» [5].

Таким образом, автор совершенно верно указывает на то, что эффективное развитие ЕАЭС привлечет дополнительных участников и вызовет симпатию среди населения стран-участниц. В то же время, указанный проект, как отмечалось выше, носит сугубо экономический характер с отдельными политическими компонентами. Рассуждать о том, что реализация экономического интеграционного проекта на постсоветском пространстве способна гипотетически привести к формированию евразийской общности и, самое главное, ее духовному осознанию, мы бы не взялись. Впрочем, уже в следующем разделе своей статьи «Синтез как преимущество», Ю. Кофнер приходит к аналогичному выводу. «… было бы глупостью не воспользоваться этим уникальным преимуществом при дальнейшем строительстве евразийского интеграционного проекта. Ключевым выражением данной идеи является концепция «Большой Евразии» или «Большого евразийского партнерства», которая подразумевает создание комплексной сети зон свободной торговли, сопряжение региональных интеграционных проектов, создание и соединение континентальных транспортных коридоров на всем

евразийском материке. В итоге должно получиться общее пространство «от Лиссабона до Шанхая» [4], – заключает он.

В следующем разделе «Смешанная экономика» Ю. Кофнер анализирует специфический характер экономических систем стран постсоветского пространства, оказавшихся перед историческим выбором принятия экономической модели. Стоит отметить, что перед аналогичным выбором оказалась, и Россия в 1991 году. Автор справедливо замечает, что «… слишком часто экономисты «либералы» и «державники» руководствуются не эмпирическими наблюдениями, а собственными догматами, которые либо вовсе не отвечают критериям научности, либо верны «в принципе», однако лишь в условиях, характерных для развитых стран ОЭСР. В этой связи экономическая школа современного евразийства должна соблюдать выше озвученный принцип прагматизма» [4].

Со своей стороны, мы полностью солидарны с уважаемым автором в части вопроса, касающегося принципа экономического прагматизма. В то же время, слепое копирование западной либеральной экономической модели только лишь по причине того, что в таких странах, как ФРГ и государства Скандинавии она обеспечила накопление материальных благ в большем объеме, нежели в государствах с плановой экономической системой, представляется не вполне правильным решением. Именно по такому пути, напомним, пошла Россия (как и большинство бывших республик СССР) в 1990-е годы, что привело к катастрофическим последствиям для экономики страны, равно как и к историческому по своим масштабам обнищанию подавляющей доли ее населения.

Наиболее интересным с диалектической точки зрения нам показался раздел статьи Ю. Кофнера, озаглавленный «Евразия наций». Именно в нем автор развивает фундаментальные философские идеи, способные придать концепции евразийства некоторые практические черты. В частности, автор указывает: «В евразийстве патриотизм этнический или локальный не противоречит патриотизму национальному и далее патриотизму обще-цивилизационному. Наоборот, в рамках одной цивилизации патриотизмы разных уровней дополняют друг друга» [10]. Нам понятен посыл автора, которым он руководствовался, выдвигая данный тезис. Однако, практика развития международных отношений в регионе, к сожалению, свидетельствует, скорее, об обратном. В рамках некогда единого социально-политического и экономического пространства формируется политическая палитра, основанная на национальном патриотизме, основу которого, к сожалению, зачастую составляют идеи националистического или радикально-религиозного толка. Достаточно вспомнить этнические конфликты на территории Грузии, замороженный конфликт в Приднестровье, нерешенную по сегодняшний день проблему Нагорного Карабаха, конфликт в Ферганской долине, наконец, гражданский конфликт на Украине, в разной степени интенсивности протекающий с 2014 года. В свете вышесказанного, не вполне понятно, каким

образом евразийство способно предложить некую объединительную идею, способную не только погасить текущие деструктивные тенденции, но и аккумулировать созидательный потенциал патриотизма, имеющего в регионе столь разные политические вектора…

На наш взгляд, автор совершенно справедливо указывает: «На наднациональном уровне евразийский подход к региональной интеграции предполагает примат принципов верховенства национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. По мнению евразийцев, именно государства выступают гарантами сохранения и развития культурной самобытности образующих их народов, из чего вытекает принцип недопустимости вмешательства внешних и наднациональных сил в исторически сложившиеся специфичности их политических и социальных устройств» [4]. Данная концепция практически полностью идентична представлениям о культурно-исторических типах народов, автором которых является замечательный русский историк и философ Н.Я. Данилевский.

Он был убежден, что заимствования одним культурно-историческим типом у другого в таких сферах, как религия, государственное устройство и область науки-искусства, бесполезны и даже вредны. Культурно-исторические типы самодостаточны, и заимствование религиозное, заимствование государственных форм и идей, заимствование в художественной сфере могут разрушить собственную культуру [2]. В то же время, заимствования в научно-технической сфере, напротив, полезны и осуществляются очень легко, особенно в условиях постиндустриального (информационного) общества. В качестве примера предлагаем рассмотреть современную Японию. У этой страны изначальная техническая база – чужая, поскольку она была заимствована страной в эпоху революции Мейджи в 60-х – 70-х гг XIX столетия, в основном, у Запада. Результат сегодня – более чем очевиден. Однако при этом японцы не пустили к себе ни чужую культуру, ни чужие религиозные и нравственные представления. Они остались в своей культуре, заимствовав лишь чужую «технологическую цивилизацию».

В свете вышесказанного, тезис автора о необходимости «усмотреть роль ЕАЭС не столько в политической унификации постсоветского пространства и поспешного навязывания евразийской цивилизационной общности, а как инструмент для сохранения и развития культурных идентичностей каждого из евразийских народов в отдельности» выглядит исключительно правильным.

Рассматривать раздел статьи, названный «Географический детерминизм», мы не видим необходимости во избежание повторения тезисов, уже изложенных нами в начале настоящей статьи. В качестве заключения хотелось бы дать общую характеристику статье Ю. Кофнера, которую автор с большим интересом и удовлетворением прочитал и подверг историко-философскому и политологическому анализу. Статья представляет собой исключительно интересный подход к концепции евразийства. Причем, особенно импонирует тот факт, что автор материала является международным,

российско-германским экспертом, что позволило ему грамотно и убедительно синтезировать либерально-экономический подход, характерный для европейской историософской мысли и системно-исторический (в некоторой степени-консервативный) подход, которым отличается отечественная историческая и философская наука. Со своей стороны, мы хотели бы отметить некоторую односторонность подхода к практике евразийства, впечатление которого возникает по мере знакомства с материалом. Уязвимое место предлагаемой теории мы усматриваем в том, что автор, на наш взгляд, слишком сосредоточился на экономическом компоненте евразийства, отведя на второй план цивилизационный и культурный аспекты. Нельзя сказать, что в исследовании Ю. Кофнера не отражена их важность для евразийства в целом, однако, хотелось бы все-таки увидеть больше частностей на конкретных примерах (неважно – идет речь о реализации проектов в рамках ЕАЭС, ШОС или ЭПШП). Также предлагаемая парадигма только выиграла бы, если бы автор провел научно-теоретическое сравнение концепции евразийства с политико-философской теорией С. Хантингтона о неизбежном конфликте цивилизаций [7] и роли культуры в этом гипотетическом конфликте [8]. Также было бы крайне интересно узнать мнение автора относительно подхода П. Сорокина, который, напомним, подверг критике общие принципы цивилизационных теорий, известные исторической и политологической наукам к концу 60-х гг XX столетия [3].

В целом же, предложенное Ю. Кофнером видение проблематики евразийства в XXI в. представляет собой высокий академический интерес и, что гораздо более важно, содержит в себе исключительно высокий потенциал для дальнейшего исследования проблематики с возможностью выработки принципиально нового политологического подхода. Безусловным достоинством теории Ю. Кофнера является отсутствие ее односторонней привязки к национальным интересам России как крупнейшего игрока в постсоветском регионе, а рассмотрение теории в контексте совокупного интереса всех участвующих сторон. В этом, на наш взгляд, заключается специфика немецкого политологического подхода к проблематике региона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Геллер М.* Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: «МИК», 1994.

2. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М.: Эксмо, 2017.

3. *Ерасов Б.С.* Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1998.

4. *Кофнер Ю.* Большая Евразия. Нужно ли классическое евразийство для понимания и развития ЕАЭС? // https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/nuzhno-li-klassicheskoe-evraziystvo-dlya-ponimaniya-i-razvitiya-eaes/.

5. *Мартыненко С.Е., Пархитько Н.П.* Российско-китайское сотрудничество в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс, один путь». История и экономические перспективы. Вестник РУДН. Серия: ИСТОРИЯ РОССИИ. 2019 № 4.

6. *Тойнби А.Дж.* Постижение истории. М.: Айрис-Пресс, 2010.

7. *Хантингтон С.* Культура имеет значение. М.: Московская школа политических исследований, 2002.

8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016.

S.E. MARTYNENKO
PhD in History, Associate Professor,
Theory and History of International Relations
Department, RUDN University,
Moscow, Russia

THEORETICAL CONCEPT "GREATER EURASIA" BY Y. KOFNER AS AN EXAMPLE OF EURASIAN PARADIGMA UNDERSTANDING IN THE GERMAN POLITICAL SCIENCE

The article is devoted to the analysis of the approach of German political science to the problems of Eurasianism on the example of a theoretical paradigm prepared by a Russian-German political scientist and historian in the field of international relations, editor-in-chief of the portal «Eurasian Studies» Yuri Kofner in the framework of the research project of the Russian Council on International Affairs (RIAC). The research carried out by J. Kofner touches upon extremely topical aspects of modern international relations in the post-Soviet space. The author examines the economic, cultural and partly political plane of the integration process taking place in recent history in the post-Soviet space, finding convincing arguments both for its expediency and historicity. As for us, we would like to subject the paradigm of the respected author to a secondary historical and political analysis, focusing on both key factors that cannot be questioned and on a number of provisions that seem to us controversial in the light of the the global political agenda transformation. In the course of the study we were guided by the methodological basis of the historical and political sciences: the historical-analytical method, the method of political analysis, as well as the method of comparison and the method of structural analysis.

Key words: *Russia, EAEU, SCO, Eurasianism, economics, politics, civilizational analysis.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.002
УДК 323

Я.С. АРТАМОНОВА
доктор политических наук, доцент,
кафедры социальных отношений, рекламы и
связей с общественностью Московского технического
университета связи и информатики,
Россия, г. Москва
В.И. СЕМЕНОВА
кандидат политических наук,
кафедра государственного и муниципального
управления Московского экономического
института, Россия, г. Москва

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВОМ, И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящее время нарастает противоречие между целями социальной политики, государственным регулированием экономики и модернизацией производства. Целью данной статьи является исследование основных причин сложившихся противоречий и поиск основных путей их решения. Для достижения цели выполнена задача сравнения показателей производства по основным сферам, анализ тенденций государственной политики в отношении каждой из перечисленных сфер. Также было определено место национальных проектов в потенциальном развитии экономики России, их роль в повышении качества жизни населения. В данном исследовании использовался метод сравнения и индуктивный метод. В результате были предложены меры регулирования, которые на данном этапе развития России может предпринять государство, чтобы решить задачи не только модернизации производства, но и стабилизации общественного строя, минимизации общественного неравенства.

Ключевые слова: *политика управления производством, социальное неравенство, наукоемкое производство, государственные инвестиции, цифровая экономика, модель управления, модернизация.*

В начале третьего тысячелетия России крупно повезло: на нее пролился дождь нефтедоллара. В стране была хорошо организована добыча и транспортировка нефти. Цена нефти резко возросла (баррель стоил более

100 долларов США). И вместо того, чтобы большую часть возросшего дохода использовать в целях модернизации экономики и повышение уровня жизни граждан, эти средства были направлены в западные страны для формирования резерва на случай кризиса. В Европу и в США было переведено 750 миллиардов долларов, в то время как достаточно было направить в резерв не более 150 миллиардов долларов. Политическая подоплека – объявление западными институтами бывшего в то время министром финансов Алексея Кудрина лучшим финансистом года – была очевидна: российская экономика в благоприятных условиях была оставлена без инвестиций. С.Ю. Глазьев отмечает, что до валютного кризиса, когда в стране был значительный профицит бюджета, власть не смогла воспользоваться этим и инвестировать деньги: «…сотни миллиардов долларов уходили в финансовую пирамиду ипотечных бумаг. Затем они обесценились, сейчас же частично возвращены с небольшой номинальной прибылью» [3. С. 12]. Лица, ответственные за экономическое состояние России, не смогли вовремя сориентироваться в размещении национальных денег и момент между двумя экономическими волнами был упущен.

Может быть, современные фонды, в частности Фонд национального благосостояния России (ФНБ), послужат источниками реализации 12 национальных проектов, заявленных президентом в качестве стратегии до 2024 года? ФНБ был основан 12 лет назад. На 1 июля 2020 года его объем составляет 12 139,60 млрд. рублей [7], или 10,7 в процентах к ВВП. Наполняется он из нефтегазовых доходов. До сих пор действует «правило»: превышение цены на нефть сверх установленной поступает в доход Фонда национального благосостояния. Управляет фондом Министерство финансов Российской Федерации. У ФНБ есть ликвидная и неликвидная часть. Ликвидная часть – это средства в иностранных валютах на депозитах за рубежом и средства, инвестированные в зарубежные гособлигации. Неликвидная часть – остальные средства. Эти деньги тоже нельзя инвестировать, но иногда их все же для этого используют, преимущественно в банковской сфере.

Вложение в зарубежные активы не только экономически неэффективно, но и политически опасно: они ввиду расширения и усиления экономических санкций могут быть заморожены.

В апреле 2019 года заместитель министра финансов Владимир Колычев сообщил, что ФНБ будет работать по норвежской модели – то есть средства будут вкладываться в акции глобальных компаний. «Это должны быть не внутренние инфраструктурные проекты, а что-то вне России, иначе последует влияние на внутренние макроусловия, курс, инфляцию, процентные ставки» [6].

А. Широв, заместитель директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН считает, что уровень накопления международных резервов таков, что он превышает объем всего российского долга. Даль-

нейшее накопление резервов трудно обосновать. Стоит подумать о том, как использовать избыточный объем ресурсов для модернизации российской экономики [6].

В Норвегии можно наблюдать перенасыщение внутренними инвестициями, высший уровень обеспечения потребностей общества в производственной и социальной инфраструктуре, отсутствие значительных проблем с качеством жилья. Это отличается от положения дел в России, где дефицит инвестиций, невысокая эффективность производственной и социальной инфраструктур, недостаточное качество и количество жилья и т.п. Поэтому копирование норвежского опыта в условиях России вряд ли приведет к положительному результату.

Дополнительный инвестиционный спрос способен влиять на формирование макропараметров, но в настоящее время как инвестиционный, так и потребительский спрос находятся ниже равновесного значения, в результате жесткой денежно-кредитной политики.

Модернизация российской промышленности невозможна без использования импортного оборудования. Некоторые эксперты предполагают организовать специальный фонд, который целевым образом за счет средств ФНБ выдавал бы валютные займы для покупки импортного оборудования и для поддержки несырьевого экспорта.

В пользу критического использования опыта Норвегии и других стран высказался заместитель генерального директора_Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП) Владимир Сальников. Он обратил внимание на то, что Россия один из основных добытчиков и экспортеров нефти только в абсолютном выражении. Если взять относительную значимость нефти, то картина будет иной. Если рассмотреть объем добычи нефти на душу населения, то на россиян приходится меньше, чем на норвежцев, в 5 раз, и меньше, чем на кувейтцев, в 10 раз. Поэтому напрямую перенимать их опыт без оглядки на российскую специфику нельзя. Страны с большими запасами нефти, может быть, и могут позволить себе строительство инновационной инфраструктуры, не ставя во главу угла окупаемость данных проектов и не очень заботясь об объективности капитальных вложений. России необходима оценка прямых и косвенных проектов, а также проведение сравнительного анализа существующих проектов и альтернативных путей инвестирования.

Так, в строительство высокоскоростных магистралей планируется инвестировать триллионы рублей, а в то же время инвестирование в производство машин и оборудования в 2018 году составили во всей стране 50 млрд. руб. [10].

Стать одними из лидеров мировой экономики возможно, если государство с помощью национального капитала может управлять национальной экономикой. На сегодня иностранцам принадлежит не менее 65% крупной российской собственности [12]. Они могут закрывать или открывать производства, сокращать численность персонала.

Особенно заметна роль иностранного капитала в пищевой промышленности. Иностранные корпорации скупают все акции предприятия, как только они «поднимают голову», начинают пользоваться популярностью у потребителей. Сегодня иностранные корпорации правят в большинстве сегментов российского рынка продуктов питания и напитков. Они контролируют более 60% рынка молока, более 70% рынка соков, более 80% замороженных овощей и фруктов, более 90% рынка плодово-овощной консервационной продукции, более 80% рынка пива, сообщает президент экспертно-аналитического центра «Модернизация» Михаил Абрамов [16].

По данным Минпромторга, доля продукции российских предприятий в стратегических отраслях (станкостроительной, тяжелого машиностроения, радиоэлектронной, медицинской, фармацевтической) на российском рынке опустилась до 10%. Остальное импорт. Согласно данным Росстата РФ, производство ткацких станков, экскаваторов, бытовых пылесосов составило в 2015 году в сравнении с 1990 годом от 0,23 до 1,9%. Производство тракторов, металлорежущих станков, кузнечно-прессового оборудования, часов, мотоциклов от 3,0 до 4,8% от уровня 1990 года [16].

И в последние годы сокращение производства продолжается. С 2010 по 2017 год производство паровых турбин сократилось в 4 раза (с 4,2 млн. КВт до 0,8 млн. КВт). Почти в 2 раза уменьшилось производство культиваторов для обработки почвы (с 25,6 тыс. шт. до 15,1 тыс. шт.). Правда, производство тракторов для сельского и лесного хозяйства практически не изменилось (в 2010 их выпускали 6,9 тыс. шт, а в 2017 – 6,3 тыс. шт.). Производство зерноуборочных комбайнов за эти годы возросло в 1,5 раза (с 43 шт. до 61 шт.), а бульдозеров для сельскохозяйственных работ – почти 2 раза (с 268 штук до 493 штук) [9. С. 352]. Но это пока не покрывает потребность сельхозпроизводителей.

Основные удары сегодня направлены на промышленные предприятия. Такие значимые для предприятий показатели, как тарифы на топливно-энергетические ресурсы, транспорт, налоги оказались на сегодня завышенными в 3-5 раз против аналогичных показателей в странах Западной Европы и США, что делает российские предприятия неконкурентоспособными. К тому же олигархи естественных монополий, банкиры, государственные чиновники и другие лица, принимающие решения, зачастую стремятся увеличить свой доход за счет предприятий и труда работников, создающих новую добавленную стоимость [4].

Игнорируя законы экономики, Центральный банк устанавливает ставку по кредитам выше уровня рентабельности предприятий. Именно поэтому доля кредитных средств в инвестициях слишком мала, чтобы стать основой доли роста. В России предприятия берут кредиты, чтобы, как правило, погасить срочные долги, закрыть зияющие прорехи, а не на развитие. Росстат дает данные, говорящие о незначительном улучшении в этом направлении:

в 2000 году кредиты банков как доля у инвестиций в основном капитале составляли 3%, а в 2017 году их было 10% [9. С. 297].

Позиция ЦБ, завышающего ключевую ставку по кредиту, обоснована тем, что увеличение денежной массы, даже кредитных денег, ведет к инфляции, за показатели которой отвечает ЦБ, и пытается удержать ее на уровне 4% в год.

Для каждого состояния экономики существует оптимальный уровень денежной массы. Если происходит отклонение в ту или иную сторону, то инфляция возникает неизбежно.

В настоящее время денежная масса в России почти в 3 раза ниже оптимальной. Она составляет 45% от ВВП (в США денежная масса равна 100% от ВВП, в КНР еще выше). Дальнейшее снижение денежной массы неизбежно приведет к бартеру (до 1998 года зарплаты получали продуктами предприятий), падению производства, снижению доходов и покупательной способности населения, росту инфляции.

Давно назревала необходимость понижения ключевой ставки по кредитам, по меньшей мере до среднего мирового уровня (в Китае она колеблется от 0,25 % до 4%, в США и Европе близка к нулю). В противном случае те, кто готов пользоваться кредитом для инвестиций, заранее ставят себя в ситуацию проигравшего в конкурентной борьбе.

Доля обрабатывающей промышленности снизилась с 80% в советское время до 20% в нынешнее время. Оставшиеся предприятия выживают за счет удержания заработной платы на очень низком уровне (зарплата российских рабочих ниже в 5-10 раз, чем у рабочих стран Западной Европы и США). Собственники крупных предприятий находят способы брать кредит в зарубежных банках под 6-8% годовых против альтернативы 20-24% в российских.

В 2018 году было утверждено 12 национальных проектов, которые к 2024 году должны преобразовать Россию. Но эти проекты недостаточно затрагивают ядро системы, сердцевину обрабатывающей промышленности: станкостроение, приборостроение, тяжелую промышленность и другое, без которых не может быть ни самостоятельности страны, ни национальной безопасности.

Из 26 триллионов рублей, которые должны составить финансовую основу заявленных национальных проектов, детализированы новые стройки, ипотеки, господдержка малого бизнеса и т.п., но не обозначена сумма, выделяемая на реиндустриализацию.

Затруднение с инвестициями приводит к тому, что предприятия (в основном средние и крупные) работают на основе прошлого воспроизводства, что может создать основу для стабильности, но не для развития. Именно поэтому отечественное производство в большинстве своем не дотягивается до уровня научно-технического прогресса развитых стран и не может также быстро реагировать на вызовы новой информационной революции [2].

Сокращение производства и снижение индустриальной активности привели к деквалификации рабочих, деинтеллектуализации их труда. Произошло массовое вымывание высококвалифицированных кадров, которые нашли себе занятия в сфере услуг, торговли и других сферах. Изношенное, устаревшее оборудование, которым оснащены предприятия, не требует высококвалифицированных рабочих. Сборочное производство не требует ни технологов, ни инженера, конвейеры могут обслуживать рабочий II-ого разряда.

Подобного рода тенденции коснулись и сельского хозяйства. Из 132 млн. га земли сельскохозяйственного назначения из оборота выведено 41 млн. га, то есть почти треть. А показатели роста сельскохозяйственного производства и импортозамещения оказались неточными, они были завышены почти в три раза.

Государство как будто и старается поддерживать сельхозпроизводителей, но уровень производства в данной сфере у нас значительно ниже в сравнении с США, Западной Европой, Китаем, Японией. В результате рентабельность в сельском хозяйстве втрое ниже, чем в США.

Медведев Д.А. в своем ежегодном отчете о деятельности Правительства РФ сообщил о 19 млн. бедных россиян [5]. Но это скорее нищие, которым не хватает денег даже на еду, они имеют доход ниже прожиточного минимума. Кроме бедных есть богатые, но богаты они не за счет доходов, открытий, изобретений новых методов организации труда и тому подобного, а за счет присвоения прибавочной стоимости. Чиновники, руководители государственных корпораций и топ-менеджеры присваивают прибавочный продукт, прежде всего, законным путем: завышенные оклады. Например, руководители госкорпораций [15].

Второй источник поступления денежных средств – незаконные доходы. Присваивается несколько бюджетов в год. В первых рядах –космодром Восточный, в котором завышались нормативы на строительные работы) [13]. Многие вопросы решаются коррупционным способом (наиболее коррумпированной средой признано МВД РФ [11]).

В результате использования законных и незаконных методов увеличивается число миллиардеров [8], темпы роста их количества превышают общемировые в 2,5 раза.

При этом значительная часть населения нищает: 12 млн. граждан – работающие бедные, уникальное российское явление. Их зарплата ниже прожиточного минимума. Как такое возможно? Ведь недавно установленная минимальная заработная плата не может быть ниже прожиточного минимума, а он сегодня равен 12 130 руб. Это соотношение должно было быть установлено в 2001 году, когда обсуждали и принимали Трудовой кодекс. Данное решение долго откладывалось и на сегодняшний день в России нет закона, устраняющего противоречие между возможностью трудоустройства

на неполное рабочее время (неполный рабочий день (смену), неполную рабочую неделю, в том числе с разделением рабочего дня на части) и заработной платой ниже прожиточного минимума. Часто встречаются предложения о работе и на четверть ставки.

Кроме этих 12 млн. граждан, которые не могут обеспечить себя и свои семьи, 2/3 работников получают до 20 000 руб. в месяц. При настоящем уровне цен их тоже можно отнести к бедным.

Оригинальное предложение по преодолению бедности сделал Д.А. Медведев во время отчета Правительства РФ перед Государственной Думой. Он предположил, что у каждого из 19 миллионов бедных граждан своя причина бедности, а потому с каждым из них надо разговаривать. Может быть, как юрист он прав, но экономисты отмечают главную причину – недопустимая разница между доходом небольшого числа богатых и сверхбогатых и низкими доходами многочисленных бедных: низким уровнем зарплаты и пособий. Лидер КПРФ Г.А. Зюганов на том же заседании Государственной Думы привел следующий пример: в Нижнем Новгороде на детское питание в школах выделяется властями по 15 руб. в день, тогда как пирожок в буфете Государственной Думы стоит 30 руб. Если же сравнить суммы, затрачиваемые на питание детей и заключенных, школьники тоже не окажутся в приоритете.

Не способствует повышению качества жизни и политика оптимизации здравоохранения, которую власть часто понимает, как сокращение медицинских учреждений и открытия на их основе платных диагностических и лечебных центров. Малая доступность цен послужила основанием обстоятельного разговора Президента РФ В.В. Путина в его послании Федеральному Собранию 2016 года. Проблема доступности медицинской помощи привела к уходу молодежи из села, да и валютный кризис 2014-2015 годов привел к падению доходов основной части населения до 50%. На столько же, то есть в полтора раза, увеличилась прибыль крупнейших производителей. В 2018 году, когда зарплаты наемных работников продолжали падать, число долларовых миллиардеров выросло на 30%, а первая десятка самых богатых увеличила свое состояние на 10% [17].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что темпов экономического роста недостаточно для решения поставленной задачи войти в пятерку ведущих стран мира по объему ВВП.

Сложившаяся в российском производстве ситуация могла бы иметь совсем иные, более радужные перспективы, если бы при настоящем уровне его развития оно имело научно-информационный характер. Пока что мы к этому только стремимся. В рамках Национального проекта «Наука» планируется создание и развитие научных центров мирового уровня, которые должны ориентироваться на приоритеты научно-технологического развития. Хочется надеяться, что этот проект действительно положит начало эффективному, высокорентабельному наукоемкому производству в нашей стране, а российские ученые смогут жить не хуже, чем на Западе.

Однако шанс попасть если не в передовики наукоемкого производства, то хотя бы не быть отстающими, может исчезнуть так же быстро, как и появился. Чем раньше страна вступает в новое производство, тем дешевле обходится его запуск. После того, как товарные ниши уже заняты, приходится не только запускать само производство, но и покупать технологию, так как наукоемкий продукт постоянно совершенствуется, и чтобы удержаться на рынке, нельзя не только отставать, но даже быть в середине. По сути, в информационную эпоху игра может быть с позицией «выиграл – проиграл». В случае выигрыша государство может использовать прибыли как в целях инвестирования, так в социальных целях. Одно известно точно: сырьевая экономика отходит в прошлое, на данной модели невозможно строить долгосрочное планирование. Вопрос с альтернативными нефти технологиями может решиться весьма быстро и тогда страны, строящие свою экономику преимущественно на сырье, ждет серьезный кризис.

Среди исследователей присутствует мнение, что если государство не сможет справиться с задачей строительства наукоемкого производства, то это могут сделать за него предприниматели. Ссылаясь на опыт США и Европы, сторонники западной модели финансирования науки предлагают расширить список заинтересованных инвесторов, чтобы принимать участие в финансировании науки захотели не только государственные структуры, но и частные. Однако такая перспектива представляется сомнительной в связи с тем, что Россия исторически была страной с активно регулируемой государством экономикой и на данный момент тенденция сохраняется. Пока что предпосылок к либерализации российской экономики не так много.

Какие же меры на данном этапе может предложить государство, чтобы решить задачи не только модернизации производства, но и стабилизации общественного строя, преодоления ловушек неравенства? Среди основных можно выделить следующие:

1. Расширение экономически благополучных для жизни пространств. Москва и еще несколько крупных городов являются наиболее привлекательными по мнению большинства россиян. В разы меньшая оплата труда, отсутствие рабочих мест, плохая экология – весьма частые спутники отдаленных районов и городов нашей страны. Чем большее число людей уезжает в крупные города, оставляя менее развитые населенные пункты в запустении, тем больший разрыв между бедными и богатыми регионами мы будем наблюдать впоследствии.

2. Ориентация на научно-информационный принцип производства, устранение или сокращение отставания от мирового научно-технологического прогресса. С 2013 года Россия постепенно сокращала расходы на НИОКР, особенно в период валютного кризиса. Прошедшие годы мы вынуждены компенсировать в рамках того же нацпроекта «Наука». В условиях перехода к информационному обществу стране нужна кардинальная модер-

низация системы социальных и экономических отношений [14]. Социальная политика очень важна, однако она не дает такого потенциала для роста страны и повышения качества жизни, как инновационная политика. Упор на продукт, востребованный в условиях цифровой экономики, дает существенный потенциал для инвестирования и реализации социальных проектов, минимизации социального неравенства, развития образования и др. К тому же бедность общества влечет за собой снижение потребительского рынка [1].

3. Повышение роли бизнеса в научно-информационном производстве. Предприниматель быстрее адаптируется к изменениям на рынке и лучше инвестирует, а потому может быть эффективным помощником государства в модернизации экономики, а соответственно и снижении социального неравенства.

Практика показывает, что перечисленные задачи уже начали решаться, однако не одномоментно, что существенно снижает эффект от их реализации. Старые модели государственного регулирования экономики уже не работают, поэтому ближайшие годы покажут, сможет ли Россия выстроить новые управленческие модели.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аношина Ю.Ф., Гужина Г.Н.* Цифровая экономика – новые возможности для бизнеса // Российское предпринимательство: от мануфактуры к цифровой экономике и кластерным конструкциям: сборник материалов II Всероссийских Морозовских чтений (27-28 сентября 2019 г.). Орехово-Зуево, 2019.

2. *Артамонова Я.С.* Становление понятия «информация» // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 1.

3. *Глазьев С.Ю.* Стратегии опережающего развития российской экономики. В книге: Неодирижизм и модернизация российской экономики: коллективная монография / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М.: Проспект, 2016.

4. *Гришанова Е.М., Артамонова Я.С., Васильева Е.Н.* Информационная безопасность и экономическая культура современного предпринимательства: монография. М., 2011.

5. Медведев рассказал о 19 миллионах бедных в России, чья жизнь далека от идеала // Официальный сайт газеты «Комсомольская правда» // https://www.kp.ru/daily/26968.4/4023197/.

6. *Моврина Л., Обухова Е.* Не для вас копили // Expert.ru // https://expert.ru/expert/2019/15/ne-dlya-vas-kopili/.

7. Объем Фонда национального благосостояния // Официальный сайт Минфина России // https://minfin.gov.ru/ru/perfomance/nationalwealthfund/statistics/.

8. Российские миллиардеры разбогатели за время пандемии на $62 млрд. // Forbes.ru // https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/milliardery/401395-rossiyskie-milliardery-razbogateli-za-vremya-pandemii-na-62-mlrd.

9. Российский статистический ежегодник. М., 2017 // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // https://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf1.

10. Россия инвестирует триллионы рублей в строительство новой магистрали // MoneyTimes // http://www.moneytimes.ru/news/2019-10-24/18296/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fstory%2FRossiya_investiruet_trilliony_rublej_v_stroitelstvo_novoj_magistrali--5d3e67d6d8f3582b724b305d73bd86d4.

11. СК назвал сотрудников МВД лидерами среди коррупционеров // Новости дня в России и мире – РБК // https://www.rbc.ru/society/09/12/2019/5dee0be29a794726cc72c124.

12. Съели Россию офшорные волки // Рамблер Финансы // https://finance.rambler.ru/other/43705821-seli-rossiyu-ofshornye-volki/?updated.

13. Уголовные дела вокруг строительства космодрома Восточный // Новости в России и мире – ТАСС // https://tass.ru/info/7101906.

14. *Фридман М.Ф.* Глобализация стратегического управления: кадровая политика цифровой экономики // Профессиональное образование и рынок труда. 2018. № 2.

15. Члены правления «Роснефти» заработали за 9 месяцев 3,25 млрд. рублей // Новости в России и мире – ТАСС // https://tass.ru/ekonomika/2434346.

16. *Чуйков А., Говоров О.* Под пыльным ковром иностранных инвестиций // Аргументы недели. 21.03.2019. № 11 (655).

17. Credit Suisse констатировал рост числа миллионеров в России на 30% // Новости дня в России и мире – РБК // https://www.rbc.ru/economics/18/10/2018/5bc8878c9a79471a9f424a1c.

YA.S. ARTAMONOVA
Doctor of Political Science, Associate Professor,
Department «Social Relations, Advertising and Public Relations»,
Moscow Technical University of Communications and
Informatics, Moscow, Russia
V.I. SEMENOVA
Candidate of Political Science,
Department of State and Municipal Management,
Moscow Economic Institute,
Moscow, Russia

STATE POLICY OF PRODUCTION MANAGEMENT AND THE PROBLEM OF SOCIAL INEQUALITY IN THE DIGITAL ECONOMY

Currently, there is a growing contradiction between the goals of social policy, state regulation of the economy and the modernization of production. The purpose of this article is to study the main causes of existing contradictions and find the main ways to solve them. To achieve this goal, the task of comparing production indicators for the main areas and analyzing trends in state policy in relation to each of these areas was performed. It also identified the place of national projects in the potential development of the Russian economy and their role in improving the quality of life of the population. In this study, the comparison method and the inductive method were used. As a result, we proposed regulatory measures that the state can take at this stage of Russia's development in order to solve the problems not only of modernizing production, but also of stabilizing the social system and minimizing social inequality.

Key words: *production management policy, social inequality, knowledge-based production, public investment, digital economy, management model, modernization.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.003
УДК 32.019.5
Г.В. ВОРОБЬЕВ
кандидат философских наук,
доцент кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета, Россия, г. Москва
А.И. ПИРОГОВ
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники», Россия, г. Москва
О.В. МАТВЕЕВ
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

А.Н. РАДИЩЕВ И А.И. ГЕРЦЕН КАК ОСНОВАТЕЛИ И ИДЕОЛОГИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Поднята проблема идеологии русского революционного демократизма XYIII-XIX веков. Рассматриваются общественно-политические взгляды, программы, литературные труды А.Н. Радищева и А.И. Герцена, раскрыты их твердые идейные позиции и оценен их вклад в развитие революционно-демократической мысли в России.

Ключевые слова: *идеология, программа, самодержавие, крепостничество, демократия, революция.*

Революционно-демократическое направление в общественном сознании и политическом движении России в конце XVIII века зародилось как протест передовых представителей дворянского сословия против системы массовых насилий над крепостным крестьянством. Чаяния крепостного крестьянства в его борьбе с помещиками и классовым угнетением нашли свое яркое выражение в творчестве Александра Николаевича Радищева (1749-1802), которого по праву считают родоначальником революционно-демократической мысли в России.

А.Н. Радищев родился 20 (31) августа 1749 г. в селе Верхнее Аблязово Саратовской губернии в семье мелкопоместного дворянина. Он получил хорошее домашнее воспитание и образование: окончил одно из самых элитных учебных заведений России – Пажеский корпус, факультет юриспруденции Лейпцигского университета. По возвращении из-за границы (1771) служил в Сенате протоколистом, затем в штабе главнокомандующего петербургскими войсками в должности обер-аудитора (военного прокурора).

Казнь в Москве предводителя крестьянской войны Е.И. Пугачева глубоко потрясла Радищева, и он подал в отставку. Лишь стесненные жизненные условия заставили его вновь поступить на службу в Коммерц-коллегию, в которой через три года был назначен помощником управляющего петербургской таможни, а затем ее управляющим.

Литературной деятельностью Радищев занялся сразу после возвращения из-за границы: помещал статьи в журнале «Беседующий гражданин», участвовал в выпусках сатирических журналов Н.И. Новикова, занимался литературными переводами, в том числе работ французских социалистов-утопистов. Почти десять лет трудился он над своим главным произведением – книгой «Путешествие из Петербурга в Москву», в которую включил фрагменты своих ранних произведений (ода «Вольность», «Слово о Ломоносове» и др.). Ее анонимное издание в 1790 году, содержащее резкую критику русской общественной жизни 80-90-х годов XVIII века, явилось страшным ударом по самодержавию и господству помещиков-крепостников. По глубине содержания, правдивости изложения, страстности обличения эксплуататоров и угнетателей книга Радищева стала вершиной русской революционной мысли того времени. Общее экономическое состояние страны, ужасная нищета задавленных крепостничеством масс, состояние государственного аппарата, продажность чиновников, невежество царских цензоров, жалкое положение просвещения – все стороны государственной и общественной жизни крепостнической России были убедительно раскрыты в книге Радищева.

«Путешествия» взбудоражило весь Петербург. Екатерина II буквально проштудировала каждую страницу книги. В ее пометках значилось: «Тут царям достается крупно», «сочинитель не любит царей и, где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкой смелостью»; «царям грозится плахою», «помещиков сочинитель казнит», «надежду полагает на бунт от мужиков» [3. С. 355]. Назвав Радищева «первым подвизателем» революции в России, она тут же приказала начать следствие. 30 июня 1790 г. Радищев был арестован. Императрица решила собственноручно сделать обвинительное заключение [1. С. 4]. Посылая заметки на «Путешествие» своему «домашнему палачу», главе тайной канцелярии Степану Шешковскому, который ранее пытал Пугачева, а теперь вел допросы Радищева, императрица подчеркнула «Бунтовщик *хуже* Пугачева». Это высказывание и личные записки Екатерины легли в основу обвинительного приговора.

В ходе допросов Радищев не отрекся от своих замыслов и честно признался: «Желание мое стремилось всех крестьян от помещиков отобрать и сделать их вольными» [6. С. 90]. И в этом желании Радищева не поколебала даже угроза смертной казни. Суд над Радищевым проходил при закрытых дверях – так велик был страх перед его «крамольной» книгой. 24 июля 1790 года Радищев был лишен «чинов и дворянства» и приговорен к смертной казни через «отсечение головы». (Весьма характерно, что все статьи его приговора были в свое время перечислены царизмом в приговоре Емельяну Пугачеву и его соратникам). Более месяца просидел Радищев в Петропавловской крепости, ожидая исполнения приговора. Но императрица не захотела жертвовать своим образом просвещенной государыни в глазах европейских правителей и отправила Радищева в Сибирь сроком на десять лет, надеясь, что болезнь и тяжелые условия ссылки сделают свое дело. Но тайные надежды не оправдались: Радищев выдержал и дорогу в ссылку длительностью почти в год, и четыре года жизни в Сибири.

При Павле I, в ноябре 1796 года, Радищев был освобожден из Сибири и отправлен под полицейский надзор в имение своего отца – село Немцово, недалеко от Малоярославца. Он занялся хозяйством и даже задумал написать серьезное экономическое исследование о крепостническом способе производства, показав в нем его неэффективность, порожденную непримиримостью классовых интересов помещиков и крестьян. В марте 1801 года, по вступлению на престол Александра I, Радищев был освобожден из ссылки, вызван в Петербург и даже назначен членом Комиссии по составлению законов: самодержавие решилось использовать его знания и опыт юриста.

Радищев с увлечением взялся за дело, поражая всех «молодостью своих седин». Однако очень скоро императору пришлось разочароваться в своем решении: Радищев не изменил своим убеждениям и в комиссии продолжал борьбу с самодержавием и крепостничеством. Его юридические сочинения и проекты были проникнуты антикрепостническим духом. Они оказались совершенно неприемлемы для царской власти. Началась травля вольнодумца. Председатель комиссии граф Завадовский стал все чаще напоминать Радищеву о Сибири. Больной, серьезно стесненный заботами о большой семье (у него было трое детей от первого брака и трое – от второго), не видя поддержки своим замыслам и устремлениям, Радищев в ночь на 12 (23) сентября 1802 года покончил с собой, выпив смертельную дозу «царской водки» (смеси соляной и серной кислоты).

Добровольный уход из жизни рассматривался Радищевым не как проявление болезненной слабости и малодушия. Наоборот, для него это было проявлением гражданского мужества, актом протеста, на который, по его мнению, человеку дает право осознание неосуществимости его гражданских устремлений. О таком праве он со страстной убежденностью писал в своем «Путешествии»: «…Если добродетели твоей убежища на земле

не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, – тогда воспомни, что ты человек, воспомяни величество твое… Умри» [2. С. 257-258]. Протестом против самодержавия стали и последние слова Радищева: «Потомство за меня отомстит…».

Политические взгляды основоположника русской революционной мысли складывались под воздействием многих факторов. Главными из них были хорошо знакомые ему с детства мрачные картины насилий и произвола крепостников. Они пробудили в Радищеве чувство протеста, заставили его выступить в защиту народа против самодержавия и крепостничества. Поэтому все его творчество тесно смыкалось с борьбой угнетенных крестьянских масс. В своих многочисленных произведениях: «Путешествие из Петербурга в Москву», «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске по долгу звания своего», в специальных юридических трудах: «Проект Гражданского уложения», «Записка о законоположении», «О добродетелях и награждениях», «Опыт о законодавстве», – А.Н. Радищев смело обличал произвол самодержавия и показывал ужасы крепостного права в России. С пути бескомпромиссной борьбы с самодержавием и крепостничеством его не свернули ни поражение крестьянской войны под предводительством Пугачева, ни последовавшая затем кровавая расправа с участниками восстания.

Нужно отметить, что известную роль в формировании мировоззрения Радищева сыграли английская буржуазная революция XVII века, борьба колонистов Северной Америки за независимость, первые итоги Великой французской буржуазной революции XVIII века. А.Н. Радищев был хорошо знаком с трудами западных и отечественных философов-материалистов XVIII века, прежде всего М.В. Ломоносова. Вслед за ними он пытался осмыслить историю как закономерный процесс, найти законы ее движения. Историзм Радищева в ряде вопросов оказался намного прозорливее его западных современников. Но главный смысл заключается в том, что в своих работах Радищев порвал с традиционными упованиями на «просвещенного» монарха и пришел к полному отрицанию помещичьего, крепостнического государства. Вся сила критики самодержавия, данная Радищевым в его «Путешествии» и в других произведениях, обращалась им не персонально против отдельных лиц, а против самодержавия как формы политической власти, обеспечивающей господство помещиков-крепостников.

Будучи приверженцем теорий «общественного договора» и «естественного права», Радищев в своих произведениях показывал, что крепостное состояние противоречит «естественному праву», согласно которому все люди рождены свободными и равными. Среди неотъемлемых, естественных прав человека он особо выделял право самозащиты; признавал за народом право на восстание против тирана и право расторжения общественного договора, если власти нарушают естественные права человека и не обеспечивают ему сохранности жизни, чести, неприкосновенности имущества. По Радищеву,

если человек не получает в обществе защиты, он имеет право сам встать на защиту своих попранных прав. Такая постановка вопроса звала к протесту, к восстанию, к революции.

Существующая в России деспотия, по мнению Радищева, изжила себя, обречена на гибель. Избавления народа от ужасов крепостничества он ждал от широкой народной революции – восстания крестьян. Будучи проповедником крестьянской революции, в результате которой должна утвердиться власть народа, идеолог крепостного крестьянства Радищев еще в XVIII веке начинал осознавать ограниченность французской и американской буржуазных революций. Он был свободен от иллюзий, что с победой буржуазии на земле восторжествует царство разума, справедливости и всеобщего благоденствия. Отражая чаяния и устремления крестьянства, стонавшего под гнетом крепостников и самодержавия, он ставил вопрос не только о политической свободе, но и об избавлении от всякой эксплуатации. Поэтому революционная идеология Радищева стояла неизмеримо выше буржуазного просветительства как России, так и Запада. В этом Радищев выступает как последовательный демократ. Вместо формального разделения властей как политики компромисса между дворянством и буржуазией он выдвигает идею всевластия народа.

Будущую Россию Радищев представлял, как свободную добровольную федерацию вольных городов (федеративную республику), на вечевых собраниях которых народ был бы «истинный государь». Во главе правительства должны встать «великие мужи», избранные народом. В поисках образцов подлинного народовластия Радищев обращался к русской истории, идеализируя вечевые порядки Великого Новгорода и Пскова. В этих примерах он находил доказательство приверженности русского народа к республике как лучшей форме государства.

Радищев отвергал притязания помещиков на земельную собственность – земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Он мечтал об имущественном равенстве мелких производителей, устранении скупщиков и спекулянтов. По последовательности антифеодальных требований политическая программа Радищева была наиболее радикальной из всех политических теорий XVIII века, и ее осуществление дало бы возможность преодолеть все ограничения быстрого развития капитализма в России.

Общественно-политические идеалы Радищева – свержение самодержавия, установление республиканского демократического строя, отмена крепостного права и наделение крестьян землей, реорганизация всего аппарата власти и предоставление гражданам подлинной свободы – оказали огромное воздействие на последующие поколения борцов с самодержавием. Его влияние особенно чувствовалось во времена декабристов и Пушкина (1), когда война 1812 года разбудила патриотические чувства передовых русских людей. Оно сказалось и на творчестве великих русских революци-

онных демократов – Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, принявших от Радищева и декабристов эстафету революционной освободительной борьбы.

Александр Иванович Герцен родился 25 марта 1812 г. в Москве, в семье богатого помещика И.А. Яковлева. С его матерью отец в законном браке не состоял (что было тогда заурядным случаем в помещичьем быту), поэтому наследовать родовую фамилию мальчик не мог: по предложению матери, немки по происхождению, Александра нарекли Герценом (от нем. dasHerz – сердце), подразумевая тем самым, что он желанный ребенок, *дитя сердца*.

Гимназическое обучение в те годы еще только начинало развиваться, поэтому начальное образование юный Герцен получил дома, под началом гувернера-француза Бушо, якобинца по убеждениям, и студента-медика И.Е. Протопопова, также оказавшегося вольнодумцем. Так начались формироваться его мировоззрение и демократические убеждения.

Летом 1825 г. произошло первое знакомство Герцена с Николаем Огаревым, сыном одного из богатейших помещиков России. Очень скоро юноши подружились и стали встречаться практически ежедневно. Эта дружба продолжалась всю жизнь.

Восстание на Сенатской площади Петербурга 14 декабря 1825 г. и последовавшая затем казнь декабристов потрясли Герцена и Огарева. Летом 1827 г. на Воробьевых горах они дали клятву продолжить дело декабристов: «пожертвовать своим существованием во благо человечеству». Это благо виделось молодым людям как утверждение в России конституционной формы правления.

В 1829 г. Герцен поступил на физико-математическое отделение Московского университета. Его выбор удивил всех: отец видел его чиновником или военным, учителя – студентом словесного отделения (его литературные способности проявились уже довольно зримо). В годы учебы в университете вокруг Герцена и Огарева постепенно складывается кружок друзей и единомышленников, преимущественно «детей дворянских». Идеологическую основу кружка составляла смесь идей декабристов и западных социалистов-утопистов, прежде всего Сен-Симона и Фурье.

В 1833 г. Герцен защитил диссертацию и окончил университет уже кандидатом отделения физико-математических наук. Однако к занятиям точными науками он уже охладел: его больше интересовали история и политика. Поэтому все разговоры с друзьями касались обсуждения острых политических вопросов и устройства будущего. По доносу провокатора в июле 1834 г. Герцена арестовывали. Никаких «злоумышлений» с его стороны доказать не удалось, но, как «зараженного духом времени», его приговорили к ссылке. Местом ссылки первоначально была определена Пермь, затем Вятка, а в 1837 г. – Владимир.

Еще в тюрьме, чтобы как-то занять себя, Герцен обратился к литературе, чтобы с помощью художественных образов выразить свои мысли и идеи.

В ссылке литература стала его основным занятием. Там он написал повести «Первая встреча», «Легенда», «Вторая встреча» и статью «Гофман», которую удалось опубликовать в журнале «Телескоп» под псевдонимом «Искандер». Этим псевдонимом впоследствии Герцен стал подписывать все свои произведения.

В начале 1840 г. Герцен был освобожден от полицейского надзора и даже зачислен на службу в министерство внутренних дел. Вместе с женой и сыном (в ссылке Герцен обзавелся семьей) он переехал в Петербург, где близко сошелся с В.Г. Белинским и начал сотрудничество с журналом «Отечественные записки», в котором публиковал многие из написанных в ссылке произведений. «Герцен большой человек в нашей литературе, – писал о нем Белинский, – …он может оказать сильное и благодетельное влияние на современность» [5. С. 154].

Не обошли Герцена своим вниманием и царские жандармы: уже в конце 1840 г. его вновь сослали в Новгород, и он подал в отставку, решив сосредоточиться на научной и литературной деятельности. Его главным занятием стало «обдумывание способа раскрепощения крестьян». Сменить Новгород на Москву Герцену разрешили только в 1842 году, но полицейский надзор с него снят не был. В 1845-1846 гг. он опубликовал восемь статей, составивших его главный философский труд, – «Письма об изучении природы». В это же время вышли в свет его роман «Кто виноват?», повести «Сорока-воровка» и «Доктор Крупов».

После смерти отца (1846) Герцен стал наследником большого состояния и через год покинул Россию (как оказалось, навсегда) и уехал за границу для лечения больной жены. Герцены путешествовали по Европе (Германия, Франция, Италия), встречались со старыми друзьями (Белинским, Бакуниным, Тургеневым), заводили новые знакомства. Поворотным в судьбе Герцена стал 1848 год: жестокое подавление революционных выступлений во Франции, Италии, Австро-Венгрии и Германии подорвали его веру в буржуазную демократию и во многом способствовали переходу на сторону революционного народа. Герцен верил, что революции в Европе потерпели лишь временное поражение, что за ними последуют новые революционные выступления, в том числе и в России. Поэтому он принял решение остаться за границей, чтобы вести открытую борьбу против буржуазии, способствовать переносу европейского революционного пожара на «соломенные крыши России». Отрицая капиталистический путь развития России, он видел ее будущее в крестьянском, общинном социализме, теорию которого изложил в статьях «Русский народ и социализм» и «О развитии революционных идей в России».

Основной формой борьбы интернациональной эмиграции, скрывавшейся от правительственных репрессий после подавления революционных выступлений, была печатная пропаганда. Герцен принял в ней самое ак-

тивное участие, справедливо считая, что слово – это тоже дело. Печатаясь во французских и немецких социал-демократических изданиях, он принял решение организовать *свое дело* – вольную русскую типографию. (Ранее ряд попыток создания русской типографии в Швейцарии, Германии и Франции были пресечены правительствами этих стран, но Герцен не сдавался). Осуществить задуманное ему удалось в начале 1853 г. в Лондоне. И уже в первых листовках, выпущенных в вольной типографии («Юрьев день!», «Крещеная собственность» и др.), Герценом был поставлен самый главный, самый больной вопрос России – вопрос об отмене крепостного права.

Без поддержки свободомыслящей России вольная русская типография существовать не могла, а такой поддержки со стороны своих московских и петербургских друзей – «кружковцев» Герцен не получил: революционный пыл русского дворянства уже потух. Опираться приходилось только на собственную веру в правое дело. На поражение царизма в Крымской войне и смерть императора Николая I он откликнулся объявлением о начале издания русского журнала под названием «Полярная звезда». Название и оформление журнала (на его обложке были изображены профили пяти казненных декабристов) подчеркивали неразрывную революционную связь журнала с делом декабристов, а также цель его создания – стать *путеводной звездой* для новой России. Идея «Полярной звезды» оказалась более плодотворной: журнал нашел своих корреспондентов не только среди представителей западной социал-демократии и русской эмиграции, но и в России.

В апреле 1856 г. в Лондон приехал Н.П. Огарев и сразу же включился в издательские дела Герцена. Вместе они пересмотрели концепцию своей работы: накануне назревших реформ России было необходимо пусть меньшее по объему, но выходящее с большей периодичностью, многоплановое издание. Им стала газета «Колокол». С июля 1857 г. газета выходила ежемесячно, а с июня 1859 г. – еженедельно. «Колокол» должен был стать центральным органом задуманного Герценым и Огаревым тайного общества, программа которого предусматривала политическое переустройство России, в которой назревала революционная ситуация: по всей стране полыхали крестьянские восстания. Прогрессивная часть дворянства требовала уже не только освобождения крестьян, но и конституции, реформы суда, цензуры, административного управления. В этих условиях Герцен и Огарев конкретизировали цели задуманного ими тайного общества, идеи которого отразили в документе (программе) под названием «Идеалы». Согласно этой программе, Россия должна была стать демократической конфедеративной республикой с централизованным правительством, несущим ответственность перед избирателями. Отмена крепостного права, наделение крестьян землей, местные крестьянские общины как основа государства, выборность всех органов власти, равенство всех перед законом – таковы были основные положения преобразований программы действий тайного общества.

Само тайное общество планировалось организовать из двух частей: революционного центра в России и пропагандистского центра за границей. В России такой центр сформировался вокруг Чернышевского и Добролюбова, а Герцен и Огарев создали пропагандистский центр в Лондоне. Целью общества было политическое освобождение России от самодержавного деспотизма, преобразование ее на демократических началах. Однако между двумя центрами формирующегося тайного общества сразу возникли разногласия в тактике борьбы. Герцен и Огарев выступали за реформистский путь, а Чернышевский и Добролюбов настаивали на революционной тактике. Разногласий не устранила даже личная встреча Чернышевского с Герценом в июне 1859 г. в Лондоне. Переломным моментом в выборе форм и средств борьбы стал царский «Манифест» об освобождении крестьян от 19 февраля 1861 года», в котором, по сути, старое крепостное право заменено новым. «Народ царем обманут» – так оценили царский манифест Герцен и Огарев (2). Крестьяне же ответили на свое «освобождение» массовыми выступлениями.

Разуверившись в реформистских потенциях дворянского сословия, Герцен окончательно встал на сторону революционной демократии, предлагая ликвидировать дворянство как отживший социальный организм. Изменение его позиции ускорило формирование в России тайного общества «Земля и воля», которое оформилось к 1862 г. как сеть тайных кружков революционеров по всей Центральной России. Название общества по сути провозглашало его главную цель – создание такого правительства, которое действительно даст народу волю, освободит крестьян с землей. Создать такое правительство предполагалось через созыв всесословного Земского собора. Программным документом «Земли и воли» стала написанная Огаревым прокламация «Что народу нужно?».

Пиком революционной деятельности Герцена и практической проверкой его социальных идеалов стало польское восстание 1863 года. Герцен надеялся, что восстание в Польше всколыхнет и Россию на революционное выступление. Свою позицию по польскому вопросу он определял так: признание права крестьян на землю, обрабатываемую ими, и полную самоправность всякого народа располагать своей судьбой. Герцен и Огарев стремились оказать всемерную поддержку восставшим. Собирали деньги. Из номера в номер «Колокол» разоблачал кровавые действия царизма и его приспешников в Польше, стремился подтолкнуть русский народ на революционное дело. Однако эти усилия не увенчались успехом. Слабо организованному, разобщенному польскому восстанию не удалось развернуться в крестьянскую войну и расшевелить Россию. Его жестокое подавление поставило точку в истории дворянского освободительного движения в России. В итоге польские события способствовали окончательному разрыву Герцена с российским дворянством. Но и оно ответило Герцену тем же: за под-

держку Польши герценовский «Колокол» стал объектом травли, клеветы и шельмования, что привело к утрате его былой популярности. От Герцена отвернулась значительная часть его прежних сторонников. Начался новый, самый тяжелый этап жизни и деятельности Герцена – этап перегруппировки сил, поиска преемников и продолжателей своего дела. Герцен перевел Вольную русскую типографию в Женеву, пытаясь объединить вокруг нее волну «молодой эмиграции». Однако и эта попытка успеха не принесла: между «молодой» и «старой» эмиграцией сразу же возникли разногласия по поводу идейных основ и тактики революционной борьбы. Так, Герцен считал себя основоположником и последовательным проводником «русского (общинного) социализма», в то время как революционеры-разночинцы, сторонники Чернышевского, проповедовали социализм «западного (индустриального)» образца. Рвавшиеся к практической борьбе разночинцы признавали индивидуальный террор как основу революционной тактики, чего Герцен, отстаивавшей идею бескровной, хотя бы на первых порах, революции принять не мог: покушавшегося на царя Д. Каракозова он называл «сумасшедшим», «фанатиком». В результате между Герценом и «молодой эмиграцией» возникла отчужденность. Лишенная живых связей с родиной пришла в упадок и Вольная русская типография: в 1869 г. ее деятельность фактически прекратилась.

В последние годы своей жизни Герцен проникся симпатией к деятельности созданного Марксом и Энгельсом I Интернационала. Он внимательно следил за его ежегодными конгрессами, поддерживал деньгами и литературой Женевскую секцию Интернационала. Герцен решился поддержать этот грядущий успех и сошелся в острой полемике с Бакуниным, проводившим линию на раскол Международной организации трудящихся. К сожалению, в самый разгар этой полемики болезнь взяла свое: 21 января 1870 г. А.И. Герцен скончался от воспаления легких.

Значение революционной борьбы и творчества А.Н. Радищева и А.И. Герцена для развития революционного движения в России трудно переоценить: после разгрома движения декабристов, в тяжелые годы реакции они подняли знамя революционной борьбы с самодержавием и крепостничеством. «Путешествие из Петербурга в Москву», «Колокол», «Полярная звезда» будили и звал тысячи людей в России на борьбу с закостенелым монархическим режимом, дворянским и буржуазным либерализмом. Свободное слово снова зазвучало в новой России и революционной Европе [4. С. 261-262].

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Достаточно отметить, что многие произведения А.С. Пушкина не только по содержанию, но и по названию повторяют произведения Радищева: ода «Вольность», «Путешествие из Москвы в Петербург», «Бова».

В одном из вариантов «Памятника» Пушкин прямо указывает на свое духовное родство с Радищевым:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я Свободу,
И милосердие воспел».

(2) 19 февраля 1861 г. Александр II подписал «Манифест» об отмене крепостного права и «Положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», состоящее из 17 законодательных актов. «Манифест» и «Положение» были обнародованы с 7 марта по 2 апреля 1861 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Горелов А.* Сожженная книга // Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Л.: Художественная литература, 1981.

2. *Евгеньев Б.* Александр Николаевич Радищев. М.: Молодая гвардия, 1949.

3. История политических и правовых учений. Домарксистский период: учебник / Под ред. В.С. Нерсесянца. М.: Юридическая литература, 1990.

4. *Ленин В.И.* Полн. Собр. Соч. Т. 21.

5. *Прокофьев В.А.* Герцен. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1987.

6. *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. Л.: Художественная литература, 1981.

G.V. VOROBIEV
Candidate of Sciences (philosophy),
Associate Professor, Chair of social sciences and public administration, Moscow State Regional University,
Moscow, Russia
A.I. PIROGOV
Doctor of Sciences (philosophy),
Professor at the Chair of philosophy, sociology and political science, National Research University "Moscow Institute of electronic technology,"
Moscow, Russia
O.V. MATVEEV
Doctor of Sciences (history),
Professor at the Chair of history, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

A.N. RADISHCHEV AND A.I. HERZEN AS FOUNDERS AND IDEOLOGISTS OF REVOLUTIONARY DEMOCRACY IN RUSSIA

The article raises the problem of the ideology of Russian revolutionary democracy in the XYIII-XIX centuries. It considers the socio-political views, programs and literary works of A.N. Radishchev and A.I. Herzen, reveals their firm ideological positions, and assesses their contribution to the development of the revolutionary and democratic thought in Russia.

Key words: *ideology, program, autocracy, serfdom, democracy, revolution.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.004
УДК 32.323
И.А. КОПЫЛОВ
кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры политологии Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
Россия, г. Москва
О.В. МАТВЕЕВ
доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации; профессор
Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва
Е.С. УШАКОВ
доктор философских наук, профессор
кафедры политологии Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
Россия, г. Москва

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФЕНОМЕНА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

В статье рассматриваются некоторые аспекты политической деятельности как особой специфической сферы деятельности, имеющей свои отличительные черты. Акцентируется внимание на ее структуре, видах и средствах, используемых субъектами политической деятельности в достижении своих политических целей, а также некоторых особенностях их проявления в современном российском обществе.

Ключевые слова: *политическая деятельность, политика, субъект политической деятельности, политический процесс, политический интерес, профессиональный политик.*

Включаясь в политическую жизнь общества и государства, люди по-разному определяют в ней способ и меру своего участия. Это зависит от состояния Объективных политических отношений, меры и способов задействования в них конкретных личностей и социальных групп, субъективного выражения культуры в многообразных формах и видах политической деятельности.

Изучение и анализ современных отечественных источников свидетельствуют о наличии различных подходов к пониманию содержания и сущности политической деятельности.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4. С. 5-12; 8. С. 34-43; 9].

Однако проблему политической деятельности как феномена общественной жизни нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Для отечественной традиции исследования политики и политической деятельности характерен взгляд на всю совокупность политических феноменов как на явления и процессы, производные от материальных явлений и процессов, и непосредственно опирающейся на них системы экономических отношений. При этом, однако, за политической сферой признается определенная самостоятельность.

Согласно этому взгляду, основное содержание политики составляют отношения между социальными группами по поводу завоевания, удержания и использования государственной власти [6]. Поэтому политические вопросы рассматриваются нередко сквозь призму проблем формирования, согласования и предъявления общественных интересов. Характер политической деятельности, ее «социальность» и направленность обусловливаются сложившимся типом общественных отношений и зависит от многих факторов.

К наиболее важным среди них следует отнести:

– тип политической системы общества и степень ее демократизма;

– политический режим (тоталитарный, авторитарный или демократический;

– общественные условия (состояние стабильности или кризис, наличие войн, острота внутренних и внешних конфликтов и т.д.);

– расстановка политических сил участников политического процесса (наличие политических союзников, договоренностей и обязанностей, степень политического взаимодействия или противоборства);

– уровень политической культуры всего общества и составляющих его частей, опыт их политического поведения (позитивное и негативное, резонансное и иррациональное, инерционное и творческое, стихийное и организованное и др.).

Позитивное политическое поведение предполагает деятельность или воздержание от деятельности участников политического процесса, объективно способствующее достижению политических результатов в функционировании политической системы общества или отдельных ее элементов.

Негативное политическое поведение – это полный отказ от каких-либо действий, абстенционизм (воздержание от участия в политической жизни), состоящий в непрепятствовании событиям идти своим чередом.

Рациональное политическое поведение характеризуется тем, что субъект политического процесса имеет четкое представление о целях, знает

адекватные этим целям методы, способен эффективно применять их, устанавливать систему приоритетов и вносить изменения в стратегию и тактику, если они не приводят к ожидаемым результатам.

Иррационное политическое поведение – поведение, которое, как правило, приводит к неудаче из-за неспособности субъекта правильно увязать средства с целями «слепого» отношения к «упрямым фактам» действительности.

Инерционное политическое поведение характеризуется тем, что субъект политического процесса ограничивается воспроизводством существующих политических отношений, в то время как творческое политическое поведение способствует обновлению элементов политической системы общества, появлению новых ее институтов, придающих дополнительные импульсы поступательного развития.

Таким образом, политическая деятельность, как особая специфическая сфера общественной деятельности, в самом общем виде может рассматриваться и как совокупность действий общественных групп (социальных слоев, народов, наций), конкретных субъектов политики по реализации своих политических интересов, и как способ включения индивидуальных и коллективных субъектов в политику.

В отличии от политического участия, представляющего собой единовременный (например, при референдуме) или периодически повторяющийся (например, на выборах) акт политического волеизъявления, политическая деятельность предполагает профессиональное участие в выполнении политических функций в рамках тех или иных институтов политической системы общества или действующих против нее.

Политическая деятельность своеобразно выражается в конкретных формах, видах активности субъектов, имеет свою специфику. Самыми важными характеристиками специфических черт политической деятельности являются:

– ориентация действий субъектов на обще коллективные проблемы;

– использование политической власти как главного средства осуществления целей;

– основным институтом решения общих проблем выступает государство;

– тесная взаимосвязь с другими видами человеческой деятельности и т.п.

Политическая деятельность имеет много видов, которые можно разделить по следующим основаниям:

Во-первых, по отношению к государству: политико-государственная и политико-негосударственная.

Во-вторых, по принадлежности к общественным формированиям: партийно-политическая, корпоративная, общественно-политическая, массовая и другие виды деятельности.

В-третьих, по участию в политической деятельности определенных личностей: политических лидеров, членов конкретных политических организаций, движении, рядовых личностей.

Всякая политическая деятельность включает в себя цель, средство, процесс, результат.

Основанием деятельности является цель, но основание цели лежит вне деятельности – в сфере человеческих ценностей и идеалов. Цель представляет собой образ желаемого будущего, идеальный результат, к которому стремятся политические субъекты и который является побудительным мотивом деятельности. Цель в политике, кроме мотивационной, выполняет и организационную, мобилизационную функции. Общая характеристика цели состоит в интегративном выражении общих интересов, стремлений людей к лучшей жизни.

Способом достижения политической цели выступают средства. Средства есть конкретные инструменты влияния субъектов политики на объекты. Одна и та же цель может осуществляться разными средствами. Если общая цель относительно стабильна, устойчива, то конкретные цели подвижны, а средства политической деятельности представляют собой очень изменчивые инструменты действий субъектов. Вопрос о взаимовлиянии целей и средств в политике рассматривается, как правило, в зависимости от их нравственной оценки. Поскольку средства являются более конкретными, оперативными и подвижными инструментами политической деятельности, то они непосредственно влияют на результаты политики, могут корректировать цель. Отсюда очевидно, что политик обязан владеть механизмами использования средств, не абсолютизировать какое-то одно средство, быть готовым к их смене и т.п. При этом очень важно использовать средства политической деятельности адекватные ее целям. Разумное сочетание цели и средств в политике базируется на ряде принципов: плюрализме, толерантности, компромиссе, солидарности и др.

Структура политической деятельности большинством политологов рассматривается как совокупность действий, подчиненных определенным правилам, и реакций на эти действия. При этом содержание политической деятельности определяется как сумма решений, принимаемых политическим деятелем или группой и относящихся к выбору целей, и методов их достижения в зависимости от конкретной ситуации. В сложной структуре политической деятельности выделяются такие элементы, как:

– выбор целей, что предполагает знание субъекта политики о ценностях и их иерархии;

– методы достижения целей, которые должны включать поведение людей;

– ситуация, характеризуемая таким взаимодействием между политическим процессом и социальной средой, которое ограничивает достижение

поставленных целей и которое требует применения особых политических средств для ее разрешения;

– контроль, который политический деятель может осуществлять посредством власти.

Выделение в структуре политической деятельности процесса реализации ее целей и задач, включение в него конкретных ситуаций, удержание контроля над ними и прогнозирование результатов, свидетельствует о преобладающем интересе к практическому компоненту политической деятельности. По сути дела, речь идет о формировании нового взгляда на политическую деятельность, рассматривающего ее как технологический процесс, что исключительно важно для современного информационного общества. Данный подход предполагает способность субъектов политической деятельности реализовать политическую стратегию посредством специальных механизмов, а также возможность более или менее эффективного осуществления политической деятельности через постановку соответствующих целей и задач, использование определенных средств и методов.

Чтобы стать активно действующим политическим субъектом, личность, социальная группа, ее организации должна субъективировать себя в политических отношениях. Путь к этому – переход состояний личности, социальной общности, института от пассивного воспроизведения политических отношений к активно-осознанному проявлению как субъектов деятельности.

Как объект управления, политическая деятельность неразрывно связана с целым рядом обстоятельств, самым непосредственным образом влияющих на ее осуществление, повышение ее эффективности. Одним из таких обстоятельств может служить неадекватность содержания и направленности политической деятельности (целесообразность) реальным изменениям и преобразованиям в обществе (достижение результата). Так реализация функции политического целеполагания в российском обществе свидетельствует о реально углубляющимся противоречии «цель – результат», которое подтверждается реально не устраивающими значительную часть наших граждан результатами в его развитии [7].

Вместе с тем, проводимые в стране реформы и преобразования, именуемые национальными проектами, призваны не только вывести страну из кризиса на новый этап развития, сформировать новые механизмы хозяйствования, адекватно отражающие интересы всех социальных слоев, групп, отдельного человека, и на этой основе обеспечить их согласование и реализацию, но и включить массы в активную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте. Реализация функций согласования интересов и мобилизации масс, в свою очередь, предполагают возможность пробудить у людей стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности. Со всей очевидностью эта функция проявила себя в ходе обсуждения поправок в Конституцию Российской Федерации, выдвинутых Президентом Российской

Федерации В.В. Путиным. Широкие массы людей были активно включены в этот процесс, проявив огромную заинтересованность в осуществлении данного политического акта, открывающего перед ними огромные возможности в реализации их интересов.

Общественная ситуация в России сегодня характеризуется множеством заявленных интересов, взглядов, мнений определенных социальных групп и слоев со своими политическими целями и действиями. Диалектика взаимоотношений интересов ставит проблему их гармонизации как основы выработки политики, политической деятельности. Идеи субъектов политики становятся материальной силой лишь тогда, когда находятся в состоянии резонанса с сознанием и настроениями масс. Одним словом, политическая деятельность, представленная крупными политическими решениями программного характера, акциями регионального и местного масштаба, узкоспециализированными действиями в конкретной области общественной жизни или по отношению к определенной социальной группе общества, не может не учитывать состояние обыденного сознания людей, их психологию.

Не меньшее значение в этой связи имеет и то обстоятельство, которое требует рассматривать современное российское общество, как общество развивающейся демократии. Именно такое его видение требует в свою очередь осуществления политической деятельности на научной основе. В еще большей мере она должна опираться на результаты изучения объективных закономерностей, всесторонний анализ социально-экономических и политических процессов, выявление их противоречий, прогнозирование последствий.

Особого внимания заслуживают резервы повышения действенности и адекватности политической деятельности, связанные с использованием возможностей стратегического планирования и управления [5]. Разработка стратегии планирования и управления в политической деятельности играет решающую роль в обновлении механизмов управления, их адаптации к новым условиям и целям, в создании новых, более эффективных методов управления, позволяющих решать новые задачи. В современных условиях ее реализация, как свидетельствует уже накопившийся определенный опыт, может осуществляться на основе следующих принципов.

1. Взаимосвязь и взаимозависимость всех элементов системы стратегического планирования и управления между собой и с внешней средой.

2. Принцип постоянного обновления, предполагающий учет механизмов развития, как субъектов планирования, так и их структурных элементов.

3. Использование ситуационного анализа, учитывающего конкретный набор обстоятельств и проблемных ситуаций для принятия управленческого решения.

4. Учет многофакторного характера проблемной ситуации и разнонаправленного характера ее внутренних взаимосвязей.

5. Избегание субъективизма, преимущественное использование рациональных ориентиров и критериев при принятии решений, выборе целей и средств, оценке теоретических концепций.

Помимо перечисленных основных принципов, лежащих в основе стратегического планирования и управления в политической деятельности, нельзя не указать на важность использования банка проблемных знаний как одного из основных элементов технологии стратегического управления в современном обществе [10].

Знания составляют один из основных элементов организационной культуры современного общества, причем в отличие от инноваций и некоторых других элементов, они выделяются как элемент постоянного характера. При этом по мере накапливания знаний возникают объективные предпосылки для возникновения кумулятивного эффекта: на основе суммы имеющихся знаний возникают новые знания, ценность которых не сводима к ценности суммы исходных составляющих. Иными словами, при помощи полученных подобным образом новых знаний можно решать более широкий круг проблем, а также проблемы принципиально иного, более высокого уровня сложности, характерного для современного социума.

Сказанное в полное мере применимо к сфере политического управления. С учетом того, что целью политической деятельности является, в конечном счете, выявление и решение конкретных проблем, представляется, что в сфере политической деятельности стратегические управленческие решения должны рассматриваться как программа мер, определяемая на основе информации, содержащейся в постоянно обновляемом и пополняемом банке проблемных знаний. Такой банк должен рассматриваться как необходимый элемент, участвующий как в процессе предвидения, выявления и исследования проблем, так и при подготовке и принятии управленческих решений.

Принимая во внимание тот бесспорный факт, что основу политической деятельности составляет стратегия государства, а в государстве всегда важен момент общего интереса и воли большинства граждан, нельзя не признать, что стратегическое планирование и управление в сфере политической деятельности должно отражать различные политические идеи и взгляды, конструктивно объединяя политические позиции и программы различных социальных групп. Все многообразие этих позиций и программ, фиксируемое посредством согласованных и закрепленных государством процедур, должно в конечном счете получать выражение в принимаемых на государственном уровне стратегических решениях.

Таким образом, политическая деятельность уже по сути своего содержания предполагает возможность и необходимость применения технологии стратегического планирования и управления.

Высокие требования политическая деятельность предъявляет к личностно-профессиональным качества политика. Профессиональный облик

субъекта политической деятельности представляет собой сложную систему различных социальных ролей, связанных с выполнением задач и функций политической деятельности, индивидуальных особенностей самой личности. Человек, не являющийся профессиональным политиком, становится субъектом политики при условии, что он знает, каковы социальные потребности и интересы, чем обусловлены противоречия между ними и каковы возможности их практического разрешения.

Однако для профессиональной политической деятельности в условиях современного общества этого уже недостаточно. Для устойчивой реализации профессиональной политической субъектности личность должна соответствовать определенным требованиям, относящимся к сфере политического знания, к уровню ее профессионализма и мастерства.

Поскольку профессиональная компетентность субъекта политической деятельности предполагает способность эффективно конструировать политическую обстановку, в число необходимых ее составляющих в обязательном порядке должны входить как способность к освоению методов научной оценки политических ситуаций, так и профессиональное владение специальными механизмами социально-политического и психологического воздействия.

Профессиональный политик есть прежде всего аналитик, специалист по технологии власти, способный дать практические советы и рекомендации по ее эффективному использованию. Ему присущи также качества, как искусство компромисса, компетентность, убежденность, независимость суждений, устойчивая линия поведения, способность к организации и мобилизации масс/на решение общественно-значимых проблем, авторитет, высокая гражданская и политическая культура, доверие к людям и др.

Оценивая в целом некоторые особенности политической деятельности в современном обществе, можно отметить, что ее основная характеристика заключается не столько в использовании отдельных приемов и средств для решения частных задач, сколько в целостности политической технологии деятельности, выражающей стратегию, тактику и технику использования всех основных политических средств и способов достижения политической цели. Такое понимание предусматривает оптимальную организацию политической деятельности с учетом влияющих на нее как внешних условий, так и внутренних факторов.

Саму же политическую деятельность следует рассматривать как исторически сложившийся вид особой общественной активности человека, предметом которой являются проблемы жизнедеятельности людей, удовлетворение их насущных потребностей и интересов, определение перспектив и направлений общественного движения, управления социально-экономическими и политическими процессами, а также владения и использования политической (государственной) власти.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Авцинова Г.И., Анохин М.Г., Беляева В.П., Гришин О.Е., Тарасов Е.Н.* Технологии политической деятельности: опыт, проблемы, приоритеты. М., 2011.

2. *Кобландин К.И., Сапарбекова Д.С.* Роль медиа в формировании имиджа современного политического деятеля // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

3. *Кулакова Н.Н.* Проблемы и перспективы взаимодействия государства и гражданского общества на современном этапе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63).

4. *Медведев Н.П., Чернышов С.И.* К вопросу о сущности понятия «политическая деятельность» // Вопросы политологии. 2015. № 4 (20).

5. *Овчаренко А.Н.* Теоретико-методологические подходы к стратегическому планированию в управлении политической деятельностью. М.: Издво «Альтекс», 2006.

6. Политология: учебник / Под. общ. ред. А.В. Кончугова и А.И. Сацуты. М.: ВУ, 2015.

7. Россия: центр и регионы. М., 2019. Выпуск 27. Т. I.

8. *Слизовский Д.Е., Рузанов С.А., Олейников Д.И.* Общественно-политическое движение в России (1991-1999 гг.): актуальность, подходы исследования // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2016. № 3-4 (4-5).

9. *Сулейманова Ш.С.* Роль интернет-технологий в формировании политической среды // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

10. *Франчук В.И.* Современные основы социального управления. М., 1997.

I.A. KOPYLOV
Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor, Chair of politology, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
O.V. MATVEEV
Doctor of Sciences (history), Professor at the Chair of history, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
E.S. USHAKOV
Doctor of Sciences (philosophy), Professor at the Chair of politology, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

SOME ASPECTS OF POLITICAL ACTIVITY AS A PHENOMENON OF PUBLIC LIFE

The article considers some aspects of political activity as a specific sphere of activity that has its own distinctive features. The article focuses on its structure, types and means used by political actors in achieving their political goals, as well as some features of their manifestation in modern Russian society.

Key words: *political activity, politics, subject of political activity, political process, political interest, professional politician.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.005
УДК 323
В.И. СЕМЕНОВА
кандидат политических наук,
кафедра государственного и муниципального управления
Московского экономического института,
Россия, г. Москва

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНЫХ ДАННЫХ

Информационную безопасность личности в интернет-пространстве становится обеспечить все сложнее. То, что ранее воспринималось как достоинства интернета, сейчас вызывает большие вопросы и постепенно превращается в недостатки. При выработке стратегии управления в области информационной безопасности весьма сложно провести границу, где заканчивается безопасность государства и начинается безопасность личных данных в информационной среде. В связи с этим обстоятельством необходимы новые подходы к пониманию безопасности личных данных в цифровом пространстве.

Ключевые слова: *информационная безопасность, личные данные, государственная политика в сфере информационной безопасности, национальная безопасность, кибератака, киберпреступность.*

В настоящее время информационная безопасность неотделима от национальной безопасности и зачастую трудно провести четкую границу между ними. Глобализационные процессы, интернет вещей, 3-D печать, развитие индустрии программного обеспечения и мобильных приложений [1. С. 146], мессенджеров и хранилищ данных, каждый день проверяют на прочность не только системы защиты информационной безопасности, но и возможности государства, бдительность и осознанность общества.

В XXI веке информационная безопасность является одним из ключевых компонентов национальной безопасности. Обеспечение защиты электронных коммуникаций, систем и гарантия безопасности граждан в интернет-пространстве необходима для стабильной работы всей государственной системы.

Изменили интернет-технологии и лицо международных конфликтов [5]. Теперь противостояние между отдельными странами или блоками государств все больше смещается в интернет-пространство. И там разворачиваются бит-

вы не менее масштабные. Бытовавшее среди ученых в 80-90-е годы прошлого века мнение, что интернет приведет к глобальной демократии за счет того, что народ сможет следить за своим правительством, находит все меньше сторонников, так как правительства опередили граждан и всесторонне используют интернет в своих интересах.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации говорится о том, что «национальная безопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан … Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [11]. «Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности … прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности» [11]. Таким образом, информационная безопасность выделена как один видов национальной безопасности, подчеркнута важная роль информационной безопасности в защите общества, государства, личности.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [6; 7; 10; 14; 15; 17. С. 443-451].

Однако проблему информационной безопасности личности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Один из упомянутых в Стратегии видов национальной безопасности – безопасность личности – тесно переплетается с информационной безопасностью государства и зачастую весьма сложно установить, как охранять одно, не задев при этом другое. Где границы приватности, и кто будет ответственным в случае незаконного использования информации? Имеет ли право государство использовать информацию о жизни граждан, предназначенную для личного пользования? По этим и множеству смежных вопросов ведутся дискуссии среди юристов, политологов, криминалистов, но однозначного ответа пока нет, много пробелов остается и законодательстве. В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» защита информации определена как «принятие мер» [12], то есть весьма размыто. В силу перечисленных обстоятельств не всегда получается привлечь к ответственности лиц, совершающих киберпреступления, либо удается привлечь их за другие преступления, которые удалось доказать и за которые преступники могут получить реальные сроки.

В свете последних тенденций было бы уместно расширить понятие «информационная безопасность личности» и «информационная безопас-

ность общества» пунктом «защита от вмешательства государства». И, так же как санкционированное убийство, например, в военных целях, не перестает быть убийством, так и бесконтрольное вмешательство государства в частную жизнь граждан не может считаться оправданным, пока четко не определены границы такого вмешательства и пока нет реальных наказаний за нарушение этих границ. На практике мы видим, что наши данные не защищены не только в личностной части, так как в этом случае основная ответственность за них лежит на нас, но и там, где мы предстаем как часть общества. Это различные базы данных, где содержатся сведения о гражданах: правительственные порталы, базы данных клиентов банков и других организаций, социальные сети, банки данных мобильных операторов. Слишком много субъектов гарантируют нам «полную конфиденциальность и сохранность данных», что усиливает риски. Чем больше людей и информации в базе данных, тем больше желающих ее заполучить. Чем в больших количествах баз данных мы числимся, тем выше риск, что наши данные попадут к посторонним лицам. Уже давно замечено, что, попадая в одну из, на первый взгляд, безопасных баз данных, мы незамедлительно получаем шквал звонков с незнакомых номеров. И кого в данном случае нужно наказывать: тех, кто продает, или тех, кто покупает? На практике мы видим большое количество объявлений и предложений купить персональные данные «по цене чашки кофе». Персональные данные постепенно превратились в валюту, которую можно менять как на деньги, так и на услуги. Появляются компании, которые открыто покупают личные данные.

Отношение к личным данным в мировой истории менялось не раз. Сказывался как уровень грамотности населения, так и уровень развития цивилизации. Эволюцию отношения к личным данным в разные периоды истории можно представить таким образом (рисунок 1):

Сейчас мы находимся на этапе 5, который уже переходит в этап 6. За базы данных и доступы к ним ведутся войны в информационном пространстве, которые иногда выплескиваются и в материальную среду. Кибератаки мирового масштаба в XXI стали не только способом зарабатывания денег, но и мощными инструментами в руках политиков. Самые известные вирусы последних лет – WannaCry, Petya и NotPetya – поразили не одну страну, выведя из строя множество информационных систем. В распространении последнего обвинили Россию. «Обвинение в кибератаках стало самым популярным в настоящее время в отношениях между странами. Ровно потому, что доказать ничего невозможно» [4]. Одна страна может обвинить другую в кибератаке уже на следующий день, тем не менее, специалистам по информационной безопасности известно, что киберпреступления расследуются месяцами и годами. То есть киберпреступления и кибератаки стали инструментами манипуляций на мировой арене. Эксперты отмечают, что современные вирусы могут быть направлены не только на полу-

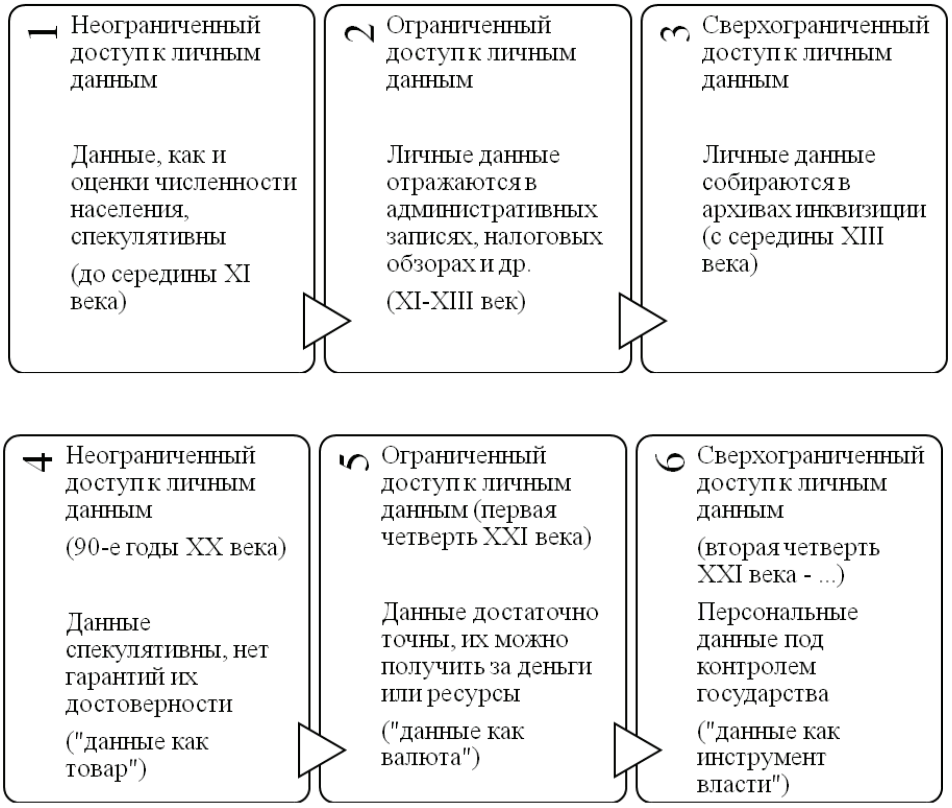

Рисунок 1. Личные данные в различные исторические периоды

чение денег, но на то, чтобы сеять хаос в обществе [16]. Данная технология встречалась и раньше, но сейчас она приобрела характер тренда, эти вирусы можно назвать кибероружием.

Относительно вопроса об обеспечении информационной безопасности остро стоит и кадровый вопрос [13. С. 29]. Специалист в области информационной безопасности должен быть «впереди планеты всей», так как новые вирусы возникают регулярно и наносят непоправимый ущерб частным лицам, компаниям и государству. Вирусы-вымогатели сменили сначала банковские трояны, затем вирусы-шпионы и вирусы в майнерах криптовалют. Несмотря на увеличивающееся число раскрытия преступлений в сфере информационной безопасности, в процентном соотношении число преступлений только увеличивается, так как слишком заманчивыми кажутся перспективы быстрого обогащения. Современные киберпреступники работают по принципу гидры – информация о хакерах и их делах распространяется

очень быстро, их деятельность популяризируется и на место одного пойманного преступника приходит еще десять: «Одна из самых неприятных вещей, которые сейчас происходят в кибермире – это то, что появляется все больше и больше высокопрофессиональных компьютерных банд, которые в состоянии успешно атаковать даже очень хорошо защищенные сети» [9].

Что этому может противопоставить государство, чем оно может привлечь на свою сторону людей, посвящающих каждую свободную минуту исследованию новых технологий информационных атак – стабильность государственной службы и гарантированным рабочим местом? Следуя правилу 10 000 часов [8], свободные хакеры с высокой вероятностью будут опережать специалистов по информационной безопасности, работающих по найму. Вопросы информационной безопасности во многом вопрос мотивации. Кто мотивирован больше – человек, пытающийся заработать на новом программном обеспечении или государственный служащий, в обязанности которого входит подготовить законопроект, регулирующий один из аспектов информационной безопасности? Кто будет думать лучше – лоббист, заинтересованный в получении прибыли после принятия нужной поправки к закону, или государство, законодательная машина которого выпускает огромное количество нормативных правовых актов? Что станет отправной точкой для вывода нового интернет-приложения на рынок: интересная «фишка», которой нет у конкурентов или соблюдение всех требований безопасности? Чем дольше производитель тестирует ПО на предмет «пробелов» в безопасности, тем больше он отсрочивает выход продукта на рынок и теряет деньги. Во избежание денежных потерь производитель быстрее выпускает уязвимый продукт на рынок. Хакеры используют его уязвимость, чтобы заработать. В итоге в выигрыше производитель и хакеры, но только не обычный пользователь.

Можно сказать, что те качества, которые изначально были достоинствами интернета: прозрачность открытость, неограниченность, постепенно становятся его недостатками или плавно перетекают в недостатки. Прозрачность замутнена интернет-троллями, миллиардами фейковых аккаунтов и проплаченных отзывов, неограниченности больше нет из-за установленных всеми возможными браузерами и программами фильтров, благодаря которым пользователь получает информацию, ориентированную именно на него, тем самым лишаясь необходимости свободного плавания. Открытость интернета исчезла вместе с возможностью применения скриншотов в уголовно-процессуальной практике, когда по каким-то размытым критериям комментарий в социальных сетях может стать началом уголовного дела. Интернет, изначально бывший неудобным явлением для государства ввиду его неуправляемости, превращается в надежную опору авторитарных режимов.

Можно сказать, что на сегодняшний день приоритетом в сфере информационной безопасности является не только совершенствование норма-

тивно-правовой базы, но и кадровые, организационные вопросы, методики просвещения граждан. «Постепенно информационный ресурс становится важнейшим ресурсом государства, а обеспечение его безопасности – важнейшей и обязательной составляющей национальной безопасности социума (государства)» [2; 3. С. 15]. Таким образом, основной комплекс мер, направленный на обеспечение информационной безопасности личности, предполагает, что:

– информационная безопасность личности должна гарантироваться государством в числе основных прав;

– информационная безопасность личности предполагает защиту не только от киберпреступности, но и от незаконного вмешательства государства в личную жизнь граждан. Необходимы четкие критерии допустимости такого вмешательства и институты разрешения споров в данной сфере, в том числе международные;

– в ближайшее время необходимо выработать четкие критерии правонарушений в Интернете, комплекс просветительских мер для граждан относительно недопустимого поведения в интернет-пространстве. Каждый должен знать возможные последствия своих действий;

– в образовательных учреждениях среднего профессионального и высшего образования будет проводиться качественная базовая подготовка в сфере информационной безопасности. Спецкурсы необходимы даже студентам гуманитарных специальностей и направлений подготовки.

Принятые меры должны непрерывно корректироваться и совершенствоваться, так как в цифровом мире скорость – важнейший залог успешности реформ, а отставание на год сейчас сопоставимо с отставание на десятилетие в конце XX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аношина Ю.Ф., Симонов С.Ю.* Россия в цифровом будущем: проблемы и перспективы развития // Russian Journal of Management. 2020. Т. 8. № 1.

2. *Гришанова Е.М., Артамонова Я.С., Васильева Е.Н.* Информационная безопасность и экономическая культура современного предпринимательства: монография. М., 2011.

3. *Гришанова Е.М., Артамонова Я.С., Чиликин И.А.* Информационная безопасность и информационные коммуникации // T-Comm: Телекоммуникации и транспорт. 2012. Т. 6. № 12.

4. Киберпреступность: чего надо опасаться? // Русское Агентство Новостей // http://новости-украины.ru-an.info/новости/доктор-веб-о-новых-тенденциях-киберпреступности-чего-сейчас-следует-опасаться-интернет-пользователям/.

5. Международное сотрудничество в условиях глобализации / Семедов С.А., Абрамова О.Д., Авдеева Т.В. и др.; под редакцией С.А. Семедова. М.: Дело, 2018.

6. *Муравых А.И.* Цифровая экономика: угрозы и вызовы глобальной и национальной безопасности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2.

7. *Назаров В.П.* Стратегическое планирование в политике национальной безопасности России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

8. Правило 10000 часов // Forbes.ru // https://www.forbes.ru/forbes/issue/2009-04/7255-pravilo-10000-chasov.

9. Русские хакеры: что ломают, за сколько и почему они лучшие в мире // Life.ru // https://life.ru/p/401683.

10. *Семенова В.И., Артамонова Я.С.* Политическое регулирование информационной безопасности личности как функция политической власти: проблемы и противоречия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 7 (64).

11. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

12. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (актуальная редакция) // СПС КонсультантПлюс.

13. *Фридман М.Ф.* Глобализация стратегического управления: кадровая политика цифровой экономики // Профессиональное образование и рынок труда. 2018. № 2.

14. *Шангараев Р.Н., Амелина А.В.* Социальные сети в контексте информационной безопасности государства // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 5 (62).

15. *Явчуновская Р.А.* Современное состояние политики обеспечения безопасности стран Содружества // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).

16. NotPetya – не простой шифровальщик, а инструмент кибервойны // Comss.ru // https://www.comss.ru/page.php?id=4205.

17. *Slisovskiy D.E., Medvedev N.P.* International Security Challenges in the Perception of Russian Students // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3.

V.I. SEMENOVA
Candidate of Political Science,
Department of State and Municipal Management,
Moscow Economic Institute,
Moscow, Russia

MODERN INFORMATION SECURITY POLICY FOR PERSONAL DATA

Personal information security in the Internet space is becoming more and more difficult to ensure. What was previously perceived as the advantages of the Internet, now raises big questions and gradually turns into disadvantages. When developing a management strategy in the field of information security, it is very difficult to draw the line where the security of the state ends and the security of personal data in the information environment begins. In this regard, new approaches to understanding the security of personal data in the digital space are needed.

Key words: *information security, personal data, state policy in the field of information security, national security, cyberattack, cybercrime.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.006
УДК 32.327
Э.Н. ПРИМОВА
кандидат исторических наук,
ведущий н.с. Научно-исследовательского
института Академии Генеральной прокуратуры РФ,
Россия, г. Москва

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НЕМЕЦКОГО КООПЕРАТИВНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

В статье дается анализ некоторых, на взгляд автора, важных характеристик, которые придают немецкому федерализму, которые придают ему ряд особенностей, позволяющие называть его корпоративным. Главное внимание концентрируется на обосновании тезиса согласно которому особенность немецкого корпоративного федерализма в отличие от российского и некоторых других национальных типов федерализма, где разделение предметов ведения или компетенций осуществляется по всему кругу вопросов, в ФРГ оно осуществляется, прежде всего, в законодательной сфере. В нем ключевое место занимает не столько юридически-правовые нормы, принципы и процедуры, регулирующих компетенции федерации и земель, сколько выявление и согласование принципов, форм, приемов взаимовыгодного сотрудничества между ними. В то же время показано, что в ФРГ власть федерации производна от воли земель, а не наоборот.

Ключевые слова: *ФРГ, федерация, субъекты федерации, типы федерации, корпоративный федерализм, земли, власть, предметы ведения, разделение компетенций.*

Немецкий федерализм называют кооперативным федерализмом (Kooperativer Föderalismus) или кооперативным типом федерации. Само понятие «кооперативный федерализм» вошло в научный лексикон с 1938 года, когда вышла в свет работа американской исследовательницы Дж. Кларк, подготовленной под непосредственным впечатлением от «Нового Курса» президента США Ф. Рузвельта [9].

Кооперативный тип федерализма, который в последнее время получает все большее распространение, основывается на принципах тесного сотрудничества между федеральным центром и субъектами федерации. Естественно, данный тип, как и любой иной тип федерации, основывается на разделении предметов ведения между двумя основными уровнями государственной власти. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что если

в Конституции Российской Федерации говорится о «предметах ведения», то в Основном Законе ФРГ – о компетенциях. Причем, как правило, различаются исключительные компетенции федерального центра, совместные или конкурирующие компетенции федерального центра и земель, исключительные компетенции земель. В отличие от Российской Федерации, где разделение осуществляется по всему кругу вопросов, связанных с разделением предметов ведения, в ФРГ оно осуществляется, прежде всего, в законодательной сфере.

В Германии в нормативно-правовых документах и научной литературе выделяются исключительная компетенция федерации, конкурирующая компетенция федерации и земель, а также остаточная компетенция земельного законодателя. Ст. 73 и 74 Основного Закона ФРГ определяют федеральную и совместную с землями (или конкурирующую) сферы законодательной компетенции, которые по тем или иным вопросам уточняются в ряде других статей.

Согласно ст. 73, «Федерация обладает исключительной законодательной компетенцией по следующим вопросам»: защита основ конституционного строя; международная политика и оборона; федеральное гражданство; свобода передвижения; иммиграция и эмиграция; национальная валюта, денежное обращение, денежная эмиссия, режим мер и весов, регулирование точного времени; обеспечение единства экономического пространства, таможенное дело и торговля; судоходство, воздушное и железнодорожное сообщение (железные дороги Федерации); почта и телекоммуникации; правовое положение государственных служащих и лиц, находящихся на службе федеральных корпораций публичного права: авторское и издательское право; сотрудничество Федерации и земель в вопросах, касающихся уголовной полиции, защиты основ свободного демократического строя, охраны Основного Закона и территориальной целостности Федерации и др. [5. Ст. 73] Федеральный центр вправе принимать *законы,* регулирующие правовое положение государственных служащих всех уровней, общие принципы организации и функционирования высшей школы, средств массовой информации и кинематографии, охраны природы и др. Очевидно, что здесь речь идет о ключевых сферах общенационального значения.

В соответствии с ст. 74, «конкурирующая законодательная компетенция распространяется на следующие области»: гражданское и уголовное право, судоустройство, судопроизводство; национализация земель и природных ресурсов; банковское дело; земельное, хозяйственное и трудовое право; антимонопольное регулирование; социальное страхование, включая страхование от безработицы; государственное социальное обеспечение; метеорологическая служба; энергетика; производство и использование ядерной энергии в мирных целях; снабжение населения продовольствием, ввоз и вывоз продукции сельского и лесного хозяйства; рыболовство в открытом море и в прибрежных водах; судоходство в открытом море и в при-

брежных водах и др. [5. Ст. 74]. Это те сферы, которые могут регулироваться законодательством земель в тех случаях, которые не урегулированы федеральным законом.

Земли вправе издавать свои законы в тех сферах, которые либо вообще не упомянуты в Основном Законе, либо там, где федерация не пользуется своими полномочиями. Так в ст. 70 говорится: «(1) Земли имеют право законодательства в той мере, в какой настоящим Основным Законом законодательные полномочия не предоставлены Федерации.

(2) Разграничение компетенции Федерации и земель определяется согласно предписаниям настоящего Основного закона об исключительной и конкурирующей законодательной компетенции» [5. Ст. 70]. При этом Основной Закон в соответствии со ст. 71, сохраняет за землями право участвовать в законодательном процессе в сфере исключительного ведения федерального центра. В то же время ст. 72 Основного закона в сфере конкурирующего законодательства предоставляет землям право принимать законы в случаях, когда федеральный центр не пользуется этим правом. Через Бундесрат земли участвуют в федеральном законотворчестве. К тому же Бундесрат наделен правом абсолютного вето на принимаемые Бундестагом федеральные законы, которые рассматриваются как не соответствующие интересам земель.

Основной Закон ФРГ гарантирует участие земель в осуществлении власти на федеральном уровне. Эта компетенция земель в ст. 30 Основного Закона сформулирована так: «Осуществление государственных полномочий и выполнение государственных задач являются делом земель, поскольку настоящий Основной Закон не устанавливает или не допускает иного регулирования» [5. Ст. 30]. Согласно ст. 83 Основного Закона, земли по поручению федерального центра и под его контролем могут самостоятельно реализовать федеральные законы в жизнь. Впрочем, в соответствии с ст. 86, федеральный центр вправе сам реализовать законы через подведомственные ему органы государственной власти. При этом в ст. 31 подчеркивается: «Федеральное право имеет приоритет перед правом земель».

Все сферы, которые не относятся к исключительной компетенции федерального центра и к конкурирующей компетенции, входит *в исключительную компетенцию земель. Это:* осуществление исполнительной власти, законодательство о местном самоуправлении, административное устройство земель, управление в области культуры и образования, полиция, коммунальное право, средства массовой информации, вопросы развития коммунальной сферы; общие правила организации и поддержания общественного порядка.

При всем том, как не без оснований отмечал директор Института по изучению проблем федерализма Х.-П. Шнайдер, земельное законодательство играет гораздо менее значимую роль, чем законодательство федерального центра [2]. Суть вопроса заключается в том, что центральная федеральная

власть выступает практически главным субъектом законодательства. Земли вправе принимать законы по вопросам, имеющим исключительно региональное и местное значение, таким как внутреннее управление, финансы, культура и др.

Можно утверждать, что данный тип федерации предполагает не столько юридические механизмы и процедуры, регулирующих компетенции двух уровней государственной власти, сколько собственно механизм выявления и согласования принципов, форм, приемов взаимовыгодного сотрудничества между ними [6. С. 246]. Участвуя в реализации решений, принятых на общенациональном уровне, земли берут на себя те функции, которые способны более эффективно выполнять сами. При этом проблема разделения сфер ответственности между федеральным центром и властями регионов приобретает не характер политической борьбы, а носит административно-правовой характер. Санкции за несоблюдение федеральных законов и отказ привести местное законодательство в соответствие с общенациональными законами, практически не принимает форму прямого принуждения. В этих случаях федеральное правительство полагается на меры финансового воздействия – сокращение бюджетной поддержки.

Как отмечает Д. Элейзер, определение «кооперативный» означает принцип, основанный на солидарности и взаимной ответственности федерации и земель, при котором функции, раньше рассматривавшиеся исключительными для каждой из сторон, становятся совместными. Сотрудничество федерального центра и земель базируется на переговорных процедурах, при которых, как отмечал Д. Элазар, действует принцип: «максимум согласия – минимум принуждения» [10. С. 133].

Очевидно, что кооперативный федерализм основывается на сотрудничестве между органами двух уровней власти. В то же время для него характерно сотрудничество органов власти по горизонтали между разными субъектами федерации. Об этом свидетельствует, например, формирование в ФРГ региональных объединений тех или иных групп земель, которые устанавливают между собой различные формы сотрудничества. В отношения с федерацией выступают не только отдельные субъекты, но и региональные объединения. Такие объединения носят преимущественно экономический, а не политический характер. Как отмечает В.А. Литвинов, в ФРГ межрегиональные связи проявляются «в особой системе «самокоординации» отношений между землями. Формы такой самокоординации достаточно разнообразны: государственные договоры, административные соглашения, совместные решения конференции отраслевых министерств земель, ежегодные съезды государствоведов ФРГ и т.п.» [4].

Однако, как показывает опыт, такое объединение обладает более значительным влиянием, чем отдельно взятые субъекты (например, в Бразилии и Мексике). Они в основном носят совещательный характер, что позволяет

им посредством переговоров между центральным правительством и региональными властями предупреждать и снимать политические, национальные, этнические, религиозные и иные конфликты (например, совещания премьер-министров федерации и провинций в Австралии, Канаде, Индии).

Преимущество кооперативного федерализма заключается в том, что он базируется не столько на абстрактные правовые нормы, сколько на действительные политические реалии и конкретные социально-экономические условия. Как подчеркивает К. Хессе, кооперативный федерализм дает возможность решать множество государственных задач при активном сотрудничестве двух главных уровней государственной власти, при этом избегая централизации [7. С. 123].

В этом плане немаловажное значение имеет тот факт, что, кооперативная федерация предполагает взаимоотношения сотрудничества между федеральным центром и землями, с одной стороны, между самими землями, с другой стороны. Эта формула зафиксирована в целом ряде статей Основного закона: «Все власти Федерации и земель оказывают взаимную правовую и служебную помощь» (абз. 1 ст. 35); «Для отражения опасности, угрожающей существованию или основам свободного демократического строя Федерации или какой-либо земли, земля может призвать полицейские силы других земель, а также силы и учреждения других управлений и федеральной пограничной охраны» (п. 1 ст. 91). Соответственно, обязанность органов государственной власти федерального центра и земель оказывать друг другу помощь. Кооперативный федерализм включает широкую сеть такого взаимодействия. Такой механизм в Германии получило название «политики переплетения» (*Politikverflechtung*) земель и федерации.

С точки зрения принципов кооперативного федерализма определенные проблемы возникли с присоединением к ФРГ пяти новых земель бывшей ГДР. В результате возникла необходимость внесения коррективов в систему федеративных отношений. В ходе начавшихся дискуссий и переговоров, которые носили условное название «Бонн-Берлин», были разработаны новые принципы интеграционной модели федеративных отношений [8]. С этой точки зрения интерес представляют документы, принятые в процессе этих дискуссий и переговоров. Речь идет о заявлениях «О признании Берлина столицей объединенной Германии» [12], «О получении дееспособности» [11], «О завершении единения Германии». На основе полученных результатов решением Бундестага от 20 июня 1991 г. была создана «Независимая комиссия по реформированию системы федеративных отношений» (Unabhangige Föderalismuskommission), которая разработала и предложила рекомендации на предмет внесения изменений в Основной Закон о переносе своих представительств в новые федеральные земли [13].

Если законодательство находится преимущественно в компетенции федерального центра, то административное управление передается большей

частью в компетенции земель. В отличие от Российской Федерации, где Совет Федерации выступает в качестве одной из палат парламента, которая выполняет исключительно представительские и законодательные функции, в ФРГ Бундесрат земли, участвуя в законодательном процессе, одновременно выполняет управленческие функции. Причем, премьер-министры земель возглавляют земельные представительства в Бундесрате.

В рассматриваемом контексте немаловажная роль принадлежит институту ежегодных совещаний федерального канцлера с главами земельных правительств, учрежденный в 1951 г. для обсуждения ключевых вопросов социально-экономического, политического, финансового и иного характера, имеющих значимость как для федерации, так и земель. Нельзя не отметить также конференции президентов земельных парламентов, совещания премьер-министров земель и др. Эти конференции имеют одной из своих целей осуществление федеральным правительством контроля за исполнением землями федеральных законов. Как отмечает С.А. Леванский, «каждый год в ФРГ проходят 4-5 конференций премьер-министров земель, около 10-13 конференций глав родственных министерств. Постановления этих конференций юридически необязательны, но до 70-х годов они, как правило, неукоснительно выполнялись» [3. С. 120].

При этом, согласно абз. 1 ст. 35 Основного Закона, «все власти Федерации и земель оказывают взаимную правовую и служебную помощь» [5. Ст. 35]. В этом контексте интерес представляет тот факт, что в 1969 г. для расширения координации действий федерального центра и земель Бундестаг дополнил Основной Закон разделом VIII-a «Общие задачи федерации и земель». В нем определены формы сотрудничества федерального центра и земель в социально-экономической сфере. Федеральный центр должен оказывать властям земель помощь в выполнении их задач, имеющих общегосударственное значение. Речь, в частности идет, о вопросах строительства и развития учреждений высшей школы, клиник, улучшения региональной экономической инфраструктуры, защиты морского побережья и др. В этом русле в ст. 91-a декларируется, что «Федерация участвует в выполнении задач земель, если эти задачи имеют значение для всей национальной общности». В соответствии с этой статьей, участие Федерации требуется в таких областях как «расширение и строительство высших учебных заведений»; улучшение региональной экономической и аграрной структуры». Продолжая эту тему, ст. 91-b Основного Закона устанавливает: «Федерация и земли могут действовать сообща путем заключения соглашений в области образования, помощи научным учреждениям и в реализации проектов в области научных исследований, значение которых выходит за региональные рамки. Распределение расходов регулируется соглашениями» [5. Ст. 91a, 91б].

Развивая эту установку, в абз. 4 ст. 106 Основного Закона отмечается: «Федерация может предоставить землям финансовую помощь для покры-

тия особо важных расходов земель и общин (объединений общин), которые необходимы для того, чтобы избежать нарушения общего экономического равновесия или чтобы компенсировать возможные экономические различия на территории федерации». Представляет интерес и ст. 109 Основного закона, в которой подчеркивается: «Федерация и земли должны учитывать при ведении своего бюджетного хозяйства требования общего экономического баланса» (ст. 109 абз 2).

Очевидно, что с точки зрения разделения полномочий или компетенций между федеральным центром и субъектами федерации в России и ФРГ имеются более или менее существенные различия. При всей обоснованности данного тезиса важно не абсолютизировать это положение, поскольку разделение законодательных компетенций предполагает разделение предметов ведения по всему спектру проблем важнейших сфер общественной жизни. Тем не менее, в Германии законы принимаются преимущественно на федеральном уровне, а исполнительная власть осуществляется преимущественно на земельном уровне.

Но это отнюдь не означает, что федеральная власть лишена компетенций и функций в сфере исполнительной ветви власти, земельные власти – в законодательной ветви власти. С данной точки зрения интерес представляют абз. 1 и абз. 2 ст. 72. В первом из них говорится: «В сфере конкурирующего законодательства земли имеют право законодательствовать лишь тогда и постольку, когда и поскольку Федерация не пользуется посредством закона своей законодательной компетенцией». Дополняя это положение, во втором абзаце констатируется: «В этой сфере Федерация имеет право законодательства, когда и поскольку существует необходимость федерального законодательного регулирования в целях обеспечения единообразных условий жизни на территории Федерации или сохранения правового и экономического единства в общегосударственных интересах».

Согласно абз. 2 ст. 85, «Федеральное правительство может издавать с одобрения Бундесрата общие административные предписания» властям земель по управлению соответствующими сферами общественной жизни». Или же, как констатируется в абз. 3 той же статьи, «Органы земель подчиняются указаниям компетентных высших органов Федерации». С рассматриваемой точки зрения нельзя не упомянуть ст. 86, из которой вытекает наличие областей, где «исполнение законов осуществляется Федерацией через собственную федеральную администрацию либо непосредственно подчиненные ей корпорации или учреждения публичного права». Особо важное значение имеет ст. 87, согласно которой «в непосредственное федеральное управление с собственными подчиненными ему административными органами» входят управление внешними сношениями, федеральными финансами, федеральными водными путями и судоходством. Далее, в этой и целом ряде других статей Основного Закона приводится довольно широ-

кий круг областей, управление которыми входит в ведение федерального центра [5. Ст. 30, 73, 85, 86]. Немаловажное значение с данной точки зрения имеют ст. 32, наделяющая федеральный центр полномочиями по регулированию внешней политики, а также абз. 1 ст. 87b, в соответствии с которой «управление бундесвером осуществляется непосредственно Федерацией через собственный административный аппарат» [5. Ст. 87b абз. 1].

В то же время нельзя не согласиться с теми исследователями, по мнению которых в ФРГ власть земель не производна от федерации, а, наоборот, федерация является производной от воли земель. Как верно отмечает И.М. Бусыгина, «земли реализуют те властные полномочия, которые не производны от федерации, но конституционно признаны ею, т.е. не могут быть упразднены» [1]. Значит, имеются властные полномочия, которые производны от федерации. В то же время нельзя абсолютизировать это положение, поскольку федеральный центр осуществляет более или мене строгий надзор за реализацией властями земель ключевых положений Основного Закона и федеральных законов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бусыгина И.М.* Германский федерализм: история, современное состояние, потенциал реформирования // http://pandia.ru/text/77/465/12937.php.

2. Европейский федерализм и Россия: опыт прошлого и настоящего (Российское государство в контексте европейского федерализма). Международная конференция, проведенная Институтом Европы РАН совместно с Фондом им. Фридриха Эберта (Германия) 30-31 октября 2000 г. в г. Москве // http://www.ieras.ru/journal/journal1.2001/9.htm.

3. *Леванский С.А.* Германия: Федерализм в мононациональном государстве // Политические исследования. 1995. № 5.

4. *Литвинов В.А.* Дуалистический и кооперативный федерализм // https://regionsar.ru/ru/node/756.

5. Основной Закон ФРГ // http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/konstitutsii-mira/osnovnoy-zakon-dlya-frg-1949-goda-chitat-skachat-konstitutsiyu-frg-1949-goda.html.

6. Федерализм. Энциклопедический словарь. М., 1997.

7. *Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ. М., 1983.

8. Berlin – Bonn. Die Debatte vom 20 Juni 1991 // http://webarchiv.bundestag.de/archive/2006/0202/bau_kunst/berlin/debatte/index.html 22.09.2006.

9. *Clark J.H.* The Rise of a New Federalism: Federal-State Cooperation in the United States. N.Y., 1938.

10. *Elazar D.J.* Federalism and the way to peace. Ontario, 1994.

11. Erhaltung der Funktionsfähigkeit Konsensantrag Berlin/Bonn. Deutscher Bundestag. Drucksache 12/81712. Wahlperiode 19.06.91 // http://webarchiv.bundestag.de/archive/2006/0202/bau_kunst/berlin/debatte/bd_antr4.html.

12. Konsensantrag Berlin/Bonn. Deutscher Bundestag. Drucksache 12/81712. Wahlperiode 19.06.91 // http://webarchiv.bundestag.de/archive/2006/0202/bau_kunst/berlin/debatte/bd_antr4.html.

13. Unabhängigen Föderalismuskommission vom 27 Mai 1992 für eine ausgeglichene Verteilung von Bundesbehörden unter besonderer Berücksichtigung der neuen Länder. Bonn, den 25 Juni 1992 // http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/12/028/1202853.pdf.

E.N. PRIMOVA
Candidate of Historical Sciences,
leading researcher Research Institute of the Academy
of the General Prosecutor's Office of the Russian
Federation, Moscow, Russia

TO THE QUESTION OF THE PECULIARITIES OF GERMAN COOPERATIVE FEDERALISM

The article analyzes some, in the author's opinion, important characteristics that give German federalism a number of features which lets call it corporate. The main attention is focused on substantiating the thesis according to which the peculiarity of German corporate federalism, in contrast to Russian and some other national types of federalism, where the division of jurisdictions or competencies is carried out on the whole range of issues, in Germany it is carried out primarily in the legislative sphere. In it the key place is occupied not so much by legal norms, principles and procedures governing the competence of the federation and the lands, but by the identification and coordination of principles, forms, methods of mutually beneficial cooperation between them. At the same time, it is shown that in the FRG the power of the federation is derived from the will of the lands, and not vice versa.

Key words: *Federal Republic of Germany, federation, subjects of the federation, types of federation, corporate federalism, lands, power, subjects of jurisdiction, division of competences.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.007
УДК 323.22/.28(045)
В.С. КАРЛАКОВ
аспирант Финансового университета
при Правительстве РФ, Россия, г. Москва
https://orcid.org/0000-0003-2417-2889

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ В РОССИИ В 1990-Е ГОДЫ: ЭТАПЫ, ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

Статья посвящена исследованию политической институционализации в России в 1990-е годы. В статье автор рассматривает политический институт как организацию с определенной структурой и набором функций, так и формальные правила, устанавливающие определенный характер взаимоотношений между акторами. Определены основные этапы политической институционализации в России после распада СССР: «институциональная аморфность», «демократический транзит», «неформальная институционализация». Отображены политические причины, препятствующие формированию демократического институционального дизайна. Автор отмечает особенности адаптации западных политических институтов к российским политическим условиям. В статье выявлены экономические и политические причины возникновения группы крупных собственников, стремящихся реализовать свои цели в обход существующим институциональным соглашениям. «Неформальная институционализация», по мнению автора, была следствием неэффективности существующих институтов.

Ключевые слова: *этапы политической институционализации, институциональный дизайн, политические институты, распад СССР, демократический транзит.*

После распада СССР на политической карте мира появились новые суверенные государства, задача политических элит которых состояла в определении дальнейшего вектора развития государств. Одна часть новообразованных политических единиц сделала выбор в пользу демократии, а в другой, в силу политико-культурных, экономических особенностей сохранился авторитарный политический режим. Россия же в 1990-е годы выбрала демократический вариант развития, при этом до сих пор в среде ученых ведутся споры относительно итогов, особенностей, проблем политических и экономических реформ данного периода.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 8. С. 281-289; 10. С. 34-43; 11. С. 5-16; 12. С. 112-125].

Однако проблему политической институционализации России нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

В статье автор на основании исследования особенностей политического дизайна выделяет основные этапы политической институционализации в России в 1990-е годы. Стоит отметить, что политический институт рассматривается как в организационном (учреждение с четкой структурой, функциями), так и в нормативно-правовом аспекте («правила игры», определяющие взаимоотношения между акторами), а под политической институционализацией подразумевается процесс организационного оформления и нормативного закрепления социальных отношений, связанных с завоеванием власти, процессом управления и политическим участием граждан [1. С. 55].

В 1990-1991 годы, по мнению российского политолога Д.В. Ефременко, существовала коалиция «негативного консенсуса» в виде исполнительной и законодательной властей РСФСР, выступавшая против союзных властей [6. С. 10]. После подписания Беловежских соглашений меняется характер взаимоотношений между Верховным Советом и президентом Б.Н. Ельциным. Конфликт политических акторов был связан с вопросом о власти, а внешне принял форму противопоставления президентской и парламентской республик.

Первоначально в 1991 году на V съезде народных депутатов противоречие между ветвями власти было разрешено через компромисс, который выражался в добровольной передаче на один год конституционных полномочий Съезда народных депутатов Президенту РСФСР.

Эскалация конфликта в конце 1992 – первой половине 1993 годов происходила как по объективным, так и субъективным причинам. Так, Верховный Совет и Съезд народных депутатов негативно оценивал результаты «шоковой терапии» правительства Е.Т. Гайдара. Соответственно, законодательная власть была заинтересована в парламентской республике как модели организации власти для того, чтобы самостоятельно определять характер и методы экономического курса. Кроме того, недовольство парламентариев вызывало не только стремление Б.Н. Ельцина расширить свои полномочия, но и готовность президента отстаивать демократические идеалы радикальными методами.

С другой стороны, президента и правительство также не устраивал существующий институциональный дизайн. Во-первых, как отмечает российский исследователь А.А. Гнатенко, парламент видоизменил итоговый вари-

ант экономической реформы правительства младореформаторов. Это было связано с тем, что план экономических преобразований необходимо было согласовывать с Верховным Советом, аморфная структура которого (многочисленность, отсутствие фракций) позволяла президиуму влиять на решения депутатов. Во-вторых, в парламенте были группы, заинтересованные в получении выгод от проведения реформ. К примеру, некоторые представители партноменклатуры пытались в рамках планируемой приватизации закрепить за собой контролируемые объекты госсобственности [4. С. 85].

Сторонники президента Б.Н. Ельцина оперировали понятием «легитимности» для обоснования расширения полномочий главы государства. Президент Б.Н. Ельцин обладал высоким уровнем легитимности, так как он был выбран главой государства, исходя из итоговых результатов общенародного голосования 12 июня 1991 года. Напротив, с одной стороны, Верховный Совет был элементом распавшегося социалистического государства, а с другой – Советы идеологически несовместимы с демократией. Таким образом, ключевой тезис сторонников Б.Н. Ельцина относительно объема его властных полномочий состоял в том, что избиратели выбрали политика с конкретной политической и экономической программами.

Кроме акторов первого порядка – Верховный Совет, Президент РСФСР, Съезд народных депутатов, существовали акторы второго порядка, к которым относят региональные элиты. Б.Н. Ельцин стремился привлечь данных акторов на свою сторону. Для этого, в частности, 31 марта 1992 года был подписан Федеративный договор, который де-факто предполагал расширение полномочий субъектов федерации в обмен на лояльность региональных элит президентскому курсу, а также инициировано создание Совета Федерации как возможной альтернативы действующему парламенту, в который должны были войти по одному представителю от исполнительной и законодательной властей субъектов Российской Федерации.

Одним из важных элементов либеральной демократии является партийный плюрализм. В 1993 году в России существовало значительное количество политических партий и объединений разного идеологического спектра: «левые» – Коммунистическая партия РФ, Российская коммунистическая рабочая партия; «правые» – «Демократический выбор»; «центристы» – блок «Гражданский союз». Тем не менее, неопределенность дальнейшего вектора институциональных изменений ограничивала дееспособность политических партий.

Таким образом, в контексте политической институционализации этап декабрь 1991 – октябрь 1993 годов можно охарактеризовать как «институциональная аморфность». По мнению российского политолога В.Я. Гельмана, отказ от «учредительных выборов» стал главным препятствием на пути демократизации страны, оформления новых политических институтов [3. С. 52-53]. Причинами отказа от президентских, парламентских, губерна-

торских выборов были как неуверенность в положительности для власти их итогов, так и отсутствие качественных управленцев в регионах, разделявших курс Б.Н. Ельцина. Вместо этого была введена «исполнительная вертикаль» – президент назначал губернаторов, а последние глав администраций субрегионов.

Победа над Верховным Советом позволила президенту Б.Н. Ельцину в полной мере проводить политические и экономические преобразования, соответствующие выбранному демократическому вектору развития. Конституция, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, легитимизировала формирующуюся институциональную архитектуру.

По конституции в России осуществляется президентская форма правления. Большая часть функционала парламента была передана президенту. В частности, президент без согласия парламента назначает всех членов правительства, кроме премьер-министра. При этом законодательная власть не только утратила право приостановки или отмены президентского указа, но и возможность отстранения президента от должности. Исходя из отмеченных изменений, в научной среде данную форму правления характеризуют как «суперпрезидентскую республику».

Декларируемый де-юре принцип разделения властей де-факто означал приоритет исполнительной власти над законодательной и судебной. Летом 1993 года, когда разрабатывался проект конституции, помимо президентского и парламентского существовал «компромиссный» вариант, который предусматривал относительный баланс ветвей власти, но непримиримость позиций парламента и президента исключила возможность достижения политического компромисса.

Вместо Верховного Совета появился двухпалатный парламент, состоящий из Совета Федерации (верхняя палата) и Государственной Думы (нижняя палата). Вводился выборочный принцип формирования обеих палат: Государственная Дума – смешанная избирательная система (225 депутатов избирались по мажоритарной системе и 225 по пропорциональной); Совет Федерации – мажоритарная система по двухмандатным округам (два депутата от субъекта Федерации).

На этом этапе институциональных изменений актуальность приобрел институт выборов. Проводятся выборы разных уровней: парламентские (1993 и 1995 гг.), губернаторские (1995-1997 гг.), президентские (1996 г.). Если в 1992 году президент отказался от идеи «учредительных выборов» ввиду наличия консервативного парламента и нехватки лояльных кадров в регионах, то после осенних событий 1993 года, у главы государства было меньше опасений относительно итогов выборов. Соответственно, проведение выборов разных уровней способствовало как легитимации политического режима, так и оформлению российской институциональной архитектуры.

С декабря 1993 года в России формируется многопартийная система. По мнению итальянского политолога Дж. Сартори, в президентских республиках позиции исполнительной власти в условиях партийной поляризации направлены в сторону идеологического центра [9. С. 14-26]. Тем не менее на парламентских выборах 1993 года исполнительная власть оказывала поддержку «правой» партии «Выбор России», которую возглавлял Е.Т. Гайдар, несмотря на наличие «центристской» Партии российского единства и согласия [5. С. 73]. Помимо этого, власть искусственно оттеснила радикальные политические силы на периферию, запретив участвовать в выборах.

По итогам парламентской кампании «Выбор России» занял второе место после ЛДПР. Кроме отмеченных партий, в Государственную Думу первого созыва вошли «левые» (КПРФ) и «центристские» партии (ПРЕС, «Женщины России», «Яблоко», «Демократическая партия России»).

Появление в Госдуме «центристских» партий способствовало смещению программных установок «правых» и «левых» в сторону центра, в частности эволюция идеологической платформы КПРФ в сторону европейской социал-демократии. Также ввиду неудовлетворительных результатов «Выбора России» возникла проправительственная центристская партия «Наш дом – Россия». В итоге в Государственную Думу в 1995 году прошли КПРФ, ЛДПР, НДР и «Яблоко». Таким образом, несмотря на то, что проправительственные партии «Выбор России» и «Наш дом – Россия» не смогли стать опорой исполнительной власти в парламенте, институционально оформляется многопартийная система, в которой партии разного идеологического спектра имели схожие позиции относительно фундаментальных вопросов.

Этап «демократического транзита» (декабрь 1993 – август 1996) означал перенос западных демократических институтов на российскую политическую плоскость. Так, в конституции РФ декларируется де-юре принцип разделения властей, получает развитие институт выборов, оформляется многопартийная система. Трансформация политических и экономических институтов должна была произойти после распада СССР, однако объективные факторы препятствовали этому процессу.

Происходившие в России с августа 1996 по декабрь 1999 года политические процессы были следствием экономических реформ первой половины 1990-х годов. В результате ваучерной и денежной приватизации произошло перераспределение «перспективных» объектов госсобственности в пользу групп предпринимателей, не имевших идеологических разногласий с правительством.

К 1996 году российский политический режим приобретает моноцентрические черты. Тем не менее, президент как основной политический актор не был способен единолично проводить стратегию институциональных изменений. Это было связано, во-первых, с воздействием на Б.Н. Ельцина как отдельных акторов (в частности, генерала А.И. Лебедя), так и определен-

ных партий (КПРФ, «Яблоко), а, во-вторых, с приближением президентских выборов, перспектива которых грозила «реставрацией социализма» в случае победы Г.А. Зюганова [7. С. 85].

Данная перспектива не устраивала образованную в результате приватизации группу крупных собственников. Соответственно, олигархические группы приняли неформальное решение оказать всестороннюю помощь Б.Н. Ельцину в переизбрании на пост президента, что получило название «Давосский сговор». Программа залоговых аукционов предопределила позицию олигархических групп, так как лояльность Б.Н. Ельцину гарантировала сохранение существующей рыночной экономической системы, а также структуру собственности.

После победы Б.Н. Ельцина на президентских выборах существенно меняется роль интегрированных бизнес-групп и характер их отношений с органами власти.

Интегрированные бизнес-группы обладали не только финансовыми, но и промышленными, медийными активами, а также силовыми ресурсами. Изначально цель ИБК состояла в дальнейшем перераспределении государственной собственности. По мере укрепления своих позиций крупные собственники пытались перенести свое экономическое влияние на политическую плоскость, а именно – войти в органы власти, лоббировать свои интересы через окружение Б.Н. Ельцина. По мнению Д.В. Ефременко, модель «власть – собственность», где политики используют свое влияние для материального обогащения, трансформируется в модель «собственность – власть – собственность», в которой политическое влияние прямо пропорционально зависит от контроля над собственностью [6. С. 19].

Слабость исполнительной власти давала возможность бизнес-группам неформально влиять на принятие политических решений. Соответственно, крупный бизнес открыто претендовал на ведущую роль в диалоге с властью.

Ключевая стратегическая ошибка интегрированных бизнес-групп заключалась в удовлетворении краткосрочных интересов (перераспределение собственности), а не формировании полноценной системы прав собственности. Кроме этого, игнорирование общества как стратегического партнера привело к тому, что разобщенный бизнес «остался один на один» с государством. Поэтому неудивительно, что в начале 2000-х годов политически сильное государство в одностороннем порядке пересматривало институциональные соглашения.

Помимо интегрированных бизнес групп, определенное влияние на политические процессы оказывала «Семья». Данный неформальный институт появился из-за отсутствия институциональных механизмов замещения недееспособного президента. «Семья» представляла собой ближайшее окружение Б.Н. Ельцина, основная задача которого состояла в выработке курса и подборе кадров. Решение политических вопросов часто зависело от бли-

зости к «Семье», что приводило к формированию теневых политических механизмов.

Этап с августа 1996 года по декабрь 1999 года связан с превалированием неформальных институтов. В контексте «неформальной институционализации» политические и экономические акторы отдают приоритет неформальным правилам, тем самым, игнорируя существующие институциональные соглашения. Слабость исполнительной власти, раздробленный парламент во главе с Коммунистической партией РФ, итоги приватизации привели к тому, что политические процессы зависели не от сложившихся «правил игры», а от неформального влияния групп интересов.

В результате исследования политической институционализации в России в 1990-е годы можно сделать следующие выводы: 1) «двоевластие» препятствовало возникновению демократического институционального дизайна; 2) после победы президента Б.Н. Ельцина происходит трансформация политических институтов по образцу западных стран; 3) «неформальная институционализация» – следствие неэффективности существующих институциональных правил.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамов А.* Политический институт и политическая институционализация: определение понятий // Власть. 2010. № 5.

2. *Болтенкова Л.Ф.* Роль православия в становлении и развитии российской государственности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2012. № 1.

3. *Гельман В.Я.* «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // Общественные науки и современность. 1999. № 6.

4. *Гнатенко А.А.* Неэффективные институты и политика согласований с группами интересов в России 1990-х: случай приватизации // Вестник Пермского Университета. 2011. № 2.

5. *Головченко А.В.* «Огосударствление» российского либерализма // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2015. Т. 15. № 3.

6. *Ефременко Д.В.* Россия 1990-х: неолиберальный путь к неопатримониализму // Россия и современный мир. 2015. № 3.

7. *Марьин-Островский А.Н.* Политический режим и права собственности в новой России (опыт 1990-х годов) // Полития. 2013. № 4 (71).

8. *Медведев Н.П.* Политическая история 90-х. Воспоминания российского депутата // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 4 (43).

9. *Сартори Дж.* Партии и партийные системы: рамки анализа // Партии и выборы: хрестоматия. М., 2004. Т. 1.

10. *Слизовский Д.Е., Рузанов С.А., Олейников Д.И.* Общественно-политическое движение в России (1991-1999 гг.): актуальность, подходы исследования // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2016. № 3-4 (4-5).

11. *Слизовский Д.Е.* Можно ли было избежать распада СССР: призма событий тридцатилетней давности и современности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2 (24).

12. *Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A.* Gorbachev – Yeltsin – Putin: Discussion around Models of Political Regime. Whats Next? // Political Science Issues. 2019. T. 9. № 2 (32).

V.S. KARLAKOV
Postgraduate of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

POLITICAL INSTITUTIONALIZATION IN RUSSIA IN THE 1990S: STAGES, MAIN FEATURES

The article is devoted to the study of political institutionalization in Russia in the 1990s. In the article, the author considers a political institution as an organization with a certain structure and set of functions, and formal rules that establish a certain nature of the relationship between actors. The main stages of political institutionalization in Russia after the collapse of the Soviet Union are determined: «institutional amorphousness», «democratic transition», «informal institutionalization». The political reasons that impede the formation of democratic institutional design are displayed. The author points out features of adaptation of Western political institutions to the Russian political conditions. In the article, the author identifies the economic and political reasons for the emergence of a group of large owners seeking to realize their goals bypassing the existing institutional agreements. «Informal institutionalization», according to the author's opinion, was a consequence of the ineffectiveness of existing institutions.

Key words: *stages of political institutionalization, institutional design, political institutions, disintegration of the USSR, democratic transition.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.008
УДК 32.323
Д.А. АФАНАСЬЕВА
аспирант Департамента политологии
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации, Россия, г. Москва

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ

В условиях современной рыночной экономики политический риск стал неотъемлемым элементом финансово-хозяйственной деятельности организаций аграрного сектора. В связи с этим, возрастает роль рациональной оценки риска, с целью его дальнейшего учета в выстраивании системы управления. Автор предлагает арифметическую модель оценки политического риска в аграрном секторе, используя простейшие неделимые факторы: политического, экономического и социального происхождения.

Ключевые слова: *политический риск, аграрный сектор, индикаторы политического риска, модель оценки политического риска.*

В настоящее время в условиях постоянных трансформаций мировых порядков, в контексте глобальных экономических проблем политический риск становится неотъемлемым элементом экономической жизни, в котором государства, компании, заказчики и партнеры взаимозависимы. Аграрный комплекс как основополагающая отрасль экономики страны постоянно подвержен трансформирующемуся политическому риску. Среди основных задач эффективного развития агропромышленного комплекса России выделяются: создание механизмов управления рисками в целом и обеспечение на этой основе сбалансированного функционирования всех отраслей агропромышленного комплекса.

Существует объективная необходимость адаптации агробизнеса к данному типу риска, предупреждение его влияния на структурные изменения различных форм хозяйствования отрасли в контексте постоянно меняющейся социально-экономической среды. В этой связи требуется постоянный анализ и поиск оптимальных решений в области управления политическим риском [1. С. 135].

Политический риск – категория, определяющая вероятность наступления негативных последствий в результате политических действий и собы-

тий, влияющих на деловой климат, операции компаний и инвестиционную привлекательность аграрного комплекса. Вопросы предупреждения и предотвращения политического риска стали наиболее широко изучаться во времена буржуазно-демократических революций. Следующий пик интереса и увеличение количества прогнозов были обусловлены развитием науки и техники и наступлением компьютерной эры [2. С. 7].

Анализ политического риска предполагает рассмотрение его факторов, а также обоснование процессов его возникновения для оценки вероятности его воздействия на текущую ситуацию, оценивая в конечном итоге экономический потенциал аграрного бизнеса той или иной страны. Таким образом, разрабатываемая концептуальная модель:

– заключает в себе систему оценки факторов политического риска;

– применяется к конкретной страновой ситуации;

– определяет, формирует ли страна политический риск для аграрного бизнеса;

– описывает содержание индикаторов актуального политического риска.

Для построения концептуальной модели анализа политического риска используются комплекс факторов: политического, экономического и социального происхождения. К каждому из трех групп факторов соответствует свой перечень индикаторов, вес которых оценивается экспертами. Факторы риска обозначены 24 индикаторами, в каждой группе по 8 показателей. Данная модель предполагает проведение коллективной экспертной оценки и выведение количественной переменной, полученной путем арифметического суммирования.

$$\{0,5*P8/\sum P\} + \{0,2*S8/\sum S\} + \{0,3*\ E8/\ \sum E\} = PR$$

где, P8 – сумма значений факторов риска политического происхождения, присвоенных аналитиком;

S8 – сумма значений факторов риска социального происхождения;

E8 – сумма значений факторов риска экономического происхождения;

$\sum P$ – сумма всех значений факторов риска политического происхождения;

$\sum S$ – сумма всех значений факторов риска социального происхождения;

$\sum E$ – сумма всех значений факторов риска экономического происхождения;

PR – коэффициент риска.

Примечательно, что соотношение групп факторов распределены в пропорции: 50% – факторы политического происхождения, 20% – социального, 30% – экономического.

Для расчета коэффициента политического риска в аграрном секторе эксперты оценивают следующие индикаторы.

№ п/п	Индикатор	Описание индикатора
Политического происхождения		
1	Тип политической системы	определяет формат взаимодействий и взаимозависимости функционирующих в стране политических и общественных институтов. Политический риск будет расти в недемократических системах.
2	Наличие политических конфликтов	политические конфликты, как внешние, так и внутренние, обостряют социально-политическую ситуацию внутри государства и ослабляют позиции на мировой арене.
3	Уровень легитимности действующей власти	высокий уровень легитимности характеризует стабильность существующей политической системы и предопределяет высокий уровень доверия участников политического процесса. Как следствие, низкая вероятность кризисных и протестных явлений.
4	Вовлеченность в процессы глобализации	сложные межправительственные отношения и невозможность управления глобальными процессами приводит к распространению политического риска в общемировом масштабе.
5	Коррупционные правонарушения во властных структурах	совершение коррупционных правонарушений оказывает влияние на экономическое благополучие государства, в частности, отмечается высокий уровень неэффективности системы управления экономикой, в том числе аграрным сектором.
6	Состояние продовольственной безопасности	надежное обеспечение продовольственной безопасности является необходимым условием сохранения целостности и укрепления суверенитета государства, развития экономической самостоятельности аграрного комплекса, повышения качества жизни граждан и пр.
7	Качество предоставленных государством социальных возможностей.	возможности государства по удовлетворению основных социальных потребностей населения, а, именно, сельского и уровень эффективности системы управления ресурсами региона предопределяют вероятность возникновения и увеличение уровня социально-политической напряженности в обществе
8	Протестные настроения сельского населения	сельское население восприимчиво к разного рода неблагополучиям и склонно к массовому выражению общественного протеста.

Социального происхождения		
1	Уровень дохода на душу населения.	показатель интерпретирует качество жизни населения и уровень экономического развития государства. Исчисляется двумя вариантами: 1) деление ВВП страны на количество жителей; 2) определение покупательной способности применительно к определенному набору товаров и услуг по соотношению двух, валют разных стран. Проводится качественная оценка динамики роста дохода на душу населения.
2	Степень расслоения общества	числовое выражение расслоения общества в государстве – коэффициент Гини, определяющий отклонение фактического распределения доходов в обществе от абсолютно равного их распределения между населением и позволяющий оценить неравномерность распределения доходов в обществе.
3	Уровень безработицы.	высокий уровень безработицы в аграрном секторе сигнализирует о неблагоприятных тенденциях в экономике. Перспектива нарастания числа энергичных, образованных и разочарованных безработных опасна для стабильности общества.
4	Темпы сокращения численности сельского населения.	постоянная убыль сельского населения приводит к социально-экономическому застою, деградации и депопуляции сельских территорий.
5	Уровень грамотности.	сельское население при получении высшего и среднего профессионального образования оказывается невостребованным, а остальные категории не имеют финансовой возможности получить какую-либо подготовку к практической деятельности [3. С. 17]. Кроме того, сформировалась и увеличивается категория сельского населения, не имеющая начального общего образования. Предприниматели аграрного сектора вынуждены привлекать со стороны квалифицированную рабочую силу и брать на себя обязательства государства по развитию социальной инфраструктуры для кадров.
6	Степень цифровизации.	уровень цифровизации является важным индикатором степени технологического развития страны, а также перспектив ее технико-экономического развития.
7	Среднее потребление калорий (адекватность питания).	обеспечение населения продовольствием – одна из основных обязанностей государства, его неспособность обеспечить адекватное питание населения приводит к росту социальной напряженности и потере легитимности в глазах населения.

8	Характеристика естественно-природных условий	экономика аграрного комплекса напрямую зависит от условий окружающей среды. Утрата или частичная утрата прибыли могут стать следствием таких природных явлений, как: засуха, заморозки, наводнения, пыльные, песчаные бури, градобитие и пр.
Экономического происхождения		
1	Показатель ВВП	валовый внутренний продукт определяется стоимостью всех товаров и услуг, произведенных на национальной территории. Показатель предопределяет динамику и качество экономического роста, вероятность перехода к инновационной экономике.
2	Национализация предприятий аграрного комплекса.	конечный продукт, производимый сельскохозяйственной отраслью, важен для общества и нередко цена на товары и услуги комплекса устанавливается меньшей по отношению к издержкам производства. Инвесторы не заинтересованы во вложениях и тогда государство берет под свой контроль сферу АПК, чтобы тем самым привлечь эти частные инвестиции.
3	Уровень конкуренции в аграрном секторе экономики	концентрация земли в пользовании крупнейших предприятий подрывает условия конкуренции (за землю и государственные субсидии). Как следствие, находится под ударом система стабильного наполнения продовольственного рынка.
4	Ставки по кредитам для агробизнеса	стоимость кредита является ключевым показателем развития аграрного бизнеса. В случае недосягаемости субсидированных государством кредитов предприниматели вынуждены брать кредиты на общих условиях или не брать вовсе. А если реальная кредитная ставка вдобавок растет с увеличением инфляции, это означает проведение жесткой финансовой политики.
5	Индекс потребительских цен	определяет стоимость стандартной потребительской корзины. Рост данного показателя отражает высокий уровень инфляции и неэффективность деятельности государства по ее предотвращению. Как результат этого процесса, происходит рост прожиточного минимума на душу населения в стране.
6	Платежный баланс	положительное числовое значение текущего счета предполагает приток иностранной капитала, отрицательное – напротив, отток. Последнее могло произойти как результат санкций или вывода капитала по политическим причинам.

7	Соотношение импортных и экспортных цен в аграрном секторе	применительно к аграрной отрасли недостаточный экспорт ограничивает развитие секторов, продукция которых уже насытила внутренний рынок, препятствует росту доходов сельхозпроизводителей. Вместе с тем слабое участие в международной торговле приводит к возникновению дополнительных политических рисков, так как ограничения на торговлю и инвестиции повышают вероятность политического кризиса.
8	Экономика землеустройства	перспективы развития аграрного комплекса во многом зависят от планирования и организации рационального использования земель и их охраны, в том числе земельных участков, предназначенных для осуществления сельскохозяйственного производства. Низкий уровень инноваций в сельском хозяйстве, введение в оборот земель, ранее занятых лесами, высокий уровень эрозии почвы являются могут стать причинами снижения производства продовольствия.

При этом полученное числовое значение анализа аграрного сектора экономики можно сопоставить с качественными оценками: интервал от «отсутствие риска» до «вложение средств не рекомендовано».

Применение вышеизложенной модели анализа политического риска является целесообразным в управлении им в аграрном секторе. Поскольку данный анализ позволяет:

1) принять решение о желательности (нежелательности) вкладов в бизнес-проект аграрного сектора;

2) оценить норму прибыли, соответствующую определенному уровню риска;

3) оценить возможный размер страховой премии и ее влияние на финансовые потоки.

Подводя итог, важно отметить, что сегодня агробизнес осуществляет свою деятельность в условиях мировой экономической нестабильности, которая создается отчасти как внутренними, так и внешними факторами политического курса государств. Обеспечение продовольственной безопасности является важным фактором социально-политической устойчивости страны. Более того, в современных условиях обеспеченность продовольствием становится ареной геополитических столкновений. Поэтому постоянный анализ, учет и оценка политического риска несомненно будут способствовать не только повышению финансовой стабильности и устойчивости агроструктур, но всей страны. Своевременные расчеты и решения, принятые

на их основе, позволят сельхозпроизводителям решать проблемы предупреждения политического риска хозяйственной деятельности, оперативно оценивать его на разных этапах и реализовывать комплекс мер, снижающих риск до приемлемого уровня.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Брега А.В.* Политический риск: Проблемы анализа и управления: Монография. М.: Планета-Копир, 2005.

2. *Зуляр Ю.А.* Методологические подходы к феномену политического риска // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология. Религиоведение. 2019. Т. 29. № 3.

3. *Пархомчук М.А., Солошенко В.М., Пигорев И.Я., Дорошенко Д.И.* Уровень занятости и безработица в сельском хозяйстве // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2009. № 3.

D.A. AFANASEVA
Postgraduate, Department
of Political Science, Financial University,
Moscow, Russia

CONCEPTUAL MODEL OF POLITICAL RISK ANALYSIS IN THE AGRICULTURAL SECTOR

In the conditions of a modern market economy, political risk has become an inevitable factor in any financial and economic activity of organizations in the agricultural sector, seeking to get the maximum possible profit. In this regard, the role of rational risk assessment increases in order to further prevent it. The author offers an arithmetic model of political risk assessment using the simplest indivisible factors: political, economic and social origin.

Key words: *political risk, agricultural sector, indicators of political risk, political risk assessment model.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.009
УДК 32.323
Р.А. МУРТАЗИН
аспирант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ ПОСЛЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В статье рассматриваются основные черты трансформационных процессов в элитарных группах после распада СССР. В любом государстве на разных исторических этапах развития политического процесса есть проблематика взаимодействия общественных структур (социальных слоев), среди которых можно выделить политические элиты. Именно они оказывают свое влияние на политические процессы, которые определяют дальнейшее развитие страны. Особую актуальность приобретает изучение особенностей трансформации российских политических элит после распада Советского Союза. В статье автор ставит целью рассмотрение предпосылки формирования новой политической элиты в РФ, процесс становления новых элитарных структур. Отдельного рассмотрения достоин новый формат рекрутирования политической элиты после распада Советского Союза.

Автор приходит к выводу, что в 1990-е годы фактически перестал работать советский механизм получения привилегий и социальных статусов номенклатурного порядка. Ему на смену пришел принцип, согласно которому постепенно партийная номенклатура была вытеснена новой элитой страны, выступавшей за демократические преобразования. В ходе исследования были применены следующие методы: исторический анализ, системный анализ, сравнительный анализ.

Ключевые слова: *политическая элита, трансформация, государство, власть, Российская Федерация.*

Одним из приоритетных вопросов, который касается основ функционирования любого типа политической власти, является вопрос формирования и рекрутирования национальной элиты в различных ее проявлениях, в т.ч. в аспекте политического лидерства на общегосударственном уровне. Особенности политической власти и системы государственных взаимоотноше-

ний по линии «власть – общество» могут кардинально трансформироваться с приходом к власти новых политических сил, готовых проводить собственную политику, политический курс в стране. При этом процесс смены политических элит в ходе такого процесса передачи власти характеризуется конкурентными началами, когда, подобно экономической конкуренции, политики и общественные деятели стараются заручиться поддержкой населения, легитимизировать собственную власть в глазах народа.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 7. С. 5-16; 8. С. 145-148; 9. С. 112-125].

Однако проблему трансформации постсоветских элит нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Политический транзит, который сопровождал появление постсоветской элиты после распада СССР, ознаменовал собой появление новой элиты на политической арене при формировании суверенного российского государства, причем процесс это активно шел не только на федеральном уровне, но и в рамках субъектов Российской Федерации, особенно в национальных республиках. Постепенно на региональном уровне стали появляться новые лидеры постсоветской России (М. Шаймиев, А. Тулеев, Е. Строев, Л. Маркелов и др.), готовые принимать важные для страны решения и развивать регионы. В своих субъектах они стали первыми лицами, представителями региональной элиты в процессе национального строительства нового, демократического государства на федеративной основе [6].

Предпосылки формирования новой политической элиты. Свое начало современная политическая элита России берет из советского прошлого, поскольку многие современные политики были выходцами из комсомола, коммунистической партии СССР. Советский период формирования и развития политической элиты ознаменовал собой процесс включения в элитарные группы представителей партийной номенклатуры, представителей силовых структур, а также опытных хозяйственников и иных представителей (важных с точки зрения советской идеологии) классовых групп.

Данная система просуществовала до конца 1980-х годов, после чего пошли активные процессы трансформации за счет политики декоммунизации, приватизации, построения рыночных основ хозяйствования и переоценки ценностных приоритетов, особенно в проекции на рабочие специальности и труд в целом, снижение его престижности в конце XX столетия в новой России. События 1991 года (распад Советского Союза) и последовавшие за этим процессы трансформации экономической, социальной и политической жизни, не могли не отразиться на преобразовании политической элиты страны, ее обновлении с приходом демократически настроенных политических сил во главе с Б.Н. Ельциным [2].

Становление российской политической элиты после распада СССР. Процесс трансформации политической системы в начале 1990-х годов обусловил определенный дуализм в сфере формирования национально-политической элиты страны. С одной стороны, в ее состав входили представители партийной номенклатуры, которые начинали свою политическую карьеру еще при М.С. Горбачеве, с другой – стал формироваться новый слой элиты, которая включала в себя представителей бизнеса, а также криминальных или полукриминальных структур.

Достаточно точно процессы, которые происходили в начале 1990-х годов, описала О.В. Гаман-Голутвина. Указанный автор пишет о том, что в данный исторический отрезок в сфере элитарных трансформаций происходило активное противоборство двух антагонистических структур: партийной номенклатуры и олигархического сообщества, т.е. когорты предпринимателей, стремительно разбогатевших на обломках великой страны и претендовавших на элитарные притязания. События, которые происходили во второй половине 1990-х годов, наглядно показали, что в определенной степени победителями из указанного противостояния вышли капиталистически-олигархические представители, которые стали активно себя позиционировать как элитарные группы. Именно новая социальная группа предпринимателей, существенно увеличивших свой капитал в 1990-е годы, смогла манипулятивными механизмами оставить у власти Б.Н. Ельцина в 1996 году, позволив ему сформировать лояльное отношение к крупному бизнесу Правительство РФ. На деле получалось, что крупный бизнес получал сверхприбыли, которые, при нужном руководстве и умелых действиях, могли бы пойти на развитие промышленности, социальной инфраструктуры и т.д. Сделано это не было, что в итоге отчасти привело к дефолту в 1998 году, способствовавшему дальнейшему материальному обнищанию основной части населения Российской Федерации [3. С. 17].

Новый формат рекрутирования политической элиты. Переход России от социалистической модели организации экономики и государственного управления к капиталистическому пути развития страны, трансформировал каналы социальной мобильности и формирования политической элиты. Перестал функционировать советский вариант получения привилегий и социальных статусов номенклатурного порядка. Ему на смену пришел принцип, согласно которому постепенно партийная номенклатура была вытеснена новой элитой страны, выступавшей за демократические преобразования. Появились новые, молодые реформаторы, такие как Е. Гайдар, Б. Немцов, М. Касьянов и др.

В основе формирования новой элиты уже не был положен принцип учета хозяйственной деятельности, профессиональных навыков. Ему на смену пришли земляческие отношения, патронаж (персональная ответственность за протеже со стороны партоната), а также клановые форматы назначения

на высокие государственные посты. Труд, как и хозяйственные навыки, умение эффективно управлять, профессионализм понимания политических, экономических, социальных, духовных процессов стали второстепенны для новых элитарных групп, причем не только на уровне федерального центра, но и в разрезе регионов, региональных политических акторов, формировавших политическую элиту на уровне конкретного субъекта РФ.

Следует согласиться с И.В. Денисенко, который отмечает, что для политической элиты времен руководства страной Б.Н. Ельцина были характерны следующие черты:

– существенное омоложение политической элиты страны, которое наглядно контрастировало с партийной номенклатурой СССР до его распада;

– увеличение количества представителей интеллигенции в государственном аппарате (с редким изучением их профессиональных навыков по управления государственными процессами);

– сокращение представителей из сельской местности, постепенное доминирование выходцев из крупных городов (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Нижний Новгород и т.д.);

– появление новых представителей элитарных групп из числа предпринимателей (крупного бизнеса), т.е. олигархических элит;

– процессы создания субэлиты из числа ближайших, доверенных людей первого лица государства;

– формирование региональной элиты в процессе нациестроительства из числа советских партийных функционеров, вовремя понявших вектор развития государства, т.е. ставших сторонниками реформ и рыночной модели хозяйствования. Многие из современных представителей политической элиты в регионах, которые развивают демократические основы в субъектах РФ, состояли в коммунистической партии СССР, поднимались по карьерной лестнице за счет участия в комсомоле, активном развитии социализма в отдельно взятой стране [5].

Выводы. Резюмируя все вышесказанное можно подвести итог: процесс трансформации российской политической элиты после распада СССР в 1990-е годы зависел от множества субъективных и объективных факторов. Появилась существенная зависимость процесс рекрутирования политической элиты от личности первого лица государства, которая только укрепилась после ухода в отставку Б.Н. Ельцина. Новый президент страны не стал вносить существенных изменений в существующий порядок, однако некоторые формальные посты стали занимать представители кадрового резерва.

Заключение. В 1990-е годы фактически перестал работать советский механизм получения привилегий и социальных статусов номенклатурного порядка. Ему на смену пришел принцип, согласно которому постепенно партийная номенклатура была вытеснена новой элитой страны, выступавшей за демократические преобразования. Новый формат появления полити-

ческой элиты строился на принципах земляческих отношений, персональной ответственности за протеже со стороны партоната, а также на клановых форматах назначения на высокие государственные посты. Заданная модель формирования политической элиты была реализована на федеральном, региональном и местном уровнях государственной власти и организации местного самоуправления, получив дополнительное закрепление уже в начале третьего тысячелетия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Арапханова Л.Я.* Этноэлиты в национальных движениях на Северном Кавказе в конце XX века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

2. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2 // https://elibrary.ru/ item.asp?id=26247409.

3. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты России. Вехи исторической революции. М.: Знание, 1998.

4. *Голованов Р.С.* Новый этап евразийской интеграции: функции элит // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

5. *Денисенко И.Ф.* Качественные характеристики региональной политической элиты в контексте постсоветских трансформаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2013. № 1 // https://cyberleninka.ru/article/n/kachestvennye-harakteristiki-regionalnoy-politicheskoy-elity-v-kontekste-postsovetskih-transformatsiy.

6. *Изергина Н.И., Изергина В.П.* Роль элиты в процессе нациестроительства в постсоветской России // Сложные пространственные системы и территориальное управление. 2017. № 5 // https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35089794&.

7. *Слизовский Д.Е.* Можно ли было избежать распада СССР: призма событий тридцатилетней давности и современности // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2 (24).

8. *Слизовский Д.Е., Пашенская Р.А.* Нериторический вопрос: способны ли политические элиты страны выразить идеи федерализма? // В сборнике: Лидер, элита, регион. Материалы научно-практической конференции с международным участием. М., 2014.

9. *Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A.* Gorbachev – Yeltsin – Putin: Discussion Around Models of Political Regime. Whats Next? // Political Science Issues. 2019. Т. 9. № 2 (32).

R.A. MURTAZIN
National Research Mordovian State University named after N.P. Ogareva, Saransk, Russia

FEATURES OF THE TRANSFORMATION OF RUSSIAN POLITICAL ELITES AFTER THE COLLAPSE OF THE SOVIET UNION

The relevance of the study is due to the fact that in any state at different historical stages in the development of the political process there is a problem of interaction between social structures (social strata), among which political elites can be distinguished. It is they who exert their influence on the political processes that determine the further development of the country. Of particular relevance is the study of the characteristics of the transformation of Russian political elites after the collapse of the Soviet Union. In the article, the author considers the prerequisites for the formation of a new political elite in the Russian Federation, the process of formation of new elite structures. A separate consideration is worthy of the new format for recruiting the political elite after the collapse of the Soviet Union.

As a result of the research, mhe author concludes that in the 1990s, the Soviet mechanism for obtaining privileges and social statuses of the nomenclature order actually stopped working. He was replaced by the principle that the party nomenclature was gradually supplanted by the new elite of the country, which advocated democratic reforms. During the study, the following methods were applied: historical analysis, system analysis, comparative analysis.

Key words: *political elite, transformation, state, power, The Russian Federation.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.010
УДК 32.327
П.А. ШИШЛИН
аспирант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета, Россия, г. Москва

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗМОЖНОГО ПЕРЕХОДА ИРАКА К ПРЕЗИДЕНТСКОЙ СИСТЕМЕ

В ходе массовых антиправительственных протестов в Ираке в 2019 году прозвучали призывы к смене действующей с 2003 года парламентской системы на президентскую. Целью статьи является определение возможных перспектив данного перехода применительно к постсаддамовскому Ираку. Автор рассматривает причины появления данного запроса, теоретические и практические преимущества и недостатки президентской системы для Ирака, вероятность перехода. Делается вывод, что переход Ирака к данной системе, хоть и не лишен теоретических преимуществ, но в нынешних политических условиях маловероятен и на практике вряд ли пошел бы на пользу демократическому развитию страны. Делаются альтернативные предложения по реформированию системы.

Ключевые слова: *Ирак, политическая система, президентская система, консоционализм, парламентаризм, протесты.*

Дискуссия о необходимости перехода Ирака к президентской системе после 16 лет постсаддамовского парламентаризма обострилась в ходе массовых акций протеста в стране в октябре-ноябре 2019 года. Призывы к столь принципиальному изменению политической системы прозвучали как среди протестующих, так и от представителей некоторых групп политической элиты. На фоне частичной несостоятельности иракского государства (в соответствующем рейтинге организации Fund for Peace за 2019 год страна занимает 13 место [12]) и необходимости поиска выхода из политического кризиса стране требуются конструктивные реформы, и перспективы перехода к президентской системе в этом контексте представляются актуальной темой для анализа.

Согласно определению М. Шугарта и Д. Кэри президентской системой является такая, в которой носитель верховной исполнительной власти избирается всенародно, сроки его полномочий и полномочий законодательного органа фиксированы и не зависят от доверия сторон друг к другу, выборная исполнительная власть назначает правительство и определяет его состав,

и президент имеет определенные конституцией права в законодательной сфере (в частности, право вето) [8. С. 198-246]. В связи с этим нужно отметить, что, несмотря на то, что с 1979 по 2003 год Саддам Хусейн занимал пост президента Ирака, политическую систему в этот период нельзя назвать президентской республикой, так как верховная власть, согласно конституции 1970 года, принадлежала революционному совету (невыборному), сочетавшему в себе как законодательные, так и исполнительные функции, и он же назначал президента и кабинет министров [5. С. 60-61]. Позднее Хусейн ввел в конституцию возможность всенародного референдума о доверии себе как президенту [5. С. 66], но такой механизм в рамках авторитарной, недемократической системы едва ли можно назвать всенародным избранием.

После смены политического режима в результате вторжения и оккупации Ирака США и их союзниками в 2003 году страна стала парламентской республикой консоционального (сообщественного) типа. Согласно определению А. Лейпхарта сообщественная демократия – это такая форма демократии, в которой власть осуществляется большой коалицией политических лидеров всех значительных сегментов многосоставного общества, а также существуют право взаимного вето, пропорциональность как главный принцип распределения постов и средств государственного бюджета, а также высокая степень автономности каждого сегмента в управлении своими внутренними делами [4. С. 60]. В иракском случае по решению Вашингтона и иракской оппозиции, вернувшейся на родину из-за рубежа после свержения Хусейна, таковыми сегментами общества были выделены мусульмане-шииты, мусульмане-сунниты и курды. За каждой из групп в рамках квотирования были закреплены определенные руководящие посты, в частности пост президента (с ограниченными полномочиями) был закреплен за курдами, спикера парламента – за суннитами, а главный исполнительный пост премьер-министра – за шиитами, составляющими большинство в обществе. Парламент стал избираться всенародно, после чего депутатами избирался спикер парламента, президент, а затем премьер-министр.

По убеждению Лейпхарта, пропорциональное представительство призвано обеспечить представительство меньшинства и тем самым противодействовать потенциальным угрозам национальному единству и политической стабильности [3. С. 287]. В Ираке эта система не защитила страну ни от вооруженных межконфессиональных конфликтов, ни от злоупотреблений властью со стороны шиитской элиты, в частности в рамках «конкурентного авторитаризма», который, как отмечал Т. Додж, создал в годы своего правления премьер-министр Нури аль-Малики (2006-2014 гг.) [11. P. 241-257]. Как отмечал Р. Виссер, необходимость создания в постсаддамовском Ираке консоциональной системы была изначально спорной, так как общество в то время не было настолько разделено по этноконфессиональному признаку, как это представлялось западным оккупантам и действовавшим за ру-

бежом оппозиционерам [21. P. 83-98]. Предположения Лейпхарта о том, что парламентско-пропорционалистские системы «почти неизменно показывают наилучшие результаты, особенно в отношении представительности, защиты интересов меньшинств, активности избирателей и контроля над безработицей» [4. С. 136-146], также не нашли подтверждения в политическом процессе постсаддамовского Ирака.

С 2015 года из-за нарастания за предшествующие годы депривации относительно социально-экономических ценностей, а также спада экономики из-за резкого падения мировых цен на нефть в стране начали происходить регулярные массовые акции политического протеста. В понимании недовольных, в частности многочисленной городской молодежи со средним и высшим образованием, причинами недостаточного оказания государством основных услуг (водоснабжение, электричество), массовой безработицы и отсутствия карьерных перспектив стали коррупция и зависимость шиитских политиков от иностранного (иранского) влияния, вызванные консоциональным порядком власти. Как отмечал С. Хантингтон, коррупция присуща развивающимся государствам, где значение интересов «семьи, клики или клана» имеет доминирующее значение, а эффективные политические партии отсутствуют [7. С. 87]. В иракской ситуации консоционализм фактически поощрил этноконфессиональное размежевание элиты ради получения гарантированной доли ресурсов (властных и финансовых), развитие каналов патронажа для получения государственных должностей. Это снизило эффективность госуправления и гибкость политической системы, помешало наполнению политического процесса смыслами и идеями отличными от того, что в западной политологии называют identity politics – политика идентичности, которая направлена на мобилизацию электората через апелляцию к общему с кандидатами происхождению или вероисповеданию.

Выборы мая 2018 года характеризовались самой низкой в постсаддамовской истории явкой (45%) и частичным бойкотом в крупных городах, что стало показателем потери доверия к действующим политическим партиям, организованным по этноконфессиональному признаку. На фоне попыток властей подавить при участии иррегулярных шиитских формирований новые протесты в октябре-ноябре 2019 года, что привело к гибели нескольких сотен человек [10], риторика демонстрантов ожесточилась, и зазвучали призывы к «свержению режима», переходу к президентской системе [15] и даже военной диктатуре [14]. В этом контексте показательной стала реакция недовольных на решение правительства отстранить командующего элитными антитеррористическими войсками генерала Абдель-Ваххаба ас-Саади за якобы «частые визиты в иностранные посольства» [18]. Популярного военачальника, ассоциировавшегося с победами над ИГ и борьбой с коррупцией в армии, в протестной среде сочли новой жертвой иранского вмешательства, что стало дополнительным раздражителем для проте-

стующих. С переходом к президентской системе и руководителями вроде ас-Саади недовольные, очевидно, начали связывать надежды на появление «сильной руки», которая объединит страну, остановит коррупцию и обеспечит повышение уровня жизни. Здесь же следует упомянуть распространение в последние годы «ностальгии» по Саддаму Хусейну среди иракской молодежи, которая не может в силу возраста помнить прошлый авторитарный режим, но ассоциирует с ним единый и сильный Ирак в противовес современной демократической эпохе, ознаменовавшейся внутренними войнами, терроризмом и коррупцией [9]. Безусловно, в этой ситуации молодые иракцы производят подмену понятий, перенося разочарование своей жизнью в современном Ираке на демократические принципы в целом, однако действующая парламентская система, как было отмечено ранее, нуждается в критическом переосмыслении, и рассмотрение возможных преимуществ президентской системы как альтернативы ей видится продуктивным шагом на пути к этой цели.

Как отмечали Шугарт и Кэри, президентская система больше, чем парламентская, обеспечивает подотчетность, идентифицируемость, взаимные сдержки и арбитраж. В первом пункте речь идет о степени ответственности выборных руководителей перед гражданами и возможности избирателей напрямую «наказать» на следующих выборах правительство, не оправдавшее ожиданий. Второй пункт подразумевает возможность избирателей предвидеть состав правительства в ходе голосования (в парламентских республиках, в особенности мультипартийных, таких как Ирак, это практически невозможно). Третий – взаимное усиление контроля исполнительной и законодательной ветвей власти друг над другом, а четвертый – возможность выступления президента в роли надпартийного арбитра при разрешении политических конфликтов [8. С. 198-246]. Учитывая иракскую ситуацию и те недостатки, которые продемонстрировала действующая парламентская система, все четыре преимущества могли бы теоретически пойти на пользу эффективности иракского госуправления.

Однако ряд политологов отмечают недостатки президентской системы, отдавая предпочтение, также, как и Лейпхарт, не мажоритарному, а консенсусному парламентскому правлению. Так, Х. Линц, в первую очередь, обозначал главным пунктом своей критики президентской системы принцип «победитель получает все», при котором демократический политический процесс становится «игрой с нулевой суммой» с большим конфликтным потенциалом. Убеждение избранного президента в том, что он обладает независимой властью и выданным ему народом мандатом (при том, что его преимущество на выборах могло быть минимальным) может сделать его плохо восприимчивым к парламентской оппозиции своей политике и создать почву для новых кризисов [13. P. 51-69]. Как полагал Ф. Риггс, проблема президентских систем заключается в том, что ни один президент не может еди-

нолично заменить традиционную монаршую легитимность. Успеху США как первой и наиболее стабильной президентской системы, по убеждению Риггса, на первом этапе способствовала роль личности Джорджа Вашингтона, а впоследствии – олигархичность политического процесса, то есть роль крупного капитала в лоббировании своих интересов, а также низкий уровень участия маргинализованных групп населения в выборах, что обеспечивало воспроизведение центристского характера правящей элиты [17]. Едва ли описанные Риггсом условия повторяются в современном Ираке, где более 60% населения составляет молодежь, не имеющая карьерных перспектив и требующая немедленных радикальных перемен в политике. Не заметны пока среди иракской политической элиты и личности, сопоставимые по своему лидерскому потенциалу с Вашингтоном.

Здесь и проявляется вновь проблема лидерства, которая представляется корневой в иракской дискуссии о президентской системе. Как отмечает О. Зазнаев, решение проблемы эффективности исполнительной власти не сводится к учреждению сильного президентства. Эффективным руководителем может быть и премьер-министр в парламентской республике, и президентство не является панацеей от всех бед [1. С. 199-205]. Как отмечал Ю. Ирхин, современный политический лидер должен обладать поддержкой в элите, социально-экономической и политической программами, умением бороться за выполнение этой программы, популярностью масс, возможностью распоряжаться разного рода ресурсами [2. С. 6-14]. Действующий премьер-министр Адель Абдель-Махди такими качествами не обладал, и его избрание главой исполнительной власти в 2018 году было обусловлено компромиссным характером его кандидатуры для конкурирующих групп элиты в новом созыве парламента. В сложившихся обстоятельствах стране требовался кандидат другого рода, активный антикризисный менеджер с соответствующей программой и собственной базой поддержки в парламенте. Замена системы на президентскую не гарантирует появление такого лидера, однако, вероятно, может представить больше возможностей народу выбрать его самостоятельно, не отдавая этот вопрос на откуп борющихся за свои интересы элитных групп.

При этом следует отметить, что среди элиты за переход к президентской системе высказались представители шиитских политических сил, ориентированные на Иран, в частности блок «Фатах» («Завоевание») во главе с Хади аль-Амери, представляющий интересы иракского ополчения, преимущественно составленного из упоминавшихся ранее иррегулярных шиитских вооруженных формирований [19]. В поддержку перехода к президентской республике ранее выступал также и Нури аль-Малики [20]. Таким образом, идею президентской системы поддерживают именно те группы элиты, которые начали терять широкую общественную поддержку. Как отмечал Зазнаев, главный мотив выбора формы правления – это интересы политических

акторов, рассматривающих институты как орудия в борьбе за политическое выживание [1]. Этим можно объяснить, как первоначальный выбор антисаддамовской оппозицией консоционального парламентаризма, так и новые настроения политиков относительно президентской системы. Ситуация также показывает, что протестующие и элита имеют разные ожидания от президентской системы: первые – надеются на объединение страны всенародно избранным президентом с широкими полномочиями, который обеспечит эффективное функционирование государства и справедливое распределение материальных благ, вторые – на возможность перегруппироваться и консолидировать в своих руках власть, легитимность притязаний на которую стала подвергаться сомнению в обществе. С учетом этого противоречия едва ли можно надеяться на возможный успех и стабильность президентской системы в Ираке в случае ее установления и на отсутствие скатывания такой системы в сторону авторитаризма с учетом высокой вероятности отсутствия значительных сдерживающих президента сил в парламенте. Против перехода к президентской системе выступают суннитские и курдские партии, а также коммунисты, которые в рамках протестов показали себя в качестве одной из главных организующих диссидентское движение сил [16]. Таким образом, прохождение соответствующих поправок в конституцию через парламент с целью последующего вынесения на всенародный референдум пока не представляется возможным (для этого в парламенте требуется 2/3 голосов [5. С. 168]), что на данном этапе можно считать благом для демократического развития Ирака.

В заключение, несмотря на вывод о том, что президентская система в Ираке теоретически могла бы быть эффективной, но на практике с учетом действующего расклада сил в политической элите будет опасна для демократического развития страны, необходимо все же вернуться к первоначальному тезису о необходимости значительных политических реформ в Ираке.

Здесь, по итогам проведенного выше анализа, можно вынести ряд рекомендаций для реформирования иракской политической системы. Во-первых, стране следует реформировать электоральную систему, к чему призывают более рациональные участники протеста (в частности, упомянутые выше коммунисты), а также президент страны Бархам Салех. Стране следует перейти от действующего пропорционального голосования (по партийным спискам и с округами-провинциями) к мажоритарному принципу (с небольшими одномандатными округами). Это позволит претендовать на победу большему числу независимых и местных кандидатов (в том числе протестным активистам), стимулирует переход от политики идентичности к борьбе идей и программ для решения проблем отдельных районов и страны в целом. При этом такая система не помешает представительству меньшинств в парламенте, так как в Ираке этноконфессиональные общины, в целом, проживают компактно, и в конкретных избирательных округах

с большой вероятностью будут избираться соответствующие представители. Ираку, однако, необходимо нарастить усилия по возвращению перемещенных из-за войны с террористами лиц в районы своего проживания, это касается, в первую очередь, суннитов, для эффективной работы предлагаемой системы.

Во-вторых, возвращаясь к теме президентства, Ираку можно рекомендовать реформировать не систему в сторону президентской, а пост президента в рамках парламентской республики. Здесь перспективным видится усиление роли президента в упомянутой ранее функции арбитража. В современной иракской истории эту роль надпартийного арбитра и защитника избирателей нередко выполнял духовный лидер иракских шиитов аятолла Али ас-Систани [6. С. 133-137], однако, как представляется, более эффективно ее могла бы выполнять избранная всенародно фигура внутри политической системы. Такой президент мог бы обладать правом вето, законодательной инициативы, инициирования в парламенте голосования о вотуме недоверия правительству (но не мог бы сам назначать или увольнять его). Учитывая запрос протестующих на объединение страны под общенациональными идеями и отход от конфессионализма, выборный президент-гарант конституции, не имеющий партийной принадлежности (например, представитель научной или творческой интеллигенции), мог бы позволить создать более стройную систему сдержек и противовесов и придать большую легитимность режиму в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Зазнаев О.И.* Современная дискуссия о лучшей форме правления // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2013. Т. 155. Кн. 1.

2. *Ирхин Ю.В.* Политическое лидерство: критерии эффективности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2014. № 7 (3).

3. *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование (пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской). М., 1997.

4. *Лейпхарт А.* Конституционные альтернативы для новых демократий // Полис. 1995. № 5.

5. *Сапронова М.А.* Иракская конституция в прошлом и настоящем (из истории конституционного развития Ирака). М.: ИБВ, 2006.

6. *Филин Н.А., Пилоян М.Г.* Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Власть. 2015. Том. 23. № 2.

7. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах (пер. В.Р. Рокитянского). М., 2004.

8. *Шугарт М.С., Кэри Д.М.* Президентские системы // Современная сравнительная политология / Под ред. Голосова Г.В., Галкиной Л.А. М.: МОНФ, 1997.

9. *Alshamary M.* Authoritarian Nostalgia Among Iraqi Youth: Roots and Repercussions // War on the Rocks. July 25, 2018 // https://warontherocks.com/2018/07/authoritarian-nostalgia-among-iraqi-youth-roots-and-repercussions/.

10. *Davison J.* Iraq protest death toll mounts as cleric warns against meddling // Reuters. Dec. 7, 2019 // https://www.reuters.com/article/us-iraq-protests/iraq-protest-death-toll-mounts-as-cleric-warns-against-meddling-idUSKBN1YA0YA.

11. *Dodge T.* State and society in Iraq ten years after regime change: the rise of a new authoritarianism // International Affairs (Royal Institute of International Affairs 1944). March 2013. Vol. 89. No. 2.

12. Fragile States Index // Fund for Peace, 2019 // https://fundforpeace.org/2019/04/10/fragile-states-index-2019/.

13. *Linz J.J.* The Perils of Presidentialism // Journal of Democracy. Winter 1990. Volume 1. Number 1.

14. *Magid P.* Angry Iraqis Demand New Government // Foreign Policy. Oct. 7, 2019 // https://foreignpolicy.com/2019/10/07/angry-iraqis-yearn-for-military-rule-again/.

15. *Mamouri A.* Intel: What's fueling Iraqi anger at the government // Al-Monitor. Oct. 31, 2019 // https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/10/intel-iraq-protests-anger-government.html#ixzz68ZgO3LiT.

16. *McDonald A.* Iraq's communists given new life by protests // Middle East Eye. Dec. 1, 2019 // https://www.middleeasteye.net/news/protests-breathe-new-life-into-Iraqs-communist-parties.

17. *Riggs F.W.* Presidentialism versus Parliamentarism: Implications for Representativeness and Legitimacy // International Political Science Review / Revue internationale de science politique. Contrasting Political Institutions. Institutions politiques contrastées. Jul. 1997. Vol. 18. No. 3.

18. *Saadoun M.* Iran's influence seen in transfer of Iraqi war hero // Al-Monitor. Oct. 4, 2019 // https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/10/iraq-protests-abdul-wahab-al-saadi.html.

19. *Sattar O.* Is Iran trying to hijack Iraqi protesters' demands? // Al-Monitor. Nov. 14, 2019 // https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/11/iraq-protests-constitution.html.

20. *Sattar O.* Factions call for changing Iraq to presidential government // Al-Monitor. Sep. 10, 2019 // https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/09/iraq-government-presidential-parliamentary.html.

21. *Visser R.* The Western Imposition of Sectarianism on Iraqi Politics // The Arab Studies Journal. Fall 2007/Spring 2008. Vol. 15/16. No. 2/1.

P.A. SHISHLIN
PhD student, Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Moscow, Russia

THE PROSPECTS OF A POSSIBLE TRANSITION TO A PRESIDENTIAL SYSTEM IN IRAQ

Anti-government protests in Iraq in 2019 were marked by calls for changing the current parliamentary system in place since 2003 to a presidential one. The objective of this article is to identify prospects of such a change for post-Saddam Iraq. The author analyses the roots of this call, the advantages and disadvantages of a presidential system in theory and in practice for Iraq, the possibility of this change. The conclusion is reached that transition to this system for Iraq is not devoid of advantages in theory, but considering the current political circumstances is unlikely and might be detrimental to the democratic development of Iraq in practice. Alternative reform suggestions are made.

Key words: *Iraq, political system, presidential system, consociationalism, parliamentarism, protests.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.011
УДК 32.323

О.А. НЕСТЕРЧУК
доктор политических наук, профессор,
профессор кафедры политического анализа и управления
Российского университета дружбы народов (RUDN University);
доктор политических наук, профессор, профессор
кафедры политологии и политического управления Институ-
тута общественных наук РАНХ и ГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва
Г.М. ГАЛКИНА
аспирант кафедры национальных и
федеративных отношений ИГСУ РАНХ и ГС
при Президенте РФ, Россия, г. Москва
В.П. БЕЛЯЕВА
заместитель директора по учебно-воспитательной рабо-
те Государственного бюджетного общеобразовательного
учреждения города Москвы «Школа № 97»,
Россия, г. Москва

ОБРАЗОВАНИЕ КАК УСЛОВИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

В статье рассматривается образовательная политика современной России в контексте регионального развития и развития человеческого капитала. Отмечая имеющиеся различия в социально-экономическом потенциале российских регионов, авторы акцентируют внимание на возможности решения задачи сбалансированного регионального развития в образовательной среде в рамках реализации национального проекта «Образование» и совершенствования иных значимых нормативно-правовых актов в исследуемой сфере. Выделены наиболее значимые, по мнению авторов, направления реализации национального проекта «Образование», позволяющие наиболее эффективно реализовать имеющийся потенциал российских регионов.

Ключевые слова: *образование, образовательная политика, региональная политика, региональное развитие, человеческий капитал, национальные проекты.*

Сбалансированное развитие регионов Российской Федерации на сегодняшний день является наиболее значимой и многоаспектной задачей стоявшей перед властью современной России. В качестве критериев оценки

развития российских регионов используется достаточно широкий спектр самых разнообразных показателей экономической и социальной сферы.

Эксперты НИУ «ВШЭ» в проведенном исследовании «Индекс образовательной инфраструктуры российских регионов» выделили определенную «кластеризацию» российских регионов по таким критериям, как урбанизация, демографический потенциал, покупательная способность населения, кредитная нагрузка и др., что позволило выявить следующие группы:

- высокая урбанизация, высокая покупательная способность, средние кредитные задолженности;
- средние показатели по приведенным критериям;
- высокие кредитные задолженности, убыль населения, средние финансово-экономические показатели;
- низкие кредитные задолженности, низкие расходы на образование;
- низкий уровень урбанизации, низкий уровень покупательной способности, демографический рост, высокий уровень расходов на образование [4].

Эмпирика упомянутого исследования позволяет говорить о значимости критериев регионального развития в контексте потенциала возможностей развития человеческого капитала в российских регионах, информацию об особенностях изменения которого регулярно публикует Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации [6].

Взаимосвязь образования, его доступности и востребованности в обществе, влияния на человеческий капитал в последние годы активно исследуются и обсуждаются как в России, так и за рубежом. Выдвигаются разные концепции и прогнозы развития высшей школы, предлагаются все новые и новые механизмы реализации этих концепций.

Качество человеческого капитала оказывает прямое влияние на рынок труда, требования которого к выходящим на рынок специалистам также подвержены достаточно динамичным изменениям. Так можно говорить о влиянии технологий (интернет, облачные технологии, искусственный интеллект, цифровизация, роботизация и т.д.), экологического фактора, связанного с существующим трендом на зеленую экономику, а также вывода крупных промышленных предприятий из городов.

Отдельно необходимо отметить влияние на рынок труда миграционного фактора, взаимосвязанного не только с внешней (международной), но и внутренней трудовой миграцией между российскими регионами, а также миграцией россиян за рубеж [1. С. 673-677].

Такая многоаспектная взаимосвязь регионального развития, качества человеческого капитала, потребностей рынка труда, позволяет согласиться с тезисом о все более возрастающей значимости реализуемой государством образовательной политике, где формирование основ образовательной политики России исторически представляет собой комплекс задач и целей, связанных с модернизацией социально-экономического и военного потенциала

страны, формированием конкурентоспособного общества с высокими жизненными стандартами [5].

В свою очередь, развитие человеческого капитала не может быть эффективным без развития сферы образования и реализации фундаментальной задачи российской образовательной политики – обеспечения доступного и качественного образования для всех граждан России, в независимости от места их проживания.

Как отмечает Л.А. Петручак: «Право на образование – особое право в системе конституционного статуса личности: это социальное право человека, создающее одновременно предпосылку для развития и личности, и общества, и государства» [7].

Решение поставленной задачи несет также еще одну значимую миссию образовательной политики, где учебные заведения играют роль агентов политической социализации современной российской молодежи, являющейся ценной социальной единицей для нашего государства [2. С. 99-109].

Роль образования в контексте политической социализации представляется наиболее значимой в тех субъектах Российской Федерации, где имеется достаточно сильное влияние религии и соответствующих религиозных институтов, на все сферы общественной жизни. Подкрепленный религиозными догмами традиционализм зачастую вступает в конфронтацию со светскими институтами власти, а проявляющиеся в этой связи недостатки образовательной и просветительской деятельности государства становятся источниками конфронтации и радикализации местного населения.

В рамках озвученной цели получение качественного образования в независимости от места проживания при этом является одной из задач не только образовательной, но и региональной политики, позволяющей уменьшить отток молодежи из регионов.

Вместе с тем, достаточно очевидным представляется то, что экономическое и демографическое развитие российских регионов ставит их изначально в неравное положение с точки зрения уже существующего уровня качества оказания образовательных услуг, что стимулирует отток наиболее талантливой молодежи в крупные федеральные образовательные центры.

Очевидно, что условия, в которых осуществляется обучение, во многом определяют будущие возможности обучающегося в его потенциальной конкуренции с обучающимися из других российских регионов.

Таким образом, рассматривая образовательную политику государства в контексте регионального развития можно сформулировать три основных критерия эффективности: доступность, качество и социальность. В данном случае, под доступностью понимается развитие образовательной инфраструктуры в российских регионах на всех уровнях, в том числе и дошкольном. Оценка качества образования также является многоаспектным понятием, базирующимся не только на удовлетворенности от полученной услуги,

но и последующем применении полученных знаний, а также соответствия государственным стандартам образования. В свою очередь критерий социальности реализуемой образовательной политики позволяет принять образование, как общественное благо, направленное в интересах человека, семьи и государства. В этой связи достаточно логичной представляется позиция государства в вопросе монопольного права на лицензирование образовательно деятельности и аккредитации образовательных учреждений.

Так, по мнению Н.В. Ярославцевой: «В условиях перехода спроса на образовательные услуги в иное, качественное измерение, а самого российского образования в иное качественное состояние, государственное лицензирование, аккредитацию и контроль (надзор) следует рассматривать, и как ограничение, и как стимул, поскольку именно они, в общественном сознании гарантируют качество образовательной услуги» [9].

Несмотря на достаточно существенное внимание, которое государство уделяет материально-техническому обеспечению российского образования, полноценной государственной поддержкой в полной мере могут пользоваться в большей степени федеральные проекты, а проекты региональные или муниципальные становятся более зависимыми от местных бюджетов. Неравнозначность этих бюджетов приводит к тому, что кадровое и информационно-методическое обеспечение образовательного процесса в отдельных субъектах Российской Федерации имеет определенную неравномерность.

Отметим, что образовательная политика в каждом из российских регионов определяется взаимодействием различных внутренних и внешних факторов. К внутренним факторам следует отнести экономической, социальное, политическое демографическое и культурное развитие региона. К внешним факторам – взаимодействие региона с федеральным центром, статус и условия такого взаимодействия, а также вовлеченность региона в международные образовательные и культурные процессы [3].

В этой связи дополнительную значимость приобретает и аспект федеративных отношений и выстроенных в этой связи отношений «центр-периферия». Федеративное устройство современной России предопределило необходимость выработки особого подхода в сфере реализации образовательной политики в целях формирования устойчивой государственной структуры для координации деятельности и достижения общих целей всех участников федеративных отношений.

Говоря о государственной политике в сфере образования, именно на федеральном уровне, необходимо обратиться к одному из фундаментальных документов данной сферы – Национальному проекту «Образование», реализуемому в соответствии с Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [8].

Другим, не менее важным документом в сфере российского образования, является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»

от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ. Следует отметить, что только в 2020 году в вышеназванный нормативный правовой акт были внесены поправки, связанные с выполнением поручений Президента Российской Федерации, данными в ходе послания Федеральному Собранию, а также направленные, в том числе, и на обеспечение доступа к образованию во время пандемии COVID-19 (от 06.02.2020 № 9-ФЗ, от 01.03.2020 № 45-ФЗ, от 01.03.2020 № 47-ФЗ, от 24.04.2020 № 147-ФЗ, от 25.05.2020 № 158-ФЗ, от 25.05.2020 № 159-ФЗ, от 08.06.2020 № 164-ФЗ, от 08.06.2020 № 165-ФЗ).

Принятые законодательные новеллы, позволили расширить гарантии доступности образования, в части создания правовой базы для электронного и дистанционного обучения, которой смогут воспользоваться для получения полноценного образования лица с ограниченными возможностями здоровья. Совершенствование российского законодательства в сфере образования в рамках реализации вышеназванного национального проекта позволит решить ряд задач, которые окажут существенное влияние на региональный образовательный аспект, а именно:

• создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней на всей территории России;

• формирование эффективной системы выявления, поддержки и развития способностей и талантов у детей и молодежи, основанной на принципах справедливости, всеобщности и направленной на самоопределение и профессиональную ориентацию всех обучающихся;

• внедрение национальной системы профессионального роста педагогических работников;

• модернизация профессионального образования в части актуализации, востребованных на рынке труда компетенций.

Приведенные направления движения российской образовательной политики в региональном измерении представляются весьма актуальными ввиду их взаимосвязи с происходящими процессами модернизации. Образование, является одним из ключевых элементов процесса глобальной модернизации общества, который позволит обеспечить стабильность развития страны в постиндустриальном обществе, где на первые роли выходит технологический прогресс, определяемый человеческим капиталом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бурда М.А.* Миграционная политика России: российский рынок труда иностранной рабочей силы // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-3.

2. *Бурда М.А., Горчакова А.Р., Стригина Н.С.* Современные особенности становления новых агентов политической социализации молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. Т. 15. № 2.

3. *Данилова И.Ю.* Региональная образовательная политика в постсоветский период // Вестник ВятГУ. 2009. № 3 // https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-obrazovatelnaya-politika-v-postsovetskiy-period.

4. Индекс образовательной инфраструктуры российских регионов // https://ioe.hse.ru/data/2019/04/15/1178142809/202018-2019_2019-04-12.pdf.

5. *Морозова Г.В.* Современная парадигма образовательной политики России: оценки преобразований // Вестник ПАГС. 2018. № 3 // https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-paradigma-obrazovatelnoy-politiki-rossii-otsenki-preobrazovaniy.

6. Особенности развития человеческого капитала в субъектах Российской Федерации // https://ac.gov.ru/files/content/22461/3-grigorev-pdf.pdf.

7. *Петручак Л.А.* Право на образование в современной государственной образовательной политике России // Вестник МГОУ. Серия: Юриспруденция. 2017. № 4 // https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-obrazovanie-v-sovremennoy-gosudarstvennoy-obrazovatelnoy-politike-rossii.

8. Президент России // http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027.

9. *Ярославцева Н.В.* Система образовательных услуг в Западно-Сибирском регионе в реализации государственной образовательной политики // МНКО. 2018. № 3 (70) // https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obrazovatelnyh-uslug-v-zapadno-sibirskom-regione-v-realizatsii-gosudarstvennoy-obrazovatelnoy-politiki.

O.A. NESTERCHUK
Doctor of Sciences (political sciences),
Professor at the Chair of political analysis and management,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University);
Professor at the Chair of political science and political management,
Institute of Social Sciences, RANEPA,
Moscow, Russia
G.M. GALKINA
Postgraduate student at the Chair of national
and federative relations, Institute of Social Sciences,
RANEPA, Moscow, Russia
V.P. BELYAEVA
Deputy Director for educational work of the
State Budgetary Educational Institution of Moscow
"School No. 97," Moscow, Russia

EDUCATION AS A CONDITION FOR REGIONAL DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN RUSSIA

The article examines the educational policy of modern Russia in the context of regional development and the development of human capital. Noting the existing differences in the socio-economic potential of the Russian regions, the authors

emphasize the possibilities of solving the problem of balanced regional development in the educational environment as part of the implementation of the national project «Education» and improving other significant regulatory legal acts in the area under study. According to the authors, the most significant areas of implementation of the national project «Education» have been highlighted, allowing the most effective realization of the existing potential of the Russian regions.

Key words: *education, educational policy, regional policy, regional development, human capital, national projects.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.012
УДК 32.327

В.С. ИВАНЧЕНКО
аналитик Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Россия, г. Москва
Е.С. ЧИМИРИС
кандидат политических наук, аналитик 1 категории Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, доцент Департамента политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва

РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КАК ФАКТОР ПОЛИТИКИ

Проблема распространения русского языка на постсоветском пространстве давно стала значимым фактором политики. Россия использует его в качестве одного из инструментов свой «мягкой силы» и политического влияния в бывших республиках СССР. После распада Союза большинство новых государств стали дистанцироваться от русского языка, заменяя его национальным или английским. В ряде стран статус русского языка не только не определен, но введен запрет на его использование. Хотя русский язык до сих пор остается инструментом общения для национальных меньшинств и диаспор на территориях стран бывшего СССР. В политике России по поддержке русского языка за рубежом новые государства видят угрозу своей национальной идентичности и национальным языкам.

В данной статье авторы ставят перед собой задачу рассмотреть текущую ситуацию с использованием русского языка в странах постсоветского пространства. Авторы выдвигают гипотезу, что отказ от использования русского языка в странах постсоветского пространства связано с его ценностной доминантой. Тогда как инструментализация изучения языка приводит к росту интереса к нему в странах Запада. Анализируются данные по использованию русского языка в бытовом общении, образовании

и науке. Авторы показывают, что использование русского языка зависит также от возраста и образования населения. При этом русский язык изучается в странах Западной Европы, и авторы приводят данные относительно причин, по которым иностранцы стремятся его изучать. Выявляются основные вызовы и угрозы, с которыми сталкивается русский язык на постсоветском пространстве. В результате авторы приходят к выводу, что России стоит уходить от ценностной трактовки использования русского языка в пользу инструментализации, и показывать выгоды и преимущества языка как средства межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: *русский язык, постсоветское пространство, Россия, языковая политика, национальная идентичность.*

Язык – важный инструмент коммуникации и продвижения политической повестки как на общественном, так и на международном уровне. Другая важнейшая политическая функция языка – формирование национальной идентичности и государственное строительство [5]. Страна, в котором государственный язык и основной язык общения претендует на статус международного языка, имеет основание играть ведущую роль в архитектуре международных отношений или в отдельном регионе. В связи с тем, что Россия претендует на повышение своего международного статуса [13. С. 79-94], а также на свою особую роль на постсоветском пространстве [10. С. 109-114], тема распространения русского языка продолжает быть актуальной в современных сложных для России геополитических и международных условиях.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [4; 6; 8; 9; 11. С. 100-111; 12; 14; 18. С. 111].

Однако проблемы этноязыковой политики и роли русского языка в постсоветском пространстве нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Сегодня русский язык не может претендовать на роль универсального языка международной коммуникации из-за недостаточной распространенности и своей лингвистической сложности, но может использоваться как региональный язык – в первую очередь, на постсоветском пространстве. Ранее в советское время в рамках распространения социалистической идеологии по всему миру, были попытки сделать русский язык общемировым – в 70-х гг. XX в. его изучали в 81 стране мира [16]. Потери позиций и интереса к русскому языку среди молодых поколений стран СНГ после развала СССР сигнализируют о серьезных угрозах для статуса русского языка в регионе. Русский язык по-прежнему остается важным инструментом для объ-

единения русской диаспоры и сохранения движения соотечественников за рубежом, неотъемлемой частью которого являются русские, оставшиеся вне границ Российской Федерации после распада СССР.

При этом стоит отметить, что в странах Западной Европы и Америке студенты изучают русский язык, так как понимают, что он может помочь им в карьерном росте и персональном развитии. Причины такого выбора, как будет показано ниже в статье, в основном прагматичные.

Предположительно мы можем говорить о двух измерениях языка – ценностном и прагматическом. Наша гипотеза заключается в том, что официальная политика поддержки русского языка Российской Федерацией на постсоветском пространстве носит ценностный характер, и с этим связаны основные сложности политики «мягкой силы» России в этом направлении. Россия позиционирует язык более как наследие общего советского прошлого и часть исторической памяти, а не как инструмент достижения карьерных и образовательных целей жителей стран бывшего СССР.

Язык-ценность vs инструмент. Функция языка применительно к политическим процессам может выступать как минимум в двух ипостасях – ценностном (когда мы ведем речь о роли языка в формировании национальной идентичности), и инструментальном – как средстве коммуникации. В связи с тем конфликтом между Россией и западными странами, который наращивает интенсивность после 2008 г., может возникнуть впечатление, что русский язык и все русское сталкивается с однозначным отторжением. Однако, как показывают исследования западных специалистов, это не совсем так – русский язык изучают и используют в международной среде. Проблема преимущественно возникает в том случае, когда использование русского языка «угрожает» формированию национального самосознания бывших советских республик – и в этой области нам стоит искать компромисс по поддержанию статуса русского языка, при одновременном уважении к национальной идентичности соседних с Россией государств.

Русский язык как инструмент. Русский язык сохранил за собой важные атрибуты влияния на международную повестку. Это по-прежнему официальный язык ООН, МАГАТЭ, на региональном уровне – Шанхайской организации сотрудничества, ЕАЭС, СНГ, ОДКБ. Русский язык также изучается студентами в качестве иностранного в странах дальнего зарубежья – как на Западе, так и в странах Азии. С этой точки зрения любопытно исследование Джейсона Мэррила, который опросил студентов, которые изучали русский язык на летней интенсивной программе Мидлберри Колледжа с 1991 по 2011 г. о причинах изучения русского языка [19. P. 51-78]. Респонденты выбрали следующие ответы первыми из трех возможных.

Как видим, согласно исследованию, карьера и доступ к знаниям (чтение авторов в оригинале) являются наиболее влиятельными причинами для освоения русского языка западной, американской аудиторией. Также важной причиной является интерес непосредственно к наследию русской культуры.

Таблица 1

Причины, по которым студенты Мидлберри Колледжа выбирают русский язык для изучения / Reasons of choosing Russian language for studying among the students of Middlebury College

Причина изучения русского языка	% первый в списке выбора	% в топ-три вариантах
Планирую использовать русский язык в своей карьере	15.8	38.6
Хочу читать русских авторов в оригинале	12	26.5
Интересуюсь русской историей	9.4	31
Звучит экзотично	8.8	25.3
Звучит забавно	7.5	23.4
Я хотел расширить свои знания о мире	6.9	31
Хотел поехать в Россию	5.6	25.3
Хотел бы работать в России	4.4	18.9
В России у меня друзья	3.1	8.8
Выбрал курс, потому что не попал на другие	2.5	6.3
Хотел бы преподавать историю, культуру, политику или экономику России	1.8	5
Хотел бы преподавать русский язык	1.2	5.6
Имею русские корни	1.2	5.6
Нет определенной причины	0.6	6.3

Среди карьерных ожиданий, в рамках которых опрошенные студенты планировали использовать русский язык, называли: дипломатическая служба за рубежом, образование, госслужба в своем государстве (Департамент коммерции, юстиции, ФБР, ЦРУ и т.п.), НКО, бизнес, гуманитарные организации, журналистика, военная служба [19]. Для западных стран изучение русского языка носит прикладной характер, и мы видим постоянный интерес к нему.

Русский язык как ценность. Ранее русский язык был одним из инструментов строительства империй – Российской Империи и СССР. Это был язык универсальной коммуникации для народов, входящих в состав этих

многонациональных государств. Он внедрялся как обязательный в образовательной системе в царский и советский периоды. В советское время, образование допускалось только на 14 национальных языках, помимо основного русского [1]. Сейчас отказ от русского языка становится своеобразным манифестом окончательного разрыва с имперским или советским прошлым [3. С. 163-164]. Соответственно, политика по продвижению русского языка за рубежом воспринимается постсоветскими странами как неоимперская. Некоторые авторы отмечают агрессивное использование темы русского языка в риторике и в политике, распространение идей «русского мира», сравнивают с языковой политикой бывшей метрополии в отношении ранее подвластных территорий [21. P. 249-281].

В это же время с распадом Советского союза, внутренние языковые проблемы в республиках (включая и вопрос русскоязычного населения – например, в Молдове и Украине) стали причиной борьбы за языковые права и катализаторами национальных конфликтов [17. P. 257-274]. Согласно последнему исследованию ФГАНУ «Социоцентр», русский язык занимает в мире 10-е место по распространению, его используют в 27 странах – всего около 235 млн. человек (3). Показатели Россотрудничества об употреблении русского языка в странах СНГ несколько выше – по данным агентства, русским языком для общения пользуются около 273 млн. человек в мире (2).

Русский язык является родным для многих граждан постсоветских стран, он сохраняет свои позиции в информационном и культурном пространстве, используется на бытовом уровне. Статус государственного русский язык имеет в Беларуси, официального – в Кыргызстане и Казахстане. В Молдове закреплено право на сохранение и развитие русского языка, вдобавок это официальный язык Гагаузии. В Таджикистане русский язык обозначен как язык межнационального общения. В остальных странах СНГ и Грузии статус русского языка не определен. На Украине в 2019 году русский язык лишили статуса языка межнационального общения, приравняв его к языкам других нацменьшинств.

Решения относительно статуса русского языка, которые принимаются в последние годы, зачастую носят политический характер. Несмотря на свободное владение русским языком большинством населения и серьезных позиций русскоязычных политиков на Украине в годы независимости, курс на евроинтеграцию воспринимается текущими политическими элитами через призму необходимого разрыва с имперским прошлым и ограничения культурных связей с Россией.

Примечательны показатели употребления русского языка в бытовом общении среди населения стран бывшего СССР. Исследование 2018 года (используется совокупная оценка данных 2012-2017 гг.) в рамках проекта «Евразийский монитор» показывает, что русский язык, как язык бытового общения доминирует в Беларуси и Казахстане. В Азербайджане, Узбеки-

стане и Армении более низкие показатели. Люди с высшим образованием в Азербайджане, Узбекистане, а также Казахстане чаще используют русский язык в бытовом общении, однако это не так для Армении.

Русский язык для многих жителей постсоветского пространства может быть вписан в их национальную идентичность в нетипичном формате: факт признания русского языка родным не будет означать принадлежность данных жителей к русской нации. Часто русский язык сохраняет серьезные позиции среди узких элитных групп [7]. Знание русского языка в таком случае дает больше возможностей для взаимодействия с русскоязычными элитами других стран и непосредственно самой России. Также он открывает возможности для бизнес-сотрудничества.

Язык – важный маркер этнической и национальной принадлежности, он активно используется как фактор строительства национального государства и мобилизации национальной и этнической идентичности [15. С. 39-54]. Такую роль во многом сыграл и русский язык в постсоветском строительстве Российской Федерации и консолидации всех народов России [22. P. 37-55]. Однако если государство для строительства национальной идей выбирает формулу «одна нация – одно государство – один язык», в частности апеллируя к национальному языку и исключая русский язык, это традиционно приводит к серьезным внутренним проблемам и конфликтам. Также Россия воспринимает данные процессы в ближнем зарубежье через призму своих внешнеполитических интересов: соответственно, любые попытки ограничить русский язык или перейти на латиницу воспринимаются негативно – как недружественный шаг со стороны постсоветских стран.

Образование на русском языке в странах бывшего СССР – опыт инструментального подхода. Изучение русского языка, как способ получить свободный доступ к престижным дипломам российских вузов и базам знаний, накопленных советской и российской научной мыслью – один из способов повысить шансы распространения русского языка в странах постсоветского пространства.

Больше всего русский язык изучают в странах СНГ и странах Балтии (7,46 млн. человек по данным на 2018 год), но наблюдается постоянное снижение (для сравнения – в 2005 году русский язык изучали 11,3 млн человек на постсоветском пространстве) (3). Последние тенденции также говорят о недостатке преподавателей русского языка (особенно, в Таджикистане и Кыргызстане), о сокращении часов, выделенных под изучение русского языка и литературы (1). Филиалы российских вузов есть во всех странах постсоветского пространства, кроме Туркменистана. По данным на 2018 год, в них обучалось около 38 тыс. студентов (4).

В странах СНГ, Балтии и Грузии на 2015 год насчитывалось 4236 общеобразовательных государственных и частных учреждений, обучающих на русском языке (по национальным образовательным стандартам). В 2015 году

Таблица 2

Русский язык в системе образования и науки в странах бывшего СССР / Russian language in the system of education and science in countries of former USSR

Страна	Начальное и среднее образование	Высшее образование	Наука
Азербайджан	Есть «русский сектор» – образование на русском языке по желанию.	Двуязычное образование – разрешается использование азербайджанского и русского языка.	Разрешается защита диссертации на русском языке.
Армения	Обязателен для изучения как иностранный язык. Русские школы – при дип-представительствах.	Есть вузы с русским языком обучения.	Защита диссертации разрешена только на армянском языке.
Беларусь	Изучается как второй родной язык.	Можно использовать русский язык наравне с белорусским.	Можно использовать русский язык наравне с белорусским.
Грузия	Русский язык необязателен, количество русских школ сокращается.	Открыты русские секторы в некоторых вузах.	Защита диссертации только на грузинском языке, на другом языке – по особому ходатайству.
Казахстан	Русский язык обязателен к обучению в школе. Более четверти школ – на русском языке обучения.	Двуязычная система, есть вузы с русским языком обучения.	Защита диссертации возможна на русском языке.
Кыргызстан	Русский язык обязателен к изучению, но есть тренд на сокращение часов преподавания. 10% школ с русским языком обучения.	Обучение доступно на русском языке.	Диссертацию можно писать и защищать на русском языке.
Молдова	Русский язык исключен из списка обязательных для изучения. Возможно обучение в русскоязычных школах.	Есть отдельные русскоязычные вузы.	Диссертации можно писать и защищать только на государственном языке, по особому ходатайству – на русском.

Таджикистан	Обязательное изучение русского языка. Не хватает преподавателей. Высокий спрос на обучение на русском языке.	Разрешено использование русского языка.	Диссертации могут быть на русском языке и проходить через аттестацию ВАК РФ.
Туркменистан	Русский язык включен в программу, есть одна русская школа.	На туркменском языке	-
Узбекистан	Обязательное изучение русского языка, двуязычное образование.	Предусмотрено изучение русского языка на начальных курсах, есть русскоязычные группы в вузах и русскоязычные вузы.	Диссертации разрешается писать и защищать на русском языке.
Украина	Допускается параллельное обучение на русском и других языках нацменьшинств. Изучается как второй иностранный (по желанию).	Только на украинском языке.	Диссертации на русском языке не допускаются.

общее число школьников, обучающихся на русском языке в этих странах, составляло 2,83 млн. человек. Всего на русском языке в 2015 году обучалось 12,4 млн. граждан СНГ и стран Балтии и Грузии. Для сравнения – в 90-х гг. XX в. количество обучающихся на русском языке в школах и высших учебных заведениях национальных республик СССР составляло 28,3 млн. человек [2].

Тенденции сокращения интереса к русскому языку связаны со сменой поколений и переориентаций их более на Запад, чем на бывшую столицу СССР – Москву. Также языковая политика России за рубежом, как и в целом политика «мягкой силы», зачастую работает инерционно, на основе накопленного наследия и советской базы сотрудничества – обществ культурной связи за границей и обществ дружбы (трансформировавшихся позднее в Российские центры науки и культуры). Русский язык часто позиционируется как инструмент для поддержания между постсоветскими странами исторических и культурных связей, оставшихся после распада Советского Союза, но не как возможности для развития и карьерного продвижения.

Также серьезным фактором снижения интереса к русскому языку является конкуренция за влияние в регионе с другими странами – свою языковую повестку активно продвигает Турция на основе общего тюркского наследия, и Китай, который таким образом приобщает интересующие его страны к своей культуре, образованию и экономическим проектам.

Угрозы для русского языка и причины снижения употребления языка на пространстве бывшего СССР. Для систематизации среди основных причин снижения употребления языка выделим следующие:

1. Государственная политика местных элит, направленная на вытеснение русского языка.
2. Потеря интереса к изучению русского языка среди населения.
3. Нехватка профессиональных кадров и ресурсов для изучения русского языка.
4. Отсутствие необходимости применять русский язык на бытовом и профессиональном уровне.

Политизация языка и государственная политика, направленная на ограничение употребления русского языка, как мы отмечали выше, связана с поиском национальной идеи, укреплением национальных институтов государств постсоветского пространства и страхом перед усилением российского влияния внутри общества.

Одна из серьезных проблем и устоявшихся тенденций постсоветского пространства – конфликт русского языка с языками титульных наций постсоветских государств. Вследствие усилий, направленных на формирование национальной идеи, русский язык вытесняется из общественно-политической и образовательной жизни. Особое внимание уделяется и «очищению» странового и городского пространства (лингвистического ландшафта) от русскоязычных надписей [20. P. 255].

Также происходит латинизация языкового пространства – латинизация осуществлена уже в Азербайджане, Туркменистане, в Молдове, частично в Узбекистане. Сейчас процесс латинизации запустил Казахстан. Помимо латинизации, страны используют и метод замещения русского языка английским (иногда турецким) [20]. Законы о латинизации государственных языков и ограничении использования языков национальных меньшинств (включая русский), исключение русского языка из перечня обязательных языков для изучения (см. таб. 2) ставят русский язык в уязвимое положение.

Однако сам по себе язык редко может выступать самостоятельной ценностью. Чаще всего это прикладной инструмент, который открывает доступ к другим ценным знаниям и благам. Причины, по которым русский язык могут стремиться изучать в странах постсоветского пространства: получение качественного образования, престижная высокооплачиваемая работа, общение с бизнес-партнерами, неформальное общение с друзьями, доступ к культурным артефактам и другой ценной информации. Русский язык менее полезен для тех, кто хочет вписаться в европейское или азиатское сообщество, в этом случае скорее нужен английский, китайский или турецкий языки.

В связи с этим предположим, что переформатирование русского языка в прикладной инструмент доступа к карьере, образованию и бизнесу может стать фактором, который подтолкнет жителей стран постсоветского пространства к его изучению.

***

Востребованность русского языка на постсоветском пространстве напрямую зависит от необходимости контактировать с русскоязычными гражданами или представителями других стран постсоветского пространства, учебой или работой в других странах СНГ, переездом в Россию, чтением профессиональной и научной литературы на русском языке, приобщением к русской культуре. Чем более активна коммуникация и взаимодействие на гражданском, бытовом уровне с Россией и у жителей стран постсоветского пространства друг с другом, тем крепче будут позиции русского языка в регионе.

Незнание русского языка населением бывшего СССР, в свою очередь, ведет к другому серьезному риску – сокращению сотрудничества между жителями постсоветских стран и ЕАЭС, отсутствием интеграции снизу, и возможному переходу на англоязычную коммуникацию между гражданами постсоветских государств.

Основными стимулами для изучения русского языка могли бы стать экономические, образовательные и карьерные перспективы, которые открывались бы носителям русского языка. Во многих странах постсоветского пространства требуются программы и оборудование не для изучения русского языка с нуля, а для сохранения и повышения существующего уровня владения русским языком – в этом вопросе важно выстраивать адресную политику продвижения.

Как фактор и инструмент продвижения русского языка, важны комфортные условия для обучения – это онлайн-платформы и курсы, мобильные приложения и программное обеспечение для обучения русскому языку, грантовые конкурсы и образовательные программы для русскоязычных, открытие центров, библиотек и мультимедийных классов в местах спроса, а также в онлайн-формате.

Таким образом, русский язык является серьезным фактором внутренней политики и выстраивания национальной идентичности, он же часто становится и причиной внутренних раздоров. Особое значение имеет объединяющий потенциал русского языка на постсоветском пространстве, который можно позитивно задействовать как в рамках интеграционных структур, так и для сохранения канала эффективной коммуникации населения постсоветских стран между собой. Уровень влияния России и понимания ее интенций другими странами в регионе в высокой степени зависит от позиций русского языка и сохранения его как базиса взаимопонимания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Не хватает времени или желания // Российская газета. 11.01.2018 // https://rg.ru/2018/01/11/v-kirgizii-sokrashchaiut-programmu-izucheniia-russkogo-iazyka.html.

(2) Укрепление позиций русского языка // Россотрудничество // http://rs.gov.ru/%20/activities/9.

(3) Число изучающих русский язык в мире упало в 2 раза со времен распада СССР // РБК. 28.11.2019 // http://www.rbc.ru/society/28/11/2019/5ddd18099a79473d0d9b0ab1.

(4) Экспорт российских образовательных услуг // Статистический сборник. Социоцентр. Москва, 2019 // http://sociocenter.info/ru/docs/stat-compilations.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Арефьев А.Л.* Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012.

2. *Арефьев А.Л.* Современное состояние и тенденции распространения русского языка в мире. М.: ИСПИ РАН Экономика и социология науки и образования, 2017.

3. *Арутюнова М.А.* Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1.

4. *Вайшля С.* Латгальский язык как препятствие в строительстве национальной идентичности латышей // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 10 (55).

5. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003.

6. *Джавад О.В.* Языковая политика в образовательной системе Германии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 5 (62).

7. *Емельяненко В.* Победа двуязычия // Русский мир. Июль 2011 // https://rusmir.media/files/numbers/pdf/RM_7-2011.pdf.

8. *Ермакова Э.В.* Национальный язык как источник межнациональных конфликтов и как инструмент их урегулирования (на примере многонациональной Бельгии) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

9. *Киселев С.Г.* Евразия – пространство геополитического и геоцивилизационного противостояния // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).

10. *Косачев К.И.* О политике России на постсоветском пространстве // Россия и мусульманский мир. 2004. № 9.

11. *Краснов Л.Н., Медведев Н.П.* Языковая политика Украины как источник этнополитического сепаратизма // В книге: Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. Коллективная монография. Сер. «Труды научной школы проф. Н.П. Медведева». М., 2019.

12. *Краснов Л.Н.* Этноязыковая политика: некоторые проблемы теории и практики // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 4 (30).

13. *Попов В.В.* Век нынешний и Россия, как самостоятельная цивилизация // Вестник Российской нации. 2019. № 1 (65).

14. *Тория Ж.Н.* Укрепление казахстанской гражданской идентичности: проблема целостности идентичности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 2 (59).

15. *Чимирис Е.С.* Фактор языковой идентичности в украинской политике // Космополис. 2007. № 2 (18).

16. *Fierman W.* Nationalism, nation planning and development in the Soviet Uzbekistan // Unpublished PhD thesis, Harvard University, 1979.

17. *Kreindler I.T.* A Second Missed Opportunity: Russian in Retreat as a Global Language. International Political Science Review // Revue Internationale De Science Politique. 1993. Vol. 14. No. 3.

18. *Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A., Medvedev V.N., Amini A.R.* Ethno-Language Issue as a Source of Separatism and Instability in Ukraine // Journal of Politics and Law. 2019. Т. 12. № 5.

19. *Merrill J.* Our Russian Classrooms and Students: Who Is Choosing Russian, Why, and What Cultural Content Should We Offer Them? // Russian Language Journal/Русский Язык. 2013. Vol. 63.

20. *Pavlenko A.* Language Conflict in Post-Soviet Linguistic Landscapes // Journal of Slavic Linguistics. 2009. Vol. 17. No 1 (2).

21. *Ryazanova-Clarke L.* Russian with an Accent: Globalisation and the Post-Soviet Imaginary. The Russian Language Outside the Nation. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.

22. *Ryazanova-Clarke L.* The State Turning to Language: Power and Identity in Russian Language Policy Today // Russian Language Journal/Русский Язык. 2006. Vol. 56.

V.S. IVANCHENKO
Analyst of the Center for Social and Political Research Institute for Integration Development Research Russian Foreign Trade Academy Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia
E.S. CHIMIRIS
PhD in political sciences, 1st category analyst of the Center for Social and Political Studies, Institute for Integration Development Research Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation, associate professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

RUSSIAN LANGUAGE IN THE POST-SOVIET SPACE AS A POLITICAL FACTOR

The spread of the Russian language in the post-Soviet space has long become a significant factor in politics. Russia uses it as one of the instruments of its "soft power" and political influence in the former republics of the USSR. After the collapse of the Union, most of the new states began to distance themselves from the Russian language, replacing it with the national language or English. In a number of countries, the status of the Russian language is not only undefined, but a ban on its use has been introduced. Although the Russian language still remains an instrument of communication for national minorities and diasporas in the territories of the countries of the former USSR. The new states see a threat to their national identity and national languages in Russia's policy of supporting the Russian language abroad.

In this article, the authors set themselves the task of examining the current situation with the use of the Russian language in the post-Soviet countries. The authors put forward a hypothesis that the refusal to use the Russian language in the post-Soviet countries is associated with its value dominant. Whereas the instrumentalization of language learning leads to an increase in interest in it in Western countries. The data on the use of the Russian language in everyday communication, education and science are analyzed. The authors show that the use of the Russian language also depends on the age and education of the population. At the same time, the Russian language is being studied in Western European countries, and the authors provide data on the reasons why foreigners seek to learn it. The main challenges and threats that the Russian language faces

in the post-Soviet space are identified. As a result, the authors come to the conclusion that Russia should move away from the value interpretation of the use of the Russian language in favor of instrumentalization, and show the benefits and advantages of language as a means of intercultural communication in the post-Soviet space.

Key words: *Russian language, post-Soviet space, Russia, language policy, national identity.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.013
УДК 32.327

М.Р. КУМИНОВА
аспирант факультета глобальных процессов
Московского Государственного Университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ НА ТЕРРИТОРИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ. ОЦЕНКА РОЛИ МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА В ЕГО УРЕГУЛИРОВАНИИ

Задачей статьи является рассмотрение специфики военно-политического конфликта в Боснии и Герцеговине – пост-югославской республике, с наиболее сложным этническим составом населения, и осуществление оценки эффективности деятельности международного сообщества по разрешению данного конфликта. Над подобными исследовательскими задачами работает целый ряд отечественных и зарубежных авторов, в том числе: Б.А. Василенко [1], Е.Ю. Гуськова [2; 3], К.В. Никифоров [6; 7], Е.М. Примаков [8], Н. Анджелич [13], С. Кейл [14], М. Койнова [15], В. Мави [16], С. Орлович [19], П. Дж. О'Хэллоран [18] и др. Выводы: Международное сообщество сыграло неоднозначную роль в развитии боснийского конфликта, в ряде случаев способствовало его «непреднамеренной эскалации» и не смогло предотвратить начало гражданской войны в республике. Однако, в итоге был выбран наиболее приемлемый вариант урегулирования конфликта: создание многонациональной федерации на территории Боснии и Герцеговины, что было закреплено в Дейтонском соглашении. Отечественные и зарубежные эксперты расходятся во мнениях относительно оценки данного соглашения, однако, в современных условиях для Боснии и Герцеговины не существует приемлемой альтернативы многонациональному федерализму как форме государственного устройства. Практическое значение: Результаты исследования, касающиеся опыта федерализации Боснии и Герцеговины, могут быть использованы для выбора оптимальных вариантов урегулирования этнонациональных конфликтов в других странах – при условии скрупулезного учета их национальных особенностей и интересов (например, на Украине). Социальные последствия: Осуществление политического, экономического и культурного взаимодействия с Боснией и Герцеговиной должно строиться на базе ясных представлений об исторических предпосылках, способствовавших формированию нынешнего конституционного устройства страны. Не должно осуществляться ни чрез-

мерное возвеличивание роли Дейтонских институтов в нынешнем развитии Боснии и Герцеговины, ни принижение их значения. Влияние проведенного исследования на политику должно заключаться в формировании объективных представлений о специфике социально-политического развития этой части постъюгославского пространства. Работа может представлять ценность для работников сферы международных отношений, а также для студентов, аспирантов, преподавателей высшей школы, научных работников и иных лиц, интересующихся вопросами балканистики и проблемами международной политики.

Ключевые слова: *Социалистическая Федеративная Республика Югославия (СФРЮ), постъюгославские государства, Босния и Герцеговина, международное сообщество, Дейтонское соглашение, многонациональный федерализм.*

Босния и Герцеговина (БиГ) на момент распада Социалистической Федеративной Республики Югославии (СФРЮ) характеризовалась самыми высокими рисками возникновения конфликтов на этнонациональной почве, поскольку в составе населения этой республики по историческим причинам сформировались три неравные составляющие:

1. Босняки (по принятой в СФРЮ терминологии – «мусульмане»), которые являлись потомками славянского населения, обращенного в ислам во время владычества на Балканах Османской империи, хотя «мусульмане» в СФРЮ могли лично ислам не исповедовать; на их долю приходилось чуть менее половины населения БиГ, однако они позиционировались в республике как «титульная нация» [7. С. 66];

2. Сербы, исповедовавшие православие; они составляли около трети населения БиГ, но для них не было предусмотрено никакой отдельной автономии [7. С. 55];

3. Хорваты, являвшиеся приверженцами католицизма (их доля составляла примерно пятой части от общего числа граждан БиГ); они не являлись в республике самостоятельной силой и «всецело зависели от политики Хорватии» [6. С. 16].

При этом, отношения между сербами и хорватами оставались крайне неприязненными еще со времен Второй мировой войны, когда хорватские ультраправые националисты (усташи) осуществляли геноцид сербского населения на территории Югославии. Такой этнический и конфессиональный состав БиГ стал одной из основополагающих причин того, что вооруженный конфликт в республике оказался самым кровопролитным актом военно-политического противостояния на пост-югославском пространстве, превратившись в войну «всех против всех» [3. С. 219].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [4; 5; 11. С. 188-195; 12; 17. С. 111].

Однако проблему урегулирования вооруженного конфликта на территории Боснии и Герцеговины нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Международное сообщество на протяжении всего развития вооруженного конфликта в БиГ пыталось оказать на него влияние, однако действовало далеко не всегда эффективно. Зачастую международное вмешательство приводило к явлению, которое принято именовать «непреднамеренной эскалацией»: внешнее воздействие приводило к форсированному развитию событий по неблагоприятному сценарию. Тем не менее, итогом усилий международного сообщества все же стало примирение сторон на основе заключения Дейтонского соглашения, хотя и этот процесс зачастую протекал противоречиво и непоследовательно. Рассмотрим, каковы были основные этапы вооруженного конфликта на территории БиГ и дадим оценку той роли, которую сыграло международное сообщество в его урегулировании.

К сожалению, международное сообщество изначально сыграло деструктивную роль в развитии этнонационального конфликта на территории БиГ. Когда в апреле 1992 г. была образована Союзная Республика Югославия (СРЮ) в составе Сербии и Черногории, в мире развернулась широкая кампания по международной изоляции СРЮ, по-прежнему сохранявшей приверженность идеям сохранения единого государства на пост-югославском пространстве. На фоне этого резко усилились националистические тенденции и на территории БиГ, где, с одной стороны, росли антисербские настроения, а, с другой стороны, крепло желание сербов защитить свои национальные интересы.

Но все же, вину за усиление национализма в БиГ нельзя полностью возлагать на политические просчеты ведущих держав Запада и международных организаций. Центробежные тенденции отчетливо проявились в БиГ еще в октябре 1991 г., когда боснийский парламент (Скупштина БиГ) провозгласил независимость республики. Правда, депутаты Скупштина проголосовали также и за то, чтобы войти в состав нового государственного объедения, которое сменит СФРЮ, если в его составе будут и Сербия, и Хорватия. Однако депутаты-сербы бойкотировали это голосование, выразив свой протест против выхода БиГ из состава Югославии и отказа от идей югославизма. И 9 ноября 1991 г. боснийские сербы провели референдум, на котором преобладающая часть проголосовавших высказалась в пользу сохранения Югославии как единого государства.

20 декабря 1991 г. руководство БиГ обратилось к международной общественности с просьбой признать свою независимость. На этом этапе Ев-

ропейский союз (ЕС), который изначально выступил в качестве ведущей международной силы по урегулированию конфликта на Балканах [3], еще пытался добиться перевода ситуации в цивилизованное русло. ЕС дал рекомендацию провести в БиГ (1 марта 1992 г.) референдум относительно дальнейшего развития республики, но боснийские сербы заявили, что участия в таком референдуме не примут – по сути дела, только сыграв на руку тем силам, которые раздували в Европе и мире страх перед «великосербским национализмом». В апреле 1992 г. БиГ была признана и Европейским союзом, и США, и Россией. Однако в новом государстве в качестве «мажоритарной нации» присутствовали босняки, а роль «миноритарных наций» [15] не устраивала ни боснийских сербов, ни хорватов. Так что уже 7 апреля 1992 г. сербы объявили о создании Республики Сербской (РС) Боснии и Герцеговины, а 3 июля 1992 г. хорваты образовали свою республику – Герцег-Босна.

Руководство БиГ во главе с А. Изетбеговичем признало действия сербов и хорватов незаконными, с чем согласился также и ЕС – но, вместе с тем, не предложил никакой эффективной программы действий по урегулированию разногласий между представителями различных этнонациональных групп в БиГ. И, начиная с апреля 1992 г., в республике началась эскалация конфликта.

Из Хорватии в БиГ и ранее направлялись диверсионные отряды спецназа, а с апреля 1992 г. к ним стали присоединяться и части регулярной армии. Кроме того, Хорватия начала на своей территории осуществлять военную подготовку хорватских и мусульманских добровольцев, прибывавших из БиГ. В начале апреля 1992 г. произошло массовое убийство боснийских сербов у Босанского Брода, и сербское население БиГ после этого начало организовывать отряды самообороны. К концу апреля власти СРЮ, которая являлась правопреемницей СФРЮ, потребовали, чтобы территорию БиГ покинули все военнослужащие бывшей Югославской народной армии (ЮНА), не являвшиеся боснийскими гражданами. После этого РС приступила к формированию из частей ЮНА, дислоцированных в БиГ, Войска Республики Сербской (ВРС) под командованием Р. Младича.

На этом этапе международное сообщество проявило уже серьезнейшую обеспокоенность ситуацией на территории БиГ. 15 мая 1992 г. Совет безопасности ООН (СБ ООН) принял Резолюцию № 752, требовавшую, чтобы подразделения ЮНА и части Хорватской армии, которые находятся в БиГ, «были либо выведены, либо переданы под юрисдикцию правительства Боснии и Герцеговины, либо распущены и разоружены, а их вооружение поставлено под эффективный международный контроль» [9. С. 17]. Данная резолюция не была выполнена, однако последствия для «нарушителей» оказались различными. Так, Хорватия, которая продолжала наращивать свое военное присутствие в БиГ, 18 мая 1992 г. была принята в состав ООН. А на СРЮ за поддержку боснийских сербов были наложены экономические

санкции согласно Резолюции СБ ООН № 757 от 18 июня 1992 г., включавшие, среди прочего, запрет на импорт всех товаров и продукции, произведенных в СРЮ [10. С. 20]. И, вследствие очевидной дискриминации сербов, действия ООН в данной ситуации никак не могли способствовать деэскалации конфликта.

27 мая 1992 г. на территории г. Сараево части ЮНА, заблокированные силами территориальной обороны БиГ, были обстреляны из минометов, и в ответ на это ВРС 28 мая обстреляли мусульманские кварталы Сараева. Именно с этого инцидента принято вести отсчет событиям полномасштабной гражданской войны на территории БиГ. При этом, снова, в полной мере проявились двойные стандарты при оценке действий сербов и хорватов в БиГ: мировая общественность полностью возложила вину за обстрел Сараева на боснийских сербов, хотя именно хорваты первыми открыли огонь.

Тем не менее, на начальном этапе конфликта стороны все же пытались урегулировать его собственными силами. Так, в мае 1992 г. Р. Караджич и М. Бобан – лидеры Республики Сербской и хорватской республики Герцег-Босна – договорились между собой о взаимном разграничении территории БиГ. Однако президент БиГ А. Изетбегович не утвердил эту договоренность, поскольку являлся убежденным сторонником создания исламского государственного образования на Балканах [1] и считал, что должен обеспечить сохранение БиГ в качестве единого государства, в котором главенствующая роль принадлежала бы мусульманскому населению. Вследствие этого, республике не удалось избежать трехстороннего военного конфликта – между представителями всех основных этносов.

В результате военных действия к началу 1993 г. около 70% территории БиГ оказалось под контролем ВРС, 20% – под контролем хорватских вооруженных формирований, и лишь около 10% контролировалось мусульманами. Для изменения ситуации в свою пользу А. Изетбегович стал активно привлекать в республику исламских добровольцев из Ирана, Турции, Сирии, Ливана, Пакистана и других стран исламского мира. При этом, в крайне неблаговидном свете, выставили себя представители международных сил, поскольку исламские добровольцы зачастую наносили удары с территории так называемых «зон безопасности», которые находились под охраной миротворческих сил ООН. Существует также мнение, что переброску моджахедов на территорию БиГ осуществляли представители британских спецслужб, так как именно Великобритания обеспечивала присутствие миротворцев ООН в Средней Боснии [1].

В этот же период в боснийский конфликт начало вмешиваться НАТО, и в первую очередь – США. Военно-воздушные силы США доставляли по воздуху грузы в мусульманские города БиГ, окруженные военными ВРС. Кроме того, ВВС США и НАТО на постоянной основе осуществляли

воздушное патрулирование территории БиГ. Такие действия имели более психологическое, чем военно-стратегическое значение, и, очевидно, что их главной целью был подрыв боевого духа сербов – как боснийских, так и проживавших в СРЮ. Сохранялись также введенные согласно Резолюции № 757 СБ ООН экономические санкции в отношении СРЮ. Возможно, именно это и стало одной из причин кардинальных перемен, случившихся во взаимоотношениях между РС и СРЮ в 1994 году.

В марте 1994 г. мусульмане и хорваты БиГ решили объединить усилия для противостояния сербам и создали Мусульманско-Хорватскую Федерацию Боснии и Герцеговины. В результате позиции Республики Сербской сразу же сломились, но в дополнение к этому в августе 1994 г. еще и СРЮ отказалась от поддержки боснийских сербов: перекрыла границу с РС, ввела в отношении нее экономическую блокаду и допустила на свою территорию международных наблюдателей для контроля границы с БиГ. Одни эксперты считают, что С. Милошевич пошел на такие меры в результате международного давления. Другие склонны видеть в этом проявление личных противоречий между С. Милошевичем и Р. Караджичем, из-за которых «Белград стремился к ослаблению Караджича и его авторитета в Боснии и Герцеговине» [3. С. 312]. Но, в любом случае, такие действия руководства СРЮ предопределили разгром ВРС.

В августе 1995 г. армия Хорватии повела наступление против ВРС в БиГ. И одновременно начались авиаудары НАТО по позициям ВРС и населенным пунктам в РС, продолжавшиеся с 30 августа по 10 октября 1995 г. в рамках операции «Обдуманная сила». В результате РС вынуждена была отказаться от дальнейшего сопротивления, и началось согласование условий мирного договора, происходящее в ноябре 1995 г. на военной базе в Дейтоне (США). Соглашение, получившее название Дейтонское, было подписано в Париже 14 декабря 1995 г. президентом БиГ А. Изетбеговичем, президентом СРЮ С. Милошевичем и президентом Хорватии Ф. Туджманом. Одним из ключевых положений Дейтонского соглашения стала федерализация БиГ, которая становилась объединением двух территориальных образований (энтитетов): Федерации Боснии и Герцеговины с преобладающим мусульманским и хорватским населением и Республики Сербской. На этом активная фаза гражданской войны в БиГ завершилась, и все военные аспекты урегулирования конфликта на территории республики перешли в ведение НАТО. Таким образом, Североатлантический альянс обеспечил свое долгосрочное военное присутствие в стратегически значимом для себя регионе [2].

Давая общую оценку роли международного сообщества в урегулировании боснийского конфликта, следует, прежде всего, обратить внимание на то, что реакция мирового общественного мнения на события в БиГ оставалась односторонней на протяжении всей гражданской войны: шла кам-

пания по дискредитации как лидеров Республики Сербской Боснии и Герцеговины, так и представителей СРЮ, которые оказывали им поддержку. Однако в действительности действия всех сторон вооруженного конфликта на территории БиГ являлись практически симметричными. Так, и сербы, и хорваты, и босняки (мусульмане) изгоняли представителей «чужих» этносов из районов их исторического проживания. Осуществлялись этнические чистки, и впервые со времен Второй мировой войны на территории Европы создавались концентрационные лагеря. Итогом трагедии в БиГ стало то, что погибло около 200 тыс. человек, было ранено – более 500 тыс., число беженцев и превысило 3 млн. человек [13].

Кроме того, боснийские события выступили в качестве фактора общей дестабилизации исламского мира, повлияв на дальнейшие события в Ираке, Афганистане, Чечне, Косове, а также на развертывание процессов «Арабской весны» 2011-2012 гг. [15. P. 27]. Международное сообщество, в лице ООН, ЕС, Международной конференции по бывшей Югославии и целого ряда других организаций, не смогло эффективно повлиять на ход событий в БиГ и нивелировать их последствия. «Бурная деятельность» этих организаций приводила только «к разрастанию, расширению и углублению кризиса», а заключенное в итоге Дейтонское соглашение «закрепило возрастание роли фактора силы в урегулировании международных отношений» [3. С. 329].

Но, тем не менее, последующие события показали, что модель федеративного устройства БиГ, созданная на основе Дейтонского соглашения, оказалась достаточно жизнеспособной – невзирая на все ее недостатки. Многонациональный федерализм, который был применен международным сообществом в качестве механизма управления этнонациональным конфликтом в БиГ, обладал двумя основополагающими характеристиками:

1. Действие федерализма в БиГ не являлось исключительной компетенцией международных властей, а представляло собой непрерывный процесс с участием международного сообщества и местных политических элит;

2. Изначально навязанный извне, федерализм в БиГ превратился со временем из инструмента управления конфликтами в современную институциональную форму [14].

Таким образом, международным сообществом была реализована идея, согласно которой постконфликтное мироустроительство при урегулировании этнонациональных конфликтов требует перехода от модели, которая ставит во главу угла национальную и культурную идентичность, к модели с доминированием гражданских институтов [18]. В идеале, такая модель должна обеспечивать равные права всех граждан, независимо от их этнической и религиозной принадлежности. И при подписании Дейтонского соглашения было уделено внимание, в том числе, и этим вопросам. В частности, в рамках мирного договора было принято Соглашение о правах человека, которое предполагало международный мониторинг за соблюдени-

ем на боснийской территории и создание в самой БиГ Палаты по правам человека [16].

Однако пока что нельзя говорить о достижении прочного мира на ни постъюгославской территории в целом, ни на территории БиГ. Так, выход Косова из состава Сербии осложняет непростой мир в Боснии и Герцеговине, где опасаются, что вступит в силу «эффект домино» и произойдет отделение Республики Сербской. Так что, западные дипломаты призывают мировое сообщество «обратить внимание на Боснию», пока там не начался новый виток конфликта [15]. Кроме того, на территории БиГ набирает популярность исламский экстремизм (ваххабизм), «завезенный» в республику радикальными мусульманами в период гражданской войны. И это представляет особую опасность в условиях, когда в мире возрастает угроза исламского терроризма.

Тем не менее, почти 24 года существования боснийских мусульман, сербов и хорватов в условиях примирения показывают, что усилия международного сообщества по урегулированию конфликта в Боснии и Герцеговине в конечном итоге принесли результаты. Война была остановлена, и созданы условия для поддержания устойчивой государственности [19. P. 36]. Действующая форма конституционного устройства БиГ не имеет для республики никакой приемлемой альтернативы и может служить примером тому, что даже непримиримые в прошлом противники способны к мирному сосуществованию при условии обоюдного соблюдения интересов другу друга – хотя бы в ограниченных рамках. И совершенно неприемлемыми в этих условиях являются предложения, которые уже на протяжении десятка лет звучат из уст некоторых политиков БиГ: «слить воедино Республику Сербскую с мусульманско-хорватской федерацией, <…> ликвидировать проявление любой самостоятельности Республики Сербской и практически растворить ее в общем государстве» [8. С. 187].

Опыт по урегулированию ситуации в БиГ может быть применен международным сообществом и при разрешении этнонациональных конфликтов в других странах мира – с учетом их специфики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Василенко Б.А.* Исламский фундаментализм в Боснии и Герцеговине как угроза международной безопасности / Под ред. В.В. Бобылева // В сборнике: Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации. Материалы международной научно-практической конференции X Научно-образовательного форума. 2017.

2. *Гуськова Е.Ю.* Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования. М.: «Индрик», 2013.

3. *Гуськова Е.Ю.* История югославского кризиса (1990-2000). М.: Русское право/Русский национальный фонд, 2001.

4. *Ермакова Э.В.* Национальный язык как источник межнациональных конфликтов и как инструмент их урегулирования (на примере многонациональной Бельгии) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61).

5. *Кирюшина М.А., Курбанов Р.М., Смирнова Е.Б.* Феномен терроризма в Европе в постбиполярный период // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 2 (59).

6. *Никифоров К.В.* Между Кремлем и Республикой Сербской (Боснийский кризис: завершающий этап). М.: Институт славяноведения РАН, 1999.

7. *Никифоров К.В.* Сербия на Балканах. XX век. М.: «Индрик», 2012.

8. *Примаков Е.М.* Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009.

9. Резолюция Совета безопасности ООН № 752 (1992 г.) // https://undocs.org/ru/S/RES/752(1992).

10. Резолюция Совета безопасности ООН № 757 (1992 г.) // https://undocs.org/ru/S/RES/757(1992).

11. *Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

12. Этнополитическая автономия и сепаратизм: российское и мировое измерение. Коллективная монография / Сер. Труды научной школы проф. Н.П. Медведева. М., 2019.

13. *Andjelic N.* Bosnia-Herzegovina. The End of a Tragedy. London: Frank Cass, 2003.

14. *Keil S.* Multinational federalism in Bosnia and Herzegovina / S. Aldridge. Ashgatc. 2013.

15. *Koinova M.* Ethnonationalist Conflict in Postcommunist States: Varieties of Governance in Bulgaria, Macedonia, and Kosovo. Philadelphia: University of Pennsylvania, 2013.

16. *Mavi V.* The Dayton Peace Agreemnet and human rights in Bosnia and Herzegovina // Acta Juridica Hungarica. 2001. Т. 42. № 1-2.

17. *Medvedev N.P., Slizovskiy D.E., Glebov V.A., Medvedev V.N., Amini A.R.* Ethno-Language Issue as a Source of Separatism and Instability in Ukraine// Journal of Politics and Law. 2019. Т. 12. № 5.

18. *O'Halloran P.J.* The role of identity in post-conflict state-building: the case of Bosnia-Herzegovina and the Dayton Agreement // York University (Canada). Degree: Ph.D, 2003.

19. *Orlović S.* Consociational experiments in the Western Balkans: Bosnia and Herzegovina and Macedonia // New Balkan Politics Issue 17, 2015.

M.R. KUMINOVA
Postgraduate student,
Lomonosov Moscow State University,
Faculty of Global Studies,
Moscow, Russia

MILITARY CONFLICT ON THE TERRITORY OF BOSNIA AND HERZEGOVINIA, AND EVALUATION OF THE ROLE OF THE INTERNATIONAL COMMUNITY IN ITS SETTLEMENT

The objective of the article is to examine the specifics of the military-political conflict in Bosnia and Herzegovina – the post-Yugoslav republic with the most complex ethnic composition of the population, and to assess the effectiveness of the international community's work on resolving this conflict. A number of domestic and foreign authors are working on similar research tasks, including: B.A. Vasilenko [1], E.Y. Guskova [2; 3], K.V. Nikiforov [6; 7], E.M. Primakov [8], N. Andjelic [13], S. Keil [14], M. Koinova [15], V. Mavi [16], S. Orlović [19], P.J. O'Halloran [18] and others. Conclusions: The international community played an ambiguous role in the development of the Bosnian conflict, in some cases contributed to its «unintended escalation» and could not prevent the beginning of the civil war in the republic. However, in the end, the most acceptable solution to the conflict was chosen: the creation of a multinational federation in the territory of Bosnia and Herzegovina, which was enshrined in the Dayton Agreement. Domestic and foreign experts disagree on the assessment of this agreement, but in modern conditions for Bosnia and Herzegovina there is no acceptable alternative to multinational federalism as a form of government. Practical value: The results of the study concerning the experience of the federalization of Bosnia and Herzegovina can be used to select the best options for resolving ethnonationalist conflicts in other countries – provided that they carefully consider their national characteristics and interests (for example, in Ukraine). Social consequences: Implementation of political, economic and cultural interaction with Bosnia and Herzegovina should be based on clear ideas about the historical background that contributed to the formation of the current constitutional structure of the country. Neither should the excessive exaltation of the role of the Dayton institutions in the current development of Bosnia and Herzegovina, nor the downgrading of their importance. The impact of the study on politics should be in the formation of objective ideas about the specifics of the socio-political development of this part of the post-Yugoslav space. The work may be of value to workers in the sphere of international relations, as well as to students, graduate students, teachers of

higher education, researchers and other people interested in issues of Balkan studies and problems of international politics.

Key words: *Socialist Federal Republic of Yugoslavia (SFRY), post-Yugoslav states, Bosnia and Herzegovina, the international community, the Dayton Pace Agreement, multinational federalism.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.014
УДК 327.8
А.В. ЧАЕВИЧ
доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры методологии права и
юридической коммуникации Юридического института
Российского университета транспорта (МИИТ),
Россия, г. Москва

РОССИЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В данной статье анализируются основные национальные интересы Российской Федерации в регионе Ближнего Востока, делается акцент на противодействии вызовам и угрозам, исходящим из ближневосточного региона для безопасности нашей страны, исследованы различные факторы, вызывающие нестабильность и конфликтность в этом регионе. Главное внимание концентрируется на ключевых приоритетах в противодействии этим угрозам для нашей безопасности, прежде всего, в противодействии международному терроризму. Рассмотрены экономические интересы России в регионе Ближнего Востока, делается вывод о необходимости интенсификации экономических связей с государствами региона, входящих в сферу национальных интересов Российской Федерации.

Ключевые слова: *Ближний Восток, национальные интересы России, угрозы национальной безопасности, международный терроризм, религиозный радикализм, энергоресурсы, приоритеты обеспечения национальной безопасности.*

Каждое государство имеет свою систему национальных интересов, которые находятся в основе реализации ее внешней политики. Выяснение приоритетов в системе национальных интересов является важнейшей задачей для государства, общества и его граждан. Россия занимает уникальное геополитическое положение, поэтому в силу объективных причин у нее имеются разнообразные интересы во внешнеполитической сфере во многих регионах мира. Российская Федерация в начале XXI в. преодолела политическую неопределенность во внешней политике и начала реализовывать свою стратегию на основе жизненно важных национальных интересов. Важнейшим направлением и приоритетом во внешней политике России стал регион

Ближнего Востока. После распада Советского Союза, Российская Федерация, как его правопреемница, в силу объективных причин не могла играть заметную роль в этом регионе.

В начале XXI в. в ближневосточном регионе произошли заметные изменения, появились новые вызовы и угрозы, и Российская Федерация не могла остаться в стороне, так как ситуация в регионе затрагивала ее национальные интересы. Эта позиция Российской Федерации нашла отражение и в официальном документе, в «Концепции внешней политики Российской Федерации». В данном документе констатировалось, что «Россия продолжит вносить весомый вклад в стабилизацию обстановки в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, поддерживать коллективные усилия, направленные на нейтрализацию угроз, исходящих от международных террористических группировок, проводить последовательный курс на политико-дипломатическое урегулирование конфликтов в государствах этого региона» [6].

Наиболее приоритетной задачей для России в регионе Ближнего Востока стала проблема предотвращения угроз для национальной безопасности, исходящих из данного региона. В конце XX в. США остались единственной супердержавой и фактически стали обладать монополией в реализации своих национальных интересов в различных регионах мира, часто грубо нарушая международно-правовые нормы. Наиболее характерным примером стала военная операция США в марте 2003 г. получившая название «Иракская свобода» (Iraqi Freedom) без санкции ООН, в ходе которой был свергнут режим Саддама Хусейна и началась в этой стране гражданская война [17].

17 марта 2011 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1973, которая дала санкции на военное вмешательство в Ливию под предлогом защиты населения от гибели в результате подавления властями страны вооруженной оппозиции. В ходе проведенной военной операции НАТО существовавший политический режим в Ливии был свергнут, а лидер ливийской Джамахирии Муамар Каддафи 20 октября 2011 г. был убит [3].

В итоге внешнего вмешательства со стороны США и Западных государств, а в последующем и события «арабской весны» привели к радикальным изменениям во всем ближневосточном пространстве. Регион Ближнего Востока стал зоной нестабильности, причиной появления различных радикальных организаций террористической направленности. Реальной угрозой не только для государств Ближнего Востока, но для людей, живущих в самых разных регионах планеты, стала образованная террористическая организация – «Исламское государство (ИГИЛ)» («Исламское государство» признано террористической организацией в соответствии с Постановлением Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ 14-1424С, вступило в силу 13.02.2015.).

На стороне этой террористической группировки воевало 25 тыс. иностранцев из 86 стран мира. По данным ФСБ, Генерального штаба Вооруженных сил РФ в радикальных террористических организациях участвовало также 4 тыс. выходцев из России и 5 тыс. человек из постсоветских государств [13]. Участники террористических организаций представляли реальную угрозу и нашей безопасности, так как они, приобретя опыт боевых действий, жестокости и бесчеловечности к мирным гражданам, которые отличаются от них лишь по признакам вероисповедания, вернувшись обратно в Россию и государства СНГ, станут участниками новых терактов на их территории [16].

Во многом на основе понимания таких угроз Российская Федерация приняла в сентябре 2015 г. решение ответить на просьбу о помощи президента Сирии Башара Асада в борьбе с незаконными формированиями и начать авиаудары по силам боевиков, противостоящим сирийской армии. Президент Российской Федерации В.В. Путин четко определил нашу стратегию в этом регионе, приступая к боевым действиям, емкой фразой «если драка неизбежна, бить надо первым» [12]. Военная операция в Сирии была предпочтительней риску пассивного ожидания, ибо если бы Россия и не стала вмешиваться в ситуацию в Сирии и Ираке, то исламские экстремисты все равно не пощадили бы нас.

Военная операция в Сирии имела еще и геополитический аспект, ибо Россия заявила о возвращении на мировую арену в качестве важного субъекта, с которым вынуждены считаться другие державы во главе с США даже против своего желания.

В результате военных действий международной коалиции государств и Вооруженных Сил РФ ИГИЛ, как террористическая организация, прекратила свое существование, но его идеи и их сторонники никуда не исчезли. Ячейки ИГИЛ, по утверждению спецслужб, действуют практически во всех государствах Европейского союза, а также в Алжире, Ливии, Йемене, Саудовской Аравии, Афганистане, Пакистане, Бангладеш, Нигерии, Индонезии, Малайзии, Брунее, Северном Судане, США, России, Украине, Узбекистане, Таджикистане, Киргизии [8]. Участники ИГИЛ и их сторонники образовали свои подпольные группировки, получившие название «спящие» ячейки, которые не проявляют себя активно до поры до времени, но готовы по команде заняться террористическими акциями. Директор ФСБ России Александр Бортников на заседании Совета безопасности России 22 ноября 2019 г. доложил, что за 6 месяцев текущего года было предотвращено 317 террористических актов и схвачено 149 террористов, из которых 27 ликвидированы при задержании [9].

Еще одной реальной угрозой для национальной безопасности России являются незаконные мигранты. В последнее десятилетие возрастает поток нелегальных мигрантов в Россию из Афганистана, Ирана, Саудовской

Аравии и других государств, которые прошли специальную диверсионно-террористическую подготовку. Отмечая такую тенденцию по нелегальной миграции, заместитель директора Федеральной службы безопасности А. Рощупкин в своем выступлении на парламентских слушаниях в Совете Федерации Федерального Собрания РФ отмечал, что спецслужбы иностранных государств, а также деструктивные силы и иностранные неправительственные организации используют каналы нелегальной миграции для проведения разведывательной и подрывной деятельности. Он заявил, что «нами достоверно установлено, что определенные силы внутри нелегальной миграции ведут подрывную и разведывательную деятельность против России, оседая под видом мигрантов для выполнения подрывной террористической деятельности» [2].

Ближний Восток – это родина трех крупных религий – христианства, иудаизма и ислама. В каждой религии существует еще и большое количество ответвлений, течений, которые широко представлены в ближневосточных странах. Религиозные течения на Ближнем Востоке уже объективно становятся источником противоречий [1].

Реальную угрозу национальной безопасности России представляет радикальный исламизм, основополагающее влияние на идеологию которого оказали такие доктринальные положения ислама, как такфир (обвинение в неверии) и джихад (священная война за веру) [11. С. 11]. Радикальный исламизм выработал свою идеологию, которая пользуется достаточной поддержкой у определенной части мусульманского населения, в том числе и проживающего на территории Российской Федерации, поэтому борьбу с этим течением нельзя сводить только к его военному подавлению.

В государствах ближневосточного региона, прежде всего, Саудовской Аравии, Иране, Турции, Катаре находятся университеты, центры, готовящих проповедников, миссионеров, инструкторов, проповедующих идеи радикального ислама. Они в последующем ведут активную пропаганду этих радикальных идей, как в России, так и в государствах СНГ. Поэтому необходим учет всех граждан, прошедших обучение в зарубежных исламских университетах. Является оправданной практика при назначении на вакантные места исламских священнослужителей, лиц, получивших богословское образование в зарубежных исламских учебных заведениях прохождение переаттестации [4].

Для успешного противостояния радикальному исламизму и его идеологии необходим комплекс мероприятий, включающий в себя как решение социально-экономических проблем, так и пропаганду классического ислама, в частности, разъяснение концепции джихада, где на первое место выдвигается борьба с собственными недостатками, а «священная война» провозглашается только в случае агрессии против ислама.

Ближний Восток является наиболее взрывоопасным регионом планеты, в котором существует потенциал для острых противоречий и конфликтов. Палестино-израильский конфликт, противостояние Израиля с Ираном, разрушение государственности Ирака, вражда Саудовской Аравии с Ираном, территориальная проблема курдов – все это может стать источником напряженности и вовлеченности в их разрешение ключевых государств за пределами этого региона, в том числе и России.

Еще одним вызовов в ближневосточном регионе является проблема нераспространения ядерного оружия. Уже в 1978 г. первая спецсессия ГА ООН по разоружению в Заключительном документе отмечала необходимость создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия. В принятом документе отмечались требования к государствам региона воздержаться от производства, приобретения или обладания в какой-либо форме ядерным оружием и ядерными взрывными устройствами, а также от того, чтобы позволить какой-либо третьей стороне размещать ядерное оружие на своей территории. Вся ядерная деятельность государств региона должна была находиться под гарантиями МАГАТЭ.

Однако Израиль не подписал Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) от 1968 г. Рассекреченные военным ведомством США документы конца 1980-х гг. подтвердили то, что уже было давно известно – наличие у Израиля атомного оружия и фактически негласное признание его ядерной державой. Российская Федерация как официально признанное ядерное государство в соответствии с ДНЯО, выступает за нераспространение оружия массового поражения, за превращение ближневосточного региона в зону, свободную от ОМП.

Регион Ближнего Востока важен для России и с точки зрения экономических интересов. Ближневосточный регион это крупнейший нефтедобывающий регион мира, в котором находится 62% мировых запасов нефти и 40% запасов газа, поэтому их добыча здесь оказывает существенное влияние на мировые цены и на состояние мировой экономики. В первой половине 2020 г. произошло существенное падение цен на энергоресурсы и соответственно нефтегазовые доходы России сократились на 2 трлн. руб. Министр финансов России Антон Силуанов выступая в Совете Федерации, отметил, что «если мы в этом году планировали профицит на уровне 0,8% ВВП, то при действующих ценовых котировках на энергоресурсы мы получим дефицит в пределах 1% ВВП. По нашим оценкам, это будет около 0,9 п.п.» [10].

Регион Ближнего Востока важен с точки зрения экономических интересов для российских компаний и организаций. Для Ирана «Росатом» построил АЭС в Бушере. Есть предложения по строительству в этом государстве аналогичных объектов. Турция и Иордания также заинтересованы в строительстве атомных электростанций. В Ираке продолжает свою деятельность

частная российская нефтяная компания «Лукойл». Россия заинтересована в более тесном взаимодействии с Катаром и Ираном, составляющих костяк Форума стран–экспортеров газа. РФ экспортирует большие партии зерна в Египет. Есть и другие экономические интересы России в ближневосточном регионе.

Традиционно, еще в бытность Советского Союза, государства Ближнего Востока и Северной Африки являлись крупными потребителями его военной продукции. Основными покупателями российского оружия уже длительное время являются такие государства как Алжир, Египет, Иран, Ирак и Сирия. Их доля из поставок вооружения РФ составляет 36%, это второе место после стран Азии, объем которых 42% [14]. Военная операция России в Сирии продемонстрировала высокие тактико-технические достоинства российского оружия. Это является важным фактором укрепления престижа российского вооружения в регионе Ближнего Востока и возможно расширения его покупателей.

Турция, Египет, Израиль и другие страны региона являются наиболее популярными для отдыха российских граждан. В 2017 году Турцию посетили 1,7 млн россиян, а в 2018 г. уже 5,9 млн туристов из России [15]. Для России важно обеспечить безопасность наших граждан, выезжающих на отдых в ближневосточный регион. К сожалению, обеспечить надежную безопасность наших соотечественников принимающие страны полностью не могут. Наиболее печальным примером может служить авиационная катастрофа самолета А321 31 октября 2015 г. над Синайским полуостровом, ставшая самой массовой гибелью граждан России в авиакатастрофе за всю историю мировой авиации [7]. По данным ФСБ РФ, в хвостовой части самолета произошел взрыв самодельного взрывного устройства (СВУ). Ответственность за теракт в первые дни после катастрофы взяло на себя Синайское подразделение террористической группировки «Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ)» [5].

Таким образом, Ближний Восток в силу объективных причин занимает важное место во внешнестратегических приоритетах Российской Федерации. Регион Ближнего Востока характеризуется высокой степенью нестабильности, что представляет реальную опасность для международной безопасности. Политика США в этом регионе создала благодатную почву для расцвета радикального ислама, который характеризуется открытой враждебностью по отношению к другим цивилизациям и культурам и вполне может привести к новым вооруженным конфликтам и военным действиям уже глобального масштаба. Российской Федерации важно противостоять вызовам и угрозам, исходящим из этого региона на дальних рубежах от своих границ. Международный терроризм в ближневосточном регионе стал реальной угрозой и для национальной безопасности России.

Российская Федерация в современных условиях располагает реальным потенциалом для распространения и закрепления своего влияния в ближневосточном регионе для реализации своих национальных интересов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Багдасаров С.А.* Ближний Восток: вечный конфликт. 2016 // https://kartaslov.ru.

2. *Бучаков С.А.* Незаконная международная миграция и угроза терроризма // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16. № 2.

3. Военные операции с участием США в 1991-2018 годах // https://ria.ru/20180414/1518331485.html.

4. Исламизм и национальная безопасность Российской Федерации // http://kvrf.milportal.ru/wp-content/uploads/2015/11/islamizm-i-natsionalnaya-bezopasnost-rossijskoj-federatsii.pdf.

5. Исламисты заявили об ответственности за катастрофу российского лайнера в Египте // https://lenta.ru/news/2015/10/31/egypt1/.

6. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1.

7. Крушение самолета «Шарм-Эль-Шейх-Санкт-Петербург» // https://www.kp.ru/daily/theme/13406/.

8. *Ларина Е., Овчинский В.* Технологии ИГИЛ // Наш современник. 2017. № 11.

9. Малеванный рассказал, как работают «спящие» террористические ячейки // https://riafan.ru/1229228-general-fsb-rasskazal-kak-rabotayut-spyashie-terroristicheskie-yacheiki.

10. Минфин: дефицит бюджета в 2020 году будет в пределах 1% вместо планировавшегося профицита // https://tass.ru/ekonomika/7978871.

11. *Нечитайло Д.А.* Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика. М.: Наука, 2011.

12. Путин: если драка неизбежна, надо бить первым // https://www.ntv.ru/novosti/1554319/.

13. Путин: на стороне боевиков в Сирии воюют 4 тысячи россиян // https://meduza.io/news/2017/02/23/putin-na-storone-boevikov-v-sirii-voyuyut-4-tysyachi-rossiyan.

14. Россия на Ближнем Востоке: задачи, приоритеты, политические стимулы // https://carnegie.ru/2016/04/21/ru-pub-63388.

15. Сколько россиян отдыхают в Турции ежегодно // https://altaoptica.ru/turciya/skolko-rossiyan-otdyxayut-v-turcii-ezhegodno.

16. *Топалов А.* «Исламское государство» превращается в главную угрозу для России // https://www.vz.ru/society/2015/6/25/752581.html.

17. Хроника вторжений США в суверенные государства // http://ipolk.ru/blog/news/12504.html.

A.V. CHAEVICH
Doctor of political science, associate Professor,
Professor of the Department "Methodology of law and
legal communication", Russian University of transport (MIIT),
Law Institute, Moscow, Russia

RUSSIA IN THE MIDDLE EAST: NATIONAL INTERESTS AND THREATS TO NATIONAL SECURITY

This article analyzes the main national interests of the Russian Federation in the Middle East region, focuses on countering the challenges and threats emanating from the middle East region for the security of our country, and examines various factors that cause instability and conflict in this region. The main focus is on key priorities in countering these threats to our security, primarily in countering international terrorism. The article considers Russia's economic interests in the Middle East region and concludes that it is necessary to intensify economic ties with the States of the region that are part of the national interests of the Russian Federation.

Key words: *the middle East, Russia's national interests, threats to national security, international terrorism, religious radicalism, energy resources, national security priorities.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.015
УДК 327.8+616.9
Л.Л. ХОПЕРСКАЯ
доктор политических наук,
профессор кафедры международных отношений
Киргизско-Российского Славянского университета,
Киргизская Республика, г. Бишкек
ORCID:https://orcid.org/0000-0003-2839-4884
Н.Ю. ПШЕНИЧНАЯ
доктор медицинских наук, профессор, зам. директора
по клинико-аналитической работе Центрального
научно-исследовательского института эпидемиологии
Роспотребнадзора, Россия, г. Москва
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2570-711X

КОРОНАВИРУС: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

В статье обосновывается тезис о том, что пандемия COVID-19 задала новые параметры выстраивания миропорядка, выдвинув в качестве основных ценностей современного общества жизнь и здоровье. Если до начала эпидемии основными критериями оценки государств выступали экономическая мощь, военная сила и уровень демократии, то сегодня рейтинг государства в значительной степени определяется способностью противостоять пандемии, т. е. иметь эффективный контроль над распространением COVID-19 в обществе, оказывать пациентам надлежащий объем и уровень медицинской помощи.

Динамика пандемии наглядно демонстрирует утрату Соединенными Штатами Америки статуса глобального лидера и формирование новой системы, включающей четыре группы государств: в ***первую группу*** *входят государства, способные самостоятельно, без внешней помощи обеспечить функционирование национальной системы здравоохранения;* ***вторую группу*** *составляют государства, признающие недостаточность собственных ресурсов в борьбе против распространения коронавирусной инфекции и открыто обращающиеся за помощью к странам, обладающим необходимыми средствами;* ***третья группа*** *– государства, отрицающие опасность пандемии и принципиально отказывающиеся от осуществления каких-либо специальных мер под предлогом сохранения экономики;* ***четвертая группа*** *– государства «западного демократического ядра», декларирующие самодостаточность в борьбе с коронавирусом, но объективно демонстрирующие*

самые высокие показатели заболеваемости и смертности от коронавирусной инфекции.

При этом вместо принципиальной реорганизации национальных систем здравоохранения они сосредоточены на поисках всяческих способов дискредитации опыта Китая и России в борьбе с COVID-19. Наиболее часто используемыми инструментами дискредитации выступают СМИ и НПО, финансируемые крупными международными финансово-промышленными корпорациями.

Ключевые слова: *международные отношения, миропорядок, коронавирус, пандемия COVID-19, системы здравоохранения, контроль над эпидемией, гуманитарная миссия, медицинская помощь, медицинская дипломатия.*

Коронавирус задал новые параметры выстраивания миропорядка. После распада социалистического лагеря и Советского Союза сложился миропорядок, который сотрудники Института национальных стратегических исследований при Пентагоне охарактеризовали как глобальную систему, включающую четыре группы стран, выделенных по критерию уровня демократии и развития рыночной экономики:

– западное демократическое ядро (the Western democratic core);

– государства с переходной экономикой (transition states), к которым относятся Россия, Китай и Индия;

– государства-изгои (rogue states), т.е. «государства-преступники», способные спровоцировать конфликт с США и их союзниками, к ним были отнесены Ирак и Северная Корея, изгоем «на полставки» была объявлена Сербия и в перспективе Иран;

– государства-неудачники, «несостоятельные, проблемные и неуспешные» государства (failing states). В эту группу вошло подавляющее большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки [40].

Обязанность обеспечивать порядок в этой системе приняли на себя США, объявив о своем глобальном лидерстве, под которым «прежде всего, имеются в виду неоспоримая военная мощь и способность ее проекции в глобальном масштабе, доминирование в финансовой и экономической сферах (особенно в сфере инноваций), культурное доминирование и несопоставимые с другими участниками международных отношений возможности в информационной сфере» [13].

Долгое время, несмотря на острую критику, эта концепция оставалась в силе, но в 2016 г. американский политолог Дж. Айкенберри признал, что «сегодня никто не подвергает сомнению тот факт, что богатство и власть смещаются с Севера и Запада на Восток и Юг, и старый мировой порядок, в котором доминировали США и Европа, сменяется новым, где все большую роль играют набирающие силу государства, не принадлежащие к Западу» [1].

Многочисленные дискуссии на дипломатических и международных экспертных площадках были посвящены принципам нового мироустройства. Фактически, они являлись столкновением мнений о том, какие ценности должны лежать в основе современного общества – традиционные (семейные и религиозные) или постмодернистские либерально-демократические (приоритет прав меньшинств, ЛГБТ, трансгендеров, пропаганда однополых браков, религиозных сект и культов).

Но в 2020 г. пандемия COVID-19, оказав глубочайшее влияние на экономические, политические и культурные аспекты жизни населения всего мира, дала ответ на этот вопрос, выдвинув в качестве основных ценности ***жизни и здоровья*** и тем самым задав новые параметры выстраивания миропорядка.

Следует отметить, что на первом этапе развития пандемии здравоохранение подавляющего большинства стран оказалось не готово к быстрому росту числа больных с вирусной пневмонией. Социально уязвимые группы населения не обращались своевременно, в том числе и по материальным причинам, за медицинской помощью. К моменту объявления ВОЗ о пандемии COVID-19, состоявшегося 11 марта 2020 г. [42], в мире уже было зарегистрировано более 150 000 случаев COVID-19 на территории 210 стран.

Но на втором этапе различные страны проявили разное отношение к эпидемии, в том числе и к регистрации случаев, а также применили отличающиеся подходы к противостоянию COVID-19. В зависимости от этого сегодня ***государства можно классифицировать по критерию способности противостоять пандемии***, т. е. эффективно контролировать распространение инфекции в обществе, обеспечивать своих граждан надлежащим объемом и уровнем медицинской помощи.

Контроль над эпидемией – приоритет государственной политики. В первую группу входят государства, способные самостоятельно, без внешней помощи обеспечить функционирование национальных систем здравоохранения. При этом практика показала, что ни уровень демократии, ни экономический потенциал, ни военная мощь не являются определяющими в достижении этой цели. В то же время существенными факторами являются «оказание взаимопомощи и углубление кооперации в области медицины и разработки диагностических тестов и лекарственных препаратов» [14], «координация в деле противодействия распространению коронавирусной инфекции» [15], «взаимодействие профильных служб ШОС, ответственных за обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия» [11]. Для характеристики стратегии противодействия пандемии государств этой группы целесообразно обратиться к опыту Китая и России.

В Китае в начале января 2020 г. эпидемия стала быстро набирать обороты, распространившись на все провинции республики и за ее пределы, достигнув максимума 4 февраля, когда в течение только одних суток ди-

агноз был подтвержден у 3884 человек. 20 января новая коронавирусная инфекция была включена в обязательный отчет об инфекционных заболеваниях, которые могут являть собой чрезвычайную ситуацию в системе охраны здоровья в международном масштабе, и карантинных инфекционных заболеваниях пограничного уровня, в результате чего COVID-19 начал подвергаться мониторингу и карантину на транспортных узлах [29]. Это ознаменовало переход от первоначального частичного контроля к всестороннему принятию различных мер контроля в соответствии с законом. 23 января 2020 г. правительство КНР ввело строгие меры социального дистанцирования и ограничения движения сначала в Ухане, откуда началась эпидемия COVID-19, переросшая впоследствии в пандемию, а затем и в других регионах. Протоколы по диагностике и лечению, а также по профилактике и контролю над эпидемией были улучшены, а медицинские ресурсы, включая коечный фонд, медикаменты и средства индивидуальной защиты, усилены. Принятые меры практически незамедлительно сказались на эпидемической кривой, которая пошла вниз уже с начала февраля 2020 г.

На заключительном этапе мероприятия были сосредоточены на сокращении числа кластеров инфекции, достижении баланса между профилактикой и контролем эпидемии, включая тщательное, в том числе цифровое, отслеживание контактов, и устойчивым экономическим и социальным развитием, с единым командованием, высококвалифицированным руководством и реализацией политики, основанной на научных данных, а также мощной поддержкой общественных организаций, включая волонтерское движение. Подход, основанный на оценке риска, был принят с дифференцированными мерами профилактики и контроля для разных регионов. Все последовательно принятые меры в итоге позволили КНР 25 марта снять национальный карантин и практически через 2,5 месяца ликвидировать эпидемию.

Еще один пример сдерживания распространения эпидемии продемонстрировала Россия, которая полностью не закрывала границы ни с одной страной мира, в том числе с Китаем, вплоть до 27 марта. С конца января проводилось тестирование и тщательный мониторинг на протяжении инкубационного периода всех прибывающих из стран, где были зарегистрированы случаи локальной трансмиссии вируса. Это позволило нарастить мощности больниц, включая реанимационные койки, провести перепрофилирование стационаров и развертывание COVID-19-госпиталей, построить новые больницы из быстро возводимых конструкций, обучить медицинский персонал, разработать тест-системы и нарастить объемы их производства, начать разработку вакцин. Были введены ограничения на передвижения пожилых людей за пределами места проживания и обеспечена их социальная поддержка. После начала выявления случаев локальной передачи вируса с 16 марта во всех регионах страны стали вводиться ограничительные, а после регистрации роста таких случаев с 30 марта карантинные меры по всей

стране. Это позволило предотвратить лавинообразный рост заболеваемости, в значительной мере снизив нагрузку на здравоохранение. Лишь 11 мая 2020 г., спустя более 2,5 инкубационных периодов с момента регистрации первой тысячи больных с COVID-19, страна вышла на пиковое значение по заболеваемости, при этом летальность составила 0,9% (1).

Самодостаточные в борьбе с COVID-19 государства (Китай и Россия) использовали и продолжают использовать следующие ресурсы:

– создание оперативных национального и региональных штабов в первые дни эпидемии и координация действий министерств и ведомств, вовлеченных в работу по ликвидации эпидемии COVID-19: **в Китае** – Министерства здравоохранения, Центра по контролю за заболеваемостью, Министерства науки и технологий, Министерства лесного хозяйства и природных ресурсов, Министерства внутренних дел, Министерства транспорта и связи и других министерств и ведомств, участвующих в работе по ликвидации эпидемии; **в России** – Министерства здравоохранения, Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзора), Министерства науки и высшего образования, Министерства природных ресурсов и экологии, Министерства внутренних дел, Министерства по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС), Министерства транспорта и связи, Министерства промышленности и торговли;

– введение ограничительных мер с одновременной перезагрузкой всей системы здравоохранения: бесплатное оказание медицинской помощи пациентам с COVID-19 и обеспечение строжайших мер инфекционного контроля, многоуровневое отслеживание контактов с помощью IT-технологий, многократное наращивание мощности госпиталей, увеличение производства диагностических тест-систем и объемов тестирования, разработка и производство лекарственных препаратов и вакцин;

– обеспечение совместными усилиями министерств, средств массовой информации, социальных сетей и волонтерских движений беспрецедентной социальной мобилизации населения.

Обращение за помощью – условие противодействия пандемии. Вторую группу составляют государства, признающие недостаточность собственных ресурсов и открыто обращающиеся за помощью в борьбе против распространения коронавирусной инфекции к странам, обладающим необходимыми средствами. Отметим, что и в данном случае выработанные США критерии оценки государств и их принадлежность к «незападной стратегической идентичности» не оказали никакого влияния на решение обратиться к ним за помощью.

Так, руководство Италии в связи с крайне тяжелой эпидемиологической обстановкой (8 марта Италия вышла на первое место в мире по смертности зараженных коронавирусом) 11 марта обратилось с просьбой о помощи

к председателю КНР Си Цзиньпину, а 21 марта – к президенту России В. Путину. 12 марта Китай направил группу из девяти человек, а также 30 тонн необходимых медицинских и защитных материалов, 22 марта ВКС России доставили в Италию восемь мобильных бригад российских военных медиков и около ста дезинфектологов, автомобильные комплексы аэрозольной дезинфекции транспорта и территории, а также медицинское оборудование.

С аналогичными просьбами о направлении гуманитарных миссий в целях противодействия распространению коронавирусной инфекции к России обратились президенты Сербии, Республики Сербской (Босния и Герцеговина), Казахстана, Киргизии, Армении, Азербайджана, Узбекистана, Ливана, Абхазии, Таджикистана, Молдавии.

За период пандемии Россия передала тест-системы и реагенты для проведения более миллиона определений в 33 страны всех регионов мира, в числе которых Иран, Туркмения, Вьетнам, Конго, Гвинея, Непал, Коста-Рика, Никарагуа, Палестина, Афганистан, Куба, Лаос, Доминика, Ливан, Сербия, Венесуэла, Египет, ЮАР. Но бóльшая часть направлена в страны ЕАЭС и СНГ на безвозмездной основе. Аппараты для проведения тестирования были направлены в Донецкую и Луганскую народные республики [17].

На платной основе российские тест-системы поставляются в Турцию, Грузию, Украину, Австрию, Бангладеш, Болгарию, Бразилию, Венгрию, Германию, Индию, Италию и Объединенные Арабские Эмираты. На рассмотрении находятся заявки на оказание поддержки от целого ряда стран Африки и Ближнего Востока, в том числе Йемена, Алжира, Египта, Катара, Кувейта, Ливана, Ливии, Мавритании, Марокко, Палестины, Сирии, Судана и Туниса [5].

Китай выделил 2 млрд долларов на помощь пострадавшим от коронавируса странам. С начала пандемии для борьбы с коронавирусом он предоставил гуманитарную помощь более чем 140 международным организациям и государствам, направил группы медиков в десятки стран и провел свыше 70 видеоконференций экспертов со 150 государствами и международными организациями [2]. Важность китайской помощи подчеркивали официальные лица обратившихся к Китаю стран – президент Сербии А. Вучич, премьер-министр Чехии А. Бабиш и министр иностранных дел Италии Л. Ди Майо.

Оказываемую Россией и Китаем помощь в форме гуманитарных миссий, поставок тест-систем и медицинского оборудования, проведения специализированных онлайн-консультаций государства второй группы рассматривают как элемент трансформации и модернизации национальных систем здравоохранения с целью адекватного и эффективного противостояния распространению пандемии COVID-19.

Экономика прежде всего. **Третья группа –** *государства, отрицающие опасность пандемии и принципиально отказывающиеся от осуществления*

каких-либо специальных ограничительных мер под предлогом защиты своей экономики. Однако смертность их граждан находится на высоком и среднем уровне. Главный эпидемиолог Швеции А. Тегнелл признал, что выбранная стратегия привела к высокому числу жертв [18] (смертность в конце апреля достигала 12%). Более того, Швеция, которая не останавливала экономику, пострадала из-за закрытия границ в связи с зависимостью собственной экономики от производства в других странах.

В Белоруссии с начала распространения коронавирусной инфекции также не вводилось чрезвычайное положение. Страна продолжила жить без карантина, но с соблюдением ряда профилактических мер. 2 июля президент Белоруссии А. Лукашенко заявил, что республике удалось выстоять и победить COVID-19 [6], тем не менее, рост числа жертв SARS-CoV2 в республике продолжился (на 2.07.2020 – 412 чел., на 26.08.2020 – 652 чел.), на 26.08.2020 смертность составляла 0,93%.

По официальным данным правительства Туркменистана, подтвержденные случаи заражения коронавирусом в республике отсутствуют. В конце марта журналистам запретили употреблять слово «коронавирус» в публикациях, его исключили из специальной брошюры, которую Министерство здравоохранения республики рассылало в учебные заведения, больницы и на рабочие места [16]. Однако в середине июля Консультативно-техническая миссия ВОЗ выразила обеспокоенность информацией о росте случаев заболевания пневмонией в Туркменистане и рекомендовала «принять те же ключевые меры, которые необходимо было бы принять в случае циркуляции COVID-19: это выявление людей с острыми респираторными инфекциями, их своевременная изоляция и тестирование, отслеживание их контактов и лечение больных» [19].

Накануне прибытия миссии ВОЗ в Туркменистан там был введен масочный режим, ограничено автобусное и железнодорожное сообщение, создана общенациональная многосекторальная рабочая группа по COVID-19, утвержден план готовности и реагирования в связи с новой коронавирусной инфекцией и подготовлено руководство по профилактике, диагностике и лечению этого вируса.

Обобщение опыта государств, которые проводят стратегию, основанную на том, что «чудовищные экономические последствия карантина намного превосходят условный выигрыш в медицинском плане», показало, что данная стратегия себя не оправдала. Этот вывод имеет особое значение в контексте распространения в отдельных СМИ и соцсетях информации о том, что ВОЗ якобы «призывает правительства государств больше не вводить карантин в связи с пандемией коронавируса при второй и всех последующих волнах COVID-19» [9]. Напротив, как отмечает сайт STOPFAKE, «ВОЗ по-прежнему подчеркивает, насколько важным является соблюдение всех рекомендуемых мер безопасности для нераспространения SARS-CoV-2, в том числе карантина и самоизоляции» [7].

Борьба с эпидемией как инструмент политики. **Четвертая группа –** *государства, декларирующие самодостаточность в борьбе с коронавирусом, но объективно демонстрирующие самые высокие показатели заболеваемости и смертности от коронавирусной инфекции, прежде всего США (по данным на 26.08.2020, США является мировым лидером по заболеваемости – 5 956 036 чел., летальность – 3,07%).*

Для политических и бизнес-элит США противодействие пандемии коронавируса выступает одним из инструментов внутриполитической борьбы, выражения внешнеполитических амбиций и сохранения стремительно ухудшающегося геополитического статуса. Исследователи из Университета Сиэтла (штат Вашингтон) показали, что в США определяющим фактором введения ограничительных мер с целью нераспространения или снижения темпов распространения COVID-19 является политическая принадлежность губернатора штата: губернаторы-республиканцы на начальном этапе эпидемии в среднем на 2,7 дня позже вводили в своих штатах ограничительные меры, что непосредственно влияло на число зараженных [21]. Очевидно, что этот факт будет активно использоваться в качестве аргумента в предвыборной гонке за президентский пост в США.

О том, что высшее руководство страны и его оппоненты не собираются решать проблемы по организации «комплексного реагирования и смягчать influenza-pandemic в целях спасения американских жизней», свидетельствуют выводы и рекомендации Министерства здравоохранения США, сделанные по результатам состоявшихся в 2019 г. учений «Багровая инфекция» (Crimson Contagion) [25]. Основными недостатками в отчете названы законодательная неопределенность ролей и обязанностей и плохая координация действий федеральных и местных органов власти, Департамента здравоохранения и Федерального агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях; проблемы с запросом и распределением ресурсов; низкий объем тестирования и проблемы со специфичностью тест-систем в первый месяц после начала активной циркуляции вируса на территории страны; нехватка медицинских и вспомогательных средств; разная степень разработки и внедрения антикризисных стандартов помощи, вплоть до отсутствия стандартов [25].

Сходная ситуация – о чем свидетельствует статистика – наблюдается и в других странах «западного демократического ядра», где летальность на 26 августа 2020 г. составляла: в Великобритании – 14,25%, в Италии – 13,58%, во Франции – 12,5%, в Бельгии – 12,13%, в Венгрии – 11,78%, в Нидерландах – 9,19%. Причем попытки руководства таких стран, как Италия или Венгрия, принять чрезвычайные меры для защиты своих граждан от распространения пандемии встречают активное сопротивление не только со стороны внутренней оппозиции и некоторых неправительственных (при этом зависящих от крупных корпораций) организаций [30], но и бюрократов из Евросоюза. Так, президент Европейского парламента Д. Сассоли

заявил, что «никому нельзя позволить использовать эту пандемию для подрыва наших свобод» [39].

Почему и как Запад дискредитирует гуманитарные миссии. Вместо принципиальной реорганизации национальных систем здравоохранения либеральные демократы западных стран сосредоточены на поисках всяческих способов дискредитации опыта Китая и России в борьбе с COVID-19.

В пропагандистской кампании с обвинениями Китая в распространении инфекции коронавируса и использовании китайской помощи другим странам в период пандемии как элемента информационно-политического наступления Китая на Запад тон задают США [12]. Так, в начале мая на рассмотрение конгресса США был внесен законопроект о санкциях против КНР под названием «Об ответственности за COVID-19». США также обвинили Китай в попытках украсть американские разработки вакцины против коронавируса. Президент США Д. Трамп каждый раз, говоря о коронавирусе, называет его либо «китайским», либо «уханьским».

В очернении России особой активностью отличается Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (East StratCom Task Force), созданная в 2015 г. Европейской службой внешнеполитической деятельности на основании принятого Европейским союзом решения о необходимости «противостоять продолжающимся дезинформационным кампаниям со стороны России» [27].

East StratCom создан специальный сайт Eu vs Disinformation, где отдельные публикации, размещенные в международном информационном пространстве, определяются как «обеспечивающие частичное, искаженное или ложное изображение действительности и распространяющие ключевые прокремлевские сообщения» [28]. К ним отнесены публикации, в которых рассматривается и положительно оценивается роль помощи России в первую очередь Италии, а также другим странам в борьбе с коронавирусом. В частности, дезинформацией считается фиксация фактов, правда, резюмированная в стиле East StratCom: «ЕС не поддержал Италию. На севере уезда просто ужасная ситуация, люди умирали, не получая никакой помощи. Здесь мы видим благородные поступки Президента России, приславшего военных врачей, вирусологов, огромное количество медицинского оборудования, аппаратов ИВЛ. Глобальная эпидемия показала необходимость международного сотрудничества, и Россия оказала гуманитарную помощь наиболее страдающим странам» [26]. В «опровержении» тоже представлены факты: о программе помощи Италии со стороны Еврокомиссии, об инвестиционной инициативе Европейского союза и программе покупки активов Европейского центрального банка, о приеме итальянских больных немецкими больницами. Только вот российская помощь поступила 22 марта, а европейская значительно позже.

С нашей точки зрения, настоящей дезинформацией стала кампания, развернутая итальянским медиа-конгломератом GEDI Gruppo Editoriale SpA в своих печатных и интернет-изданиях la Repubblica и la Stampa против российской гуманитарной акции на севере Италии.

La Stampa через три дня после прибытия российской миссии 25 марта 2020 г. заявила, что 80% поставленной в Италию из России техники якобы не помогут в борьбе с коронавирусом, и что Москва, оказывая помощь Италии, «удовлетворяет свои политические амбиции» [24], что расквартирование российских военных в гостевом доме итальянской армии вызывает опасения российской «оккупации» Италии [33].

La Repubblica 28 апреля отметила, что «правительство намерено не продлевать экспедицию, которую использует путинская пропаганда против ЕС и НАТО. В регионах отрицают, что просили помощи у солдат из Москвы» [37]. 6 мая она подвела итог: «…присутствие российской бригады, спонсируемой российской пропагандой, вызвало немало недоумений» [34].

В то же время другие издания сообщили, что президент региона Ломбардия А. Фонтана «на церемонии прощания поблагодарил российскую делегацию: “Спасибо врачам, медсестрам, дезинфицирующим средствам, всем людям, которые были частью этой бригады. Вы прибыли в один из самых сложных моментов в истории последних 80 лет нашего региона и города Бергамо в частности”» [23], что министр обороны Италии Л. Герини позвонил министру обороны России С. Шойгу, чтобы поблагодарить его за своевременную и эффективную поддержку, оказанную Италии с первых недель кризиса, в частности, за «профессиональную работу 8 российских медицинских бригад, работающих в полевом госпитале Бергамо, одном из мест, наиболее пострадавших от пандемии. Поблагодарить за восстановительные мероприятия, проводимые Вашей командой вместе с нашими военными из седьмого полка ядерной, биологической и химической защиты “Кремона”, которые получили искреннюю признательность местных жителей провинций Бергамо и Брешиа» [38].

В интервью BBC News глава правительства Италии Дж. Конте назвал оскорбительными намеки на политическую подоплеку российской помощи Италии, заявив: «Меня глубоко обижает эта самая настоящая инсинуация. Это оскорбление в адрес итальянского правительства, а также в адрес (президента России) Владимира Путина, который никогда не помышлял использовать это (помощь) в качестве рычага» [41]. Журналист К. Мейер возмутился тем, что «русские солдаты, которые 75 лет спустя снова пожертвовали своей жизнью, чтобы спасти нас от COVID-19, атакованы ложью» [36].

Чтобы понять причину таких противоположных оценок российской помощи, следует учесть, что GEDI Gruppo, курирующая национальные газеты la Repubblica и la Stampa, а также местные периодические издания на севере Италии, ряд радиостанций и телеканалов, находится под управлением

холдинга CIR Group (Compagnie Industriali Riunite), который одновременно контролирует компанию KOS, работающую в сфере социального здравоохранения и оказания медицинских услуг и являющуюся ведущим оператором частных пансионатов для престарелых в Италии [35].

В Италии в подчинении KOS находятся 53 дома престарелых, 16 реабилитационных центров, 13 психиатрических лечебниц и 7 психиатрических клиник и 2 больницы всего на 8700 коек [31]. Именно там работали российские военные медики и дезинфектологи, не только выполнив свои прямые обязанности, но и оказав непосредственное влияние на репутацию KOS, а следовательно, на репутацию промышленного холдинга CIR Group, который в первой половине 2020 г. понес «убыток в размере 30,4 млн евро после прибыли в 1,6 млн евро в первой половине 2019 г.» [22].

Казалось бы, дальнейшие комментарии излишни, но журнал Strade, позиционирующий желание «внести свой вклад в распространение принципов рациональности, здравого смысла и индивидуальной свободы, противостоящих страху, безразличию и корпоративным интересам» [20], в аналитической статье «”Из России с любовью”. Гибридная война и стратегия хаоса на COVID-19» утверждает, что российские медики прибыли «для проведения разведывательных и пропагандистских операций, замаскированных под меры по оказанию медицинской и/или гуманитарной помощи» [32].

Российская гуманитарная миссия в Киргизской Республике. Стремление дискредитировать Россию так велико, что западные СМИ не ограничиваются только «своей» аудиторией, а активно продвигают антироссийские установки и на территории постсоветских государств, которым Россия и ее союзники оказывают гуманитарную помощь. Один из ярких примеров – Киргизская Республика. На помощь этому государству, оказавшемуся в трудной ситуации летом 2020 г., пришли Россия, КНР, Казахстан и Узбекистан, которые прислали специалистов, средства индивидуальной защиты, препараты, аппараты ИВЛ, диагностические тест-системы.

Дело в том, что в Киргизии с 22 марта по 10 мая действовал режим чрезвычайной ситуации (с 25 марта – чрезвычайного положения), введенный в связи с COVID-19. Режим ЧП в стране был отменен 11 мая, что повлекло после некоторого периода затишья на фоне низкого охвата тестированием отсроченный рост официальной заболеваемости, который резко пошел в гору после митинга, состоявшегося в Бишкеке 29 июня.

Это побудило президента КР С. Жээнбекова 3 июля 2020 г. обратиться за помощью к президенту России В. Путину. В рамках оказания гуманитарной помощи 23 июля в республику прибыла группа медиков из России, в состав которой вошли врачи-хирурги, кардиологи, терапевты, педиатры, анестезиологи-реаниматологи, инфекционисты, специалисты с опытом диагностики и лечения COVID-19.

Спецборт МЧС РФ доставил: 5 рентгенографических аппаратов, 65 мониторов для анестезиологии и интенсивной терапии с оксометрическим датчиком, 5 мониторов для анестезиологии и интенсивной терапии без оксометрического датчика, 31 аппарат искусственной вентиляции легких, 100 тыс. медицинских масок, препараты «Эноксапарин натрия» и «Олокизумаб». Киргизия также получила в рамках военно-технической помощи между двумя странами противогазы, защитные костюмы различных модификаций, средства РХБ-защиты и метеокомплекты на 4,9 млн сомов. Ранее Россия неоднократно бесплатно предоставляла крупные партии ПЦР-тестов и реагентов для диагностирования коронавируса, медицинское оборудование (инфракрасные термометры, термодетекторы и др.), средства индивидуальной защиты.

В течение месяца российские медики работали в «красных зонах» больниц во всех областях КР, помимо этого программа их пребывания включала обучение врачей соблюдению правил биологической защиты и противоэпидемического режима, участие в совещаниях по стабилизации эпидемиологической ситуации в стране, предложение рекомендаций по внесению изменений в клинические протоколы лечения больных. При этом Минздрав КР «абсолютно самостоятельно определялся и с протоколами, и с клиническими рекомендациями, и всем остальным» [3].

По завершении гуманитарной миссии 15 августа благодарность российским врачам выразили президент КР, депутаты Жогорку Кенеша, представители правительства КР, а также гражданские активисты.

Однако на сайте радио «Азаттык» – киргизской службе медиакорпорации «Радио Свободная Европа/Радио Свобода» (РСЕ/РС), миссия которой «состоит в продвижении демократических ценностей и институтов, а также прав человека путем освещения и распространения новостей в странах, где свободная пресса запрещена властями или еще не укоренилась» [10], появилась статья, центральная идея которой – в условиях коронавируса «граждане вынуждены защищать кыргызскую государственность» [4]. Для поддержки своей позиции ее автор обращается к ссылкам на уже упоминавшуюся la Stampa, которая, по его мнению, «опубликовала впечатляющие факты, свидетельствующие о том, насколько полезна была для Италии широко разрекламированная иностранная помощь одной из постсоветских стран, что эта помощь из себя представляла и какие преследовала цели».

Формами покушения на суверенное государство автор считает «бездумное вхождение Кыргызстана в Евразийский экономический союз в 2015 году», просьбу властей КР о помощи, а также давление, якобы оказываемое Россией на Министерство здравоохранения КР, с целью приобретения непроверенных препаратов, в частности препарата «Авифавир» в качестве лекарства от коронавируса.

Примечательно, что других статей г-на М. Исмаилова обнаружить не удалось, но его ссылка на группу в «Фейсбуке», где сформулирован «важнейший принцип любой внешней помощи – помогать надо на условиях реципиента», позволяет предположить связь этого автора с экспертом по доказательной медицине Б. Барыктабасовой, на странице которой в «Фейсбуке» в очень некорректной форме обсуждаются те же сюжеты [44]. Используемая ею терминология говорит об уровне дискуссии и степени доказательности ее аргументов («фуфлоферoны и фуфломицины российского производства», «арбидольские огни» и т.п.).

В «Фейсбуке» на странице группы «За развитый и многонациональный Кыргызстан» было отмечено, что некоторые представители НПО-сектора начали полномасштабную кампанию против помощи России в борьбе с коронавирусной инфекцией в Киргизской Республике, со ссылкой на посты Б. Барыктабасовой [45] и Г. Джурабаевой [46]. Эти сторонницы доказательной медицины направляют все свои усилия, чтобы не допустить на фармацевтический рынок Киргизии российские препараты, которые они считают бесполезными или, того хуже, опасными. Так «доказательная медицина превращается в маркетинговый инструмент» [8] и инструмент антироссийской пропаганды.

Выводы. Пандемия реально показала, кто есть кто в борьбе с коронавирусом. Страны, не входящие в список первых 50-ти государств по доходу на душу населения – Россия и Китай (по данным Всемирного банка), смогли не только самостоятельно дать отпор пандемии, но и активно помогать другим государствам, стоящим как выше, так и ниже их по уровню дохода. Этому способствовало беспрецедентное взаимодействие всех министерств и ведомств государства и общества в целом. Другие страны с более высоким уровнем дохода терпели бедствие самостоятельно, не обращая внимания на колоссальную перегрузку системы здравоохранения (США, Испания). Италия же, не обращая внимания на «табель о рангах», активно попросила помощи извне, что, возможно, позволило избежать дополнительных человеческих жертв и успешно справиться с эпидемией.

Еще ряд стран старался эпидемию игнорировать, что опять же не позволило предотвратить рост заболеваемости и человеческих жертв, спад экономики, и неизвестно, сколько случаев заболевания остались нераспознанными с учетом такого отношения к COVID-19.

Группа стран с заведомо более низкими ресурсами (Таджикистан, Киргизия) открыто попросила помощи у России, Китая, других стран, что позволило улучшить ситуацию с заболеваемостью COVID-19, нарастить объемы и качество тестирования и оказания медицинской помощи.

Причины попыток дискредитировать российских медиков прозападными СМИ и «лидерами общественного мнения» понятны, особенно в контексте принятия новой редакции Конституции РФ в июле 2020 г., закрепившей

традиционные для народа России, а не либеральные ценности. С нашей точки зрения, это подтолкнуло разные страны отказаться от объяснения мироустройства в терминах концепции «центров силы» и перейти к терминам концепции «центров притяжения», которыми стали государства, способные самостоятельно, без внешней помощи обеспечить функционирование национальных систем здравоохранения и более эффективно, чем «центры силы», сохранять жизнь и здоровье своих граждан.

В настоящий момент все государства должны извлечь уроки из первой волны пандемии COVID-19, чтобы быть максимально готовыми к предполагаемой второй волне, а также будущим угрозам со стороны эмерджентных респираторных инфекций с пандемическим потенциалом.

Но не менее важно учитывать политическое и внешнеполитическое измерение коронавируса, который перестраивает миропорядок на новых ценностных основаниях, делает врачей новыми акторами международных отношений и заставляет задуматься о разработке новой научно-практической дисциплины – медицинской дипломатии.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Здесь и далее статистические данные о случаях заражения коронавирусом и летальности (мировая статистика случаев заражения коронавирусом) взяты с сайта «Coronavirus (COVID-19)» [43].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Айкенберри Дж.* Будущее либерального мирового порядка. РСМД (9 августа 2016) // http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/

2. *Байназаров Э.* Грусть ответственности: Китай направил антивирусную помощь 140 странам (11 мая 2020) // https://iz.ru/1009034

3. *Бенгард А.* Российские медики о героизме кыргызстанских коллег в борьбе с коронавирусом (31 июля 2020) // https://24.kg/obschestvo/161278

4. *Исмаилов М.* Граждане вынуждены защищать кыргызскую государственность (7 августа 2020) // https://rus.azattyk.org/a/30771201.html

5. Как Россия помогает другим странам в борьбе с COVID (16 июля 2020) // https://www.for.kg/news-658558-ru.html

6. Лукашенко объявил о победе над коронавирусом в Белоруссии (2 июля 2020) // https://www.interfax.ru/world/715592

7. Манипуляция: ВОЗ призвала страны больше не вводить карантин (18 августа 2020) // https://www.stopfake.org/ru/

8. *Михантьева М.* Как устроена доказательная медицина и почему не всякое лекарство – благо (22 июля 2019) // https://theoryandpractice.ru/posts/17560

9. *Музычук А.* ВОЗ призывает больше не вводить карантин (17.08.2020) // https://www.medikforum.ru/medicine/102964

10. О нас // https://rus.azattyk.org/p/4375.html

11. О согласовании плана мероприятий по противодействию угрозам эпидемий на пространстве Шанхайской организации сотрудничества (17.06.2020) // https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=14715

12. *Пироженко В.* Антикитайская кампания в США приобретает разнузданный характер (22.05.2020) // http://politanalyse.com/2020/05/22/

13. *Соловьев Э.Г.* Возвращение истории – конец эры либерализма? // Международная жизнь. 2015. № 12 // https://interaffairs.ru/jauthor/material/1416

14. Состоялся телефонный разговор Владимира Путина с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином (19 марта 2020) // http://kremlin.ru/events/president/news/63038

15. Телефонный разговор с Премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху (6 апреля 2020) // http://kremlin.ru/events/president/ news/63156; О сотрудничестве с Турцией в борьбе с новой коронавирусной инфекцией (22.05.2020) // https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/ news/news_details.php?ELEMENT_ID=14520

16. Туркмения запретила слово «коронавирус» (31 марта 2020) // https://lenta.ru/news/2020/03/31/ih_borba/

17. Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. Новости // https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/

18. Шведский синдром. К чему привел отказ Стокгольма от карантина? (04.06.2020) // https://aif.ru/health/coronavirus/

19. Эксперты ВОЗ: Туркменистан должен быть готов к COVID-19 (15 июля 2020) // https://news.un.org/ru/story/2020/07/1382091

20. Chi siamo // https://www.stradeonline.it/chi-siamo#

21. *Christopher A., Kenya A., Bang-Jensen B.* Pandemic Politics: Timing State-Level Social Distancing Responses to COVID-19 // https://faculty.washington.edu/cadolph/papers/AABFW2020.pdf

22. CIR: results for first half 2020 (July 31 2020) // https://www.cirgroup.it/en/press-releases/cir-results-for-first-half-2020/

23. Coronavirus, Bergamo saluta i medici militari russi: «Grazie per quel che avete fatto» – Cronaca (7 мая 2020) // https://www.ilgiorno.it/bergamo/cronaca/medici-militari-russi-1.5139306

24. Coronavirus, la telefonata Conte-Putin agita il governo: «Più che aiuti arrivano militari russi in Italia» (25 Marzo 2020) // Lastampa.it/topnews/primo-piano/2020/03/25/news/

25. Crimson Contagion 2019 Functional Exercise Draft. After-Action Report. October 2019. P. 46 // https://int.nyt.com/data/documenthelper/6824-2019-10-key-findings-and-after/05bd797500ea55be0724/optimized/full.pdf#page=1

26. Disinfo: the eu did not give any Attention and Support to Italy, where People were dying without any Help (06/07/2020) // https://euvsdisinfo.eu/report/

27. European Council meeting (19 and 20 March 2015) – Conclusions // https://www.eesc.europa.eu/resources/docs/european-council-conclusions-19-20-march-2015-en.pdf

28. EUvsDISINFO // https://euvsdisinfo.eu/disinformation-cases/?disinfo_keywords%5B%5D=106935&date=

29. *Fidler D.P. & Gostin L.O.* The new International Health Regulations: an historic development for international law and public health // The Journal of Law, Medicine & Ethics. 2006. № 34 (1).

30. Hungary's PM wins emergency powers to fight coronavirus (March 30, 2020) // https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-hungary-law/

31. KOS in a nutshell // https://www.kosgroup.com/eng/profile/kos-in-a-nutshell/

32. Massimiliano Di Pasquale 'Dalla Russia con amore'. Guerra ibrida e strategia del caos sul Covid-19 (18 апреля 2020) // https://www.stradeonline.it/diritto-e-liberta/4181

33. Militari di Mosca acquartierati nella foresteria dell'esercito italiano, i timori di un' «occupazione» russa in Italia // https://www.lastampa.it/topnews/primo-piano/2020/03/25/news/

34. Ministro russo della Difesa: «I nostri medici militari lasceranno l'Italia domain» // https://www.repubblica.it/esteri/2020/05/06/news/medici_russi_ italia_domani-2558341

35. Our History // https://www.cirgroup.it/en/our-history/

36. Quei militari russi che 75 anni dopo hanno offerto di nuovo la vita per liberarci dal Covid 19. Attaccati con falsità (05/08/2020) // http://www.farodiroma.it/

37. Russi? No, grazie. La missione militare verso la conclusion (28 Aprile 2020) // https://rep.repubblica.it/pwa/generale/2020/04/28/news/

38. Specialisti militari russi lasciano Bergamo. Il saluto dei medici: «Buona fortuna Italia». Il grazie del Governo e della Reglione Lombardia (05/07/2020) // http://www.farodiroma.it/

39. Statement by European Parliament President David Sassoli on the Hungarian emergency law (31.03.2020) // https://europarl.europa.eu/the-president/en/newsroom/sassoli-on-hungary-parliaments-must-remain-open-and-the-press-must-remain-free-1

40. Strategic assessment 1999: priorities for a turbulent world. Institute for National Strategic Studies. Washington, DC: National Defense University, Institute for National Strategic Studies, 1999 // https://play.google.com/ books/reader?id=TadsikSvbnwC&hl=ru&pg=GBS.PA2-3

41. The Coronavirus Pandemic: An Interview with Italy's Prime Minister (9 Apr 2020) // https://www.bbc.co.uk/programmes/m000hp4v

42. WHO Director-General's opening remarks at the media briefing on COVID-19 – 11 March 2020. Geneva, Switzerland. 2020 Mar. // https://www.who.int/dg/speeches/detail/

43. https://coronavirus-monitor.ru

44. https://www.facebook.com/bermet.baryktabasova
45.https://www.facebook.com/bermet.baryktabasova/posts/3401433849887138
46. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=3352613781473472&id=100001746489365

L.L. KHOPERSKAYA
Doctor of Political Sciences,
Professor of the Department of International Relations
of the Kirghiz-Russian Slavic University,
Bishkek, Kyrgyz Republic
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2839-4884
N.Y. PSHENICHNAYA
DSci., Professor, Deputy Director on clinical
and analytical work of the Central research Institute of
Epidemiology of Rospotrebnadzor,
Moscow, Russia
ORCID: http://orcid.org/0000-0003-2570-711X

CORONAVIRUS: THE FOREIGN POLITICAL DIMENSION

The article substantiates the thesis that the COVID-19 pandemic has set new parameters for building the world order, putting forward life and health as the main values of modern society. If before the outbreak of the epidemic the main criteria for assessing states were economic power, military strength and the level of democracy, today the rating of a state is largely determined by its ability to withstand a pandemic, i. e. have effective control over the spread of COVID-19 in society, provide patients with the appropriate volume and level of medical care.

The dynamics of the pandemic clearly demonstrates the loss of the United States status as a global leader and the formation of a new system that includes four groups of states: the first group includes states that are capable of independently, without external assistance, to ensure the functioning of national health systems; the second group consists of states that recognize the lack of their own resources and openly seek help in the fight against the spread of coronavirus infection to states that have the necessary funds; the third group – states that deny the danger of a pandemic and fundamentally refuse to implement any special measures under the pretext of preserving the economy; the fourth group – the states of the «Western democratic core», declaring self-sufficiency in the fight against coronavirus, but objectively demonstrating the highest rates of morbidity and mortality from coronavirus infection. At the same time, instead of a fundamental reorganization of national health systems, they are focused on

finding all sorts of ways to discredit the experience of China and Russia in the fight against COVID-19. The most frequently used instruments of discrediting are the media and NGOs funded by large international financial and industrial corporations.

Key words: *international relations, world order, coronavirus, COVID-19 pandemic, health systems, epidemic control, humanitarian mission, medical assistance, medical diplomacy.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.016
УДК 32.323
С.Е. ЗАСЛАВСКИЙ
доктор юридических наук,
профессор департамента политологии
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

В статье раскрывается место и роль партийной системы в политической системе России, основные этапы становления партийной системы России в 1990-2020 гг., анализируется ее современное состояние и динамика развития на современном этапе, тенденции изменения их ресурсной базы и политико-организационного потенциала.

Ключевые слова: *политические партии, партийная система, участие в выборах, федеральный закон «О политических партиях».*

Процесс организационного и политического становления партий включает освоение ими существующего политического пространства, поиск своего места в идейно-политическом спектре общества, установление между партиями прочной системы межпартийных контактов. В этом процессе проявляются как индивидуальные значимые для анализа признаки самих партий, число которых у отдельных исследователей достигает до 100 [15], так и закономерности более общего плана. Укорененность политических партий в социальной среде, их способность к политическим инновациям, к улавливанию и представительству разноплановых общественных интересов, к трансформации социальных запросов в программы и цели политического характера является главным мерилом уровня институционального развития партийной системы.

Партийная система интегрирована в политическую систему, неотъемлемой частью которой она является. Обеспечивая функционирование и воспроизводство политической власти, институционализацию политического и идеологического многообразия, политического соперничества за власть, она служит связующим звеном между органами государственной власти и структурами гражданского общества. Вместе с тем, помимо воспроизводства политической власти партии выполняют не менее важную задачу

устойчивое сохранение идеологических ценностей, представительства различных социальных слоев в политическом процессе, преобразования социальных запросов в программы и ценности политического характер. Именно партии рекрутируют в публичную политику политически активных субъектов, обозначая публичной активностью участия основные сегменты политического спектра общества. Важнейшая задача воспроизводства власти дополняется задачей воспроизводства кадров для политической системы и воспроизводства смыслов.

Партийная система не статична: она эволюционирует в процессе политической институционализации упорядочения социальных связей. В этом процессе партии, образующие партийную систему, приобретают необходимые для полноценного участия в общественно-политической жизни структурно функциональные характеристики, возникают и усиливаются связи между ними, придающие партийной системе целостность и внутреннее единство.

Вопросы типологии партийных систем и периодизации их развития широко представлены в работах зарубежных (К. Джанда, М. Дюверже, К. Лоусон, А. Лейпхарт, Д. Сартори, М. Тейлор, В.М. Херман) и российских исследователей (С.В. Володина, Г.А. Голосов, Ю.Г. Коргунюк, Б.И. Макаренко, Е.А. Мелешкина, А.Ю. Шутов). Предметный сопоставительный анализ различных позиций и точек зрения достоин отдельного предметного исследования [2]. Однако при всем обилии подходов к типологии партийных систем и выделению временной периодизации так или иначе используются три важнейших, ключевых на наш взгляд, критерия. Это: 1) количество партий в партийной системе и потенциальная возможность реализации новых партийных проектов; 2) степень упорядоченности их взаимодействия, конкурентности в отношениях между ним, динамика их сменяемости у власти; 3) публичный механизм интеграции в политическое пространство, в систему властных отношений посредством выборов, участия в деятельности органов публичной власти и иных форм политической активности. Каждый из них в свою очередь может быть раскрыт и описан с помощью ряда детальных количественных показателей и верифицируемых качественных характеристик.

Как и любая социальная система, партийная система базируется на нормативно-ценностной основе, задающей форматы упорядоченного взаимодействия политических субъектов. Применительно к политическим партиям эти две грани видны особенно отчетливо, и не случайно. Нормативная основа партийной системы соединяет в себе механизмы внутреннего саморегулирования и публично-правового регулирования. Не будучи институтом государственной власти, политические партии функционально включены в систему властеотношений, являются связующим звеном между государством и гражданами, обеспечивающим целостность и устойчивость политической системы. Данное обстоятельство требует правового регулирования их создания деятельности, порядка участия в выборах и работе ор-

ганов государственной власти. Причем в России создание правовых основ деятельности политических партий нередко осуществлялась государством в инициативном порядке, опережая реальные процессы их политико-организационного становления, многие нормы принимались на «вырост», в расчете на их последующее освоение, становление в качестве самодостаточных функционально востребованных политических институтов. И хотя с позиции сегодняшнего понимания не все принимаемые решения можно признать успешными, тем не менее, практика российская практика создания нормативных начал публичной политики существенно раздвигает границы научного знания о возможностях и рисках политической инженерии.

В истории российской партийной системы последних 30 лет можно выделить условно несколько периодов, на которых партийная система России приобретала новое качество. Началом каждого этапа всегда являлось масштабное юридически значимое событие общественной жизни, предопределившее формат правового регулирования деятельности партий. Одновременно с этим в рамках каждого этапа наблюдалась активизация партийно-политической жизни, что выражалось в интенсификации процессов партийного строительства, создании новых партий либо трансформации уже существующих. В результате партии обретали новые качественные характеристики, связанные как с их правовым статусом, так и с их реальной ролью в политической жизни общества. В конечном счете, все эти изменения предопределяли процесс структурирования партийной системы и ее развития, эволюции к современным политико-организационным формам.

Первый этап условно можно обозначить как этап кризиса однопартийной системы и вызревания предпосылок для возникновения и развития политических партий, результатом чего стало законодательное допущение создания альтернативных партий в 1990 году и «первая волна» образования партий 1990-1991 гг. Ему предшествовал период внутриутробного развития многопартийности (1887-1990 гг.) [5]. Начиная с 1987 года прекращаются политические репрессии, происходит появление неформальных объединений, народных фронтов, политических клубов и протопартийных организаций. Процесс создания протопартийных образований получает новый импульс в связи с проведением выборов народных депутатов СССР 1989 году и народных депутатов РСФСР в 1990 году. В принятой на первом Съезде народных депутатов РСФСР Декларации «О государственном суверенитете Российской Федерации» были провозглашены правовые гарантии равенства возможностей всех политических партий, действующих в рамках Конституции РСФСР, участвовать в управлении государственными и общественными делами [3]. Появление первых некоммунистических оппозиционных партий и последовавшее в 1990 г. изменение формулировки статьи 6 Конституции СССР и Конституции РСФСР (в частности устранение упоминаний о руководящей и направляющей роли

компартии), актуализировали вопрос о выработке правовых основ деятельности политических объединений.

Принятый в октябре 1990 г. Закон СССР «Об общественных объединениях» [4], официально закрепил особенности создания и деятельности политических партий: запрет на членство в партиях иностранных граждан, недопущение вхождения в партию на правах коллективных членов иных партий и движений и др. С признанием многопартийности в СССР возникла реальная возможность политической институционализации различного рода неформальных объединений и реорганизации их в политические партии. В 1990-1991 гг. ряд из них получают официальную регистрацию на общесоюзном (Либерально-демократическая партия и общероссийском уровнях (Демократическая партия России, Социал-демократическая партия России, Российское христианско-демократическое движение). Начиная с 1990-1991 гг. параллельно с образованием партий шел процесс массового создания политических движений для формализации межпартийных коалиций и союзов.

Главные мотивы, которыми руководствовались создатели партий на этапе стихийной многопартийности – необходимость создания собственной политической базы и стремление занять идеологическую «нишу» в формирующемся политическом спектре. Нельзя сказать, чтобы создание партий «первой волны» не отражало тектонических сдвигов в социальной структуре и общественном сознании. Однако в большей степени их причинами являлись стремление по освоению открывающихся возможностей своего политического самовыражения, включая легальный публичный протест и фронду, чем стремление к коллективному участию в политике. Во многом это объясняет, что в названии партий отражалась приверженность определенному идейно-политическому течению: социал-демократизму, либерализму, консерватизму, христианским ценностям, «зеленому» движению, либо возродить знаковые исторические бренды (Партия народной свободы, Партия конституционных демократов, Движение социалистов-народников, Православная конституционно-монархическая партия и др.). Первые партии отличала их крайняя их крайняя малочисленность, отсутствие социальной базы и вообще какой-либо проекции на социальную стратификацию общества, плюс книжно-умозрительный характер программ, ничего не говорящих рядовому избирателю. Главным же препятствием на пути их дальнейшей деятельности стала проблема соотнесения продукта собственного самовыражения и реальных проблем позднесоветского, а затем и постсоветского общества. На политический рынок эти партии вышли со своим товаром, пытаясь не столько представить реальные социальные интересы, сколько найти граждан, готовых поддержать их программу. Несмотря на высокую интенсивность образования подобных политических партий, большинство из них не получили развития лишь несколько из них сумели найти и удержать свою нишу в формирующемся партийно-политическом спектре.

В 1990-1991 г. был принят ряд важных решений по департизации органов государственной власти и управления, в т.ч. о недопустимости совмещения должностей в органах государственной власти с занятием должностей в руководстве партий, запрет на создание партийных структур в государственных органах, предприятиях и учреждениях, закрепление несвязанности лиц, состоящих на государственной службе, решениями политических партий и ограничение участия госслужащих в деятельности партий [11]. В дальнейшем все эти решения были восприняты в российском законодательстве и политической практике, оказав важнейшее воздействие на формирование политической системы страны.

Второй этап развития партийной системы – этап посткоммунистической атомизации после августовских событий 1991 года. Устранение КПСС с политической арены на некоторое время создало атомизированную партийную систему, когда прежней монопольно властвующей партии уже не существовало, а действенные механизмы взаимодействия государства с политическими силами общества еще не были созданы. Недавно созданные политические партии были отдалены от принятия управленческих решений и не имели сколь либо весомой базы поддержки, политического представительства. Распад Союза ССР, экономический кризис и радикальные рыночные реформы, спад производства и падение уровни жизни заставляют политические партии определяться по ключевым вопросам текущей политики. В условиях неструктурирования партийно-политического спектра партии вынуждены соизмерять свои базовые идеологические установки с вызовами реальной политики, позиционировать свое отношение к ним, находить не только единомышленников но и тактических союзников.

В этот период политические партии, как возникшие в 1990-1992 гг. как новые проекты некоммунистической направленности, так и партии, образованные на обломках КПСС, пытаются вписаться в новый институциональный ландшафт формирующейся российской государственности, что в отсутствие механизмов политического представительства являлось крайне затруднительной задачей. Хаотический характер партийно-политических перегруппировок подчас приводил к экзотическим явлениям вроде совместных политическим акциям коммунистов и монархистов, одновременно проводимых под красным стягом и династическим флагом дома Романовых.

Последовавшее после августовских событий 1991 г. приостановление [9], а затем прекращение деятельности и роспуск организационных структур КПСС [10] послужили толчком для образования самостоятельных политических партий, прообразы которых долгие годы существовали внутри нее в качестве платформ и идейно-политических течений. Распад организационных структур КПСС способствовал оформлению левого крыла политического спектра и возникновению в 1991-1992 гг. партий коммунистической и социалистической ориентации. Начало этому процессу положил выход

еще в 1990 году части Демократической платформы в КПСС (образовавших Республиканскую партию), после роспуска КПСС возникли Народная партия Свободная Россия, Социалистическая партия трудящихся, Российская партия коммунистов, Российская коммунистическая рабочая партия. После решения Конституционного Суда Российской Федерации от 30 ноября 1992 г., признавшего неконституционным роспуске первичных организационных структур КПСС и КП РСФСР, образованных по территориальному принципу, становится возможным и образование Коммунистической партии Российской Федерации. По состоянию на начало 1993 г. Минюстом России официально было зарегистрировано свыше 820 общероссийских и межрегиональных общественных объединений, из которых только 25 являлись политическими партиями. К июню 1993 г. число политических партий увеличилось до 35 [14. С. 76]. Кроме того, несколько десятков объединений имело статус политических движений.

Выборы депутатов Государственной Думы первого созыва, которые осуществлялись на основе мажоритарно-пропорциональной смешанной модели, при которой половина кандидатов избиралась по одномандатным округам, а половина по пропорциональной системе. Избирательным объединением признавалась общефедеральная партия, политическое движение, устав которого зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации либо блок таких общественных объединений, создаваемый на период проведения выборов. Иные общественные объединения получили возможность участия в выборах за счет вхождения в состав избирательного блока при условии, что такое право зафиксировано в их уставах. Выборы дают толчок появлению новых партийных проектов, образованию межпартийных коалиций, на базе которых впоследствии возникнут новые партии («Демократический выбор России», «Яблоко», «Женщины России», Конгресс русских общин, Партия российского единства и согласия и др.). В первых парламентских выборах 1993 г. приняли участие 13 избирательных объединений и блоков, из них 8 (ЛДПР, «Выбор России», КПРФ, «Женщины России», Аграрная партия России, Партия российского единства и согласия, «Яблоко» Демократическая партия России) преодолели пятипроцентный барьер.

Интенсивное образование политических партий в 1994-1995 гг. во многом было обусловлено краткосрочным перерывом между выборами. В течение 1994-1995 гг. были созданы новые партии и политические движения, в т.ч. «Общее дело», «Преображение Отечества», Партия самоуправления трудящихся, Партия любителей пива и др. Наряду с политическими партиями, в 1994-1995 гг. интенсивно создаются политические движения, которые перестают быть организационной формой интеграции политических партий и по существу становятся альтернативной партии формой политического объединения. В выборах депутатов Государственной думы участвуют

уже 43 избирательных объединений и блоков, из которых пятипроцентный заградительный барьер удается преодолеть только четырем (КПРФ, ЛДПР, «Наш дом Россия» и «Яблоко»). На выборах депутатов Государственной Думы второго созыва (1995 г.) статус избирательного объединения получили все общественные объединения, имевшие соответствующую запись в своем уставе, в т.ч. многие профсоюзы и организации далекие от политики, к примеру, Ассоциация гистологов и эмбриологов, Ассоциация адвокатов России, Союз работников ЖКХ, Федерация скалолазания России и др.

Третий этап развития партийной системы ее первичным структурированием по итогам электорального цикла (1995-1996 гг.) и перегруппировка политических сил накануне и в ходе электорального цикла 1999-2000 гг. Выборы 1995 г. стали своего рода тестом на политико-организационную устойчивость для партий и движений. К этому моменту в целом сложилась институциональная правовая основа избирательной системы, сформировалась правовая база организации и проведения региональных и местных выборов, выборный процесс охватывает все уровни публичной власти. При этом нестабильность партийно-фракционной структуры парламентов, отсутствие у действовавшей власти прочной системы общественно-политической поддержки сочетались с либеральными правилами вхождения на политический рынок новых игроков, образования ситуативных блоков и коалиций. В целом партийная система России в этот период продолжает оставаться поляризованной.

В 1998 году делается первая попытка упорядочивания правовых требований, предъявляемым к общественным объединениям. Возможными организационно-правовыми формами политических общественных объединений становились общественная организация (в т.ч. партия) и общественное движение (для политического движения). Профсоюзы, национально-культурные автономии, религиозные организации, организации, созданные для реализации любительских и иных неполитических интересов, лишаются возможности регистрации в качестве политических объединений.

Реально же сокращение численности политических партий произошло лишь за счет партий, фактически прекративших свою деятельность в период 1995-1999 гг. (Народная партия России, Партия конституционных демократов, «Русский стиль» и др.). Некоторые партии (Свободная демократическая партия России, «Новые левые») при перерегистрации приняли решение (надо полагать, вынужденное) о преобразовании в непартийные общественные объединения. К 1 января 1999 г. процедуру регистрации прошло 141 политическое общественное объединение, из которых 139 были зарегистрированы до 19 декабря 1998 г. и могли принимать участие в выборах 1999 г. посредством выдвижения списков кандидатов. По организационно-правовой форме 77 из них являлись политическими движениями, а 64 – политическими организациями (44 из них именовались партиями) [6].

Четвертым качественным этапом стало принятие Федерального закона «О политических партиях» и обновление партийной системы на новой законодательной основе (200-2004 гг.) Закон «О политических партиях» [12] определил партии единственной разновидностью общественного объединения, имеющей право участвовать в федеральных и региональных выборах, иные непартийные общественные объединения это право утратили. Таким образом, обеспечивалась одновременное решение нескольких задач:

1) создание институциональных предпосылок для формирования сильных политических партий и усиления объединительных тенденций в партийном строительстве, стимулирование укрепления позиций федеральных партий на региональном уровне;

2) преодоление гипертрофированного состояния российской партийной системы, решение вопроса о статусе партий, фактически прекративших осуществление уставной деятельности;

3) ориентирование политических партий на участие в выборах и работе органов государственной власти и местного самоуправления как на важнейшую задачу их уставной деятельности.

Концепция закона отражала стремление к более четкому определению роли политических партий и их места в системе политических институтов современной России. В основу президентского законопроекта были положены следующие принципиальные позиции.

Отказ от правовой конструкции политического общественного объединения и закрепление права на участие в выборах исключительно за политическими партиями.

Создание политических партий исключительно на общероссийском уровне (создание и деятельность межрегиональных, региональных и местных политических партий концепцией закона не предусматривалось).

Установление рамочных требований к уставам политических партий (выборность и сменяемость их руководящих органов, демократическую процедуру выдвижения кандидатов в ходе проведения выборов в органы государственной власти и в органы местного самоуправления).

Введение государственного финансирования политических партий.

Ужесточение требований, предъявляемых к партиям при создании и государственной регистрации (наличие отделений более чем в половине субъектов Российской Федерации численностью не менее 100 членов при общей численности партии не менее 10 000 членов и т.д.).

Возможность ликвидации политических партий, в течение 5 лет (в дальнейшем 7 лет) не принимающих участия в выборах. Одновременно определялись четкие критерии участия партии в выборах.

достаточно высокие требования к численности партий (10 тыс.), невозможность создания партий образованных по национальному или религиоз-

ному признаку, а также региональных и местных партий были направлены на стимулирование объединительных тенденций в российской партийной системе и появления влиятельных коллективных субъектов в лице политических партий, обладающих кадровым потенциалом.

Необходимо отметить, что, предусматривая требования к минимальной численности политических партий, обязательности их участия в выборах, законодатель одновременно расширял правовые возможности политических партий по их участию в выборах, предусматривая обязательную пропорциональную составляющую при определении конфигурации избирательной системы на выборах регионального уровня, получали реальную возможность непосредственного участия в выборах путем выдвижения списков кандидатов.

В период 2000-2004 гг. произошло и становление доминирующей партии, объединившей в своих рядах две конкурирующие на выборах 1999 года политические силы – партию «Единство», движение «Отечество», Движение «Вся Россия», чуть позднее к нему присоединилось и движение «Наш дом – Россия». Создание и становление партии в целом прошло по классической модели создания всех доминирующих партий: находящиеся в центре политического спектра политические тяжеловесы суммировали свои политико-организационные ресурсы, создав единую организацию.

К моменту начала выборов в Государственную Думу четвертого созыва в декабре 2003 года правом участвовать в выборах обладали 44 политические партии, из которых в Государственную думу прошли только 6 («Единая Россия» КПРФ, ЛДПР и еще три партии в составе блока «Родина»).

Пятый этап условно можно обозначить как этап структурирования крупных политических партий и образования «малопартийной» системы с четырьмя ведущими парламентскими партиями при явном доминировании одной из них (2004-2012 гг.). Ряд ведущих исследователей российских партий в своих классификационных моделях не без оснований объединяют его с предыдущим этапом, справедливо указывая на общность заявленных ключевых приоритетов – появление сильных, ответственных перед избирателями политических партий [13. С. 84, 94-95]. Однако, на наш взгляд, определенное отличие все же усматривается в выборе конкретных правовых инструментов, применение которых видоизменило архитектуру партийной системы за счет уменьшения числа партий. В целях усиления объединительных тенденций происходит ужесточение законодательства о политических партиях, не оставляющее малым партиям иной возможности кроме вливания в состав более крупных партийных образований или ухода в политическое небытие.

Начало этому этапу было положено поправками, внесенными в закон «О политических партиях». В правовой сфере этот процесс искусственно стимулируется пятикратным повышением в конце 2004 года требова-

ний к минимально необходимой численности политических партий (с 10 до 50 тыс. членов с одновременным повышением требуемой численности региональных отделений), запретом (с 2005 года) на создание избирательных блоков, после чего партии, выдвигая общий список, уже не могли суммировать свои ресурсы в избирательной кампании.

Ужесточение требований к численности партий в сочетании с запретом на образование блоков явилось стимулом к объединению партий, прежде всего, в левоцентристской части политического спектра, где существовал достаточно высокий уровень политической конкуренции. В октябре 2006 года на базе трех партий (Российская партия жизни, «Родина» партия пенсионеров) создается объединенная партия «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь» (в дальнейшем – Справедливая Россия).

Партии, которые не смогли увеличить свою численность к 2006 году до 50 тыс., имели возможность преобразоваться в непартийные объединении (утратив право выдвижения кандидатов) либо с 2007 г. подлежали ликвидации. В частности, по этому основанию были ликвидированы Консервативная партия России, «Свобода и народовластие», Российская партия мира, Республиканская партия России, Народно-республиканская партия России, Российская коммунистическая рабочая партия – Российская партия коммунистов. Впоследствии в апреле 2011 года решение о ликвидации Республиканской партии России (РПР) было отменено на основании решения Европейского суда по правам человека, посчитавшего применение ликвидации к существующей партии нарушением статьи 11 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [7].

Уменьшение партий происходило не только посредством ликвидации партий по решению суда, но и за счет преобразования в общественные объединения (Демократическая партия России, «Гражданская сила», «Народный Союз», Российское экологическое движение «Зеленые»). Часть политических партий предпочли влиться в иные партии, так в состав Единой России вошли Аграрная партия России и Российская объединенная промышленная партия, четыре партии (Народная партия Российской Федерации, Партия социальной справедливости, Развитие предпринимательства» и Партия конституционных демократов) в 2007 году влились в состав партии «Справедливая Россия». В 2008 году Партия Мира и единства вошла в партию «Патриоты России», а партии «Гражданская Сила» и Демократическая партия России, преобразовавшись в общественные объединения, и сохранившись как организационные единицы, партийным активом влились в партию «Правое дело», образованную совместно с Союзом правых сил.

В результате к началу избирательной кампании 2007 года численность партий сократилась до 15, а после выборов 2007-2008 годов и вовсе до семи партий: четырех парламентских, представленных в Государственной Думе («Единая Россия», ЛДПР, КПРФ, «Справедливая Россия»), и трех непарла-

ментских («Правое дело», «Яблоко», «Патриоты России»), имевших, однако своих представителей в отдельных региональных парламентах и представительных органах муниципальных образований.

Созданная цензовая система с высокими пороговыми ограничителями и одновременно с широкими возможностями для участия в выборах обеспечивала широкую вовлеченность политических партий в избирательный процесс. Этому способствовало массированное внедрение в 2004-2011 гг. механизмов пропорционального представительства, включая переход к целиком пропорциональной системе выборов в Государственную Думу и в ряде регионов, обязательное избрание не менее половины депутатского корпуса в представительные органы местного самоуправления муниципальных районов с численностью более 20 депутатов. В условиях отказа от прямых выборах глав регионов их наделение полномочиями партий, имеющих большинство депутатских мест в региональных парламентах. Политические партии, получившие более трех процентов голосов на выборах депутатов Государственной Думы, получали право на государственное финансирование, размер которого регулярно пересматривался в сторону повышения.

Однако по мере нарастания регуляторов все зримее проявлялась их избыточность, прежде всего, значительные сложности в создании новых партийных проектов с «нуля», невозможность личного самовыдвижения в Государственную Думу для кандидатов, не связывающих себя ни с какими политическими партиями, а также суженность электорального выбора из семи партий. В сочетании с очевидным ресурсным преобладанием одной из партий и довольно высоким семипроцентным заградительным барьером на выборах в Государственную Думу и в заксобрания большинства регионов, минимизирующим возможности попадания в парламенты небольших партий, такая партийная система вызывала небезосновательные упреки с точки зрения равенства стартовых возможностей и обеспечения политической конкуренции.

Очевидные издержки малопартийной системы уже в 2010 году подвигли к поэтапному снижению численности членов партий с 50 тыс. до 45 тыс. (с 2010 г.) и до 40 тыс. (с 2012). Партиям, набравшим на думских выборах 5 и более процентов, но не преодолевавшим семипроцентный заградительный барьер в зависимости от полученных результатов могли быть переданы один-два депутатских мандата (на практике норма ни разу не применялась), на региональном уровне такой партии передавался один мандат. Однако такие поправки не носили принципиального характера и не способны были изменить конфигурацию системы. Лишь в 2012 году на фоне очевидного кризиса легитимности партийной и выборной систем их институциональные основы были подвергнуты серьезной трансформации.

Шестой, этап развития партийной системы России с полным основанием можно назвать этапом радикального пересмотра ограниче-

ний и воспроизводства системы на конкурентной основе. Принятыми в 2012 году поправками к Федеральному закону «О политических партиях» были значительно снижены требования к численности политических партий: с 40 тысяч до 500 членов, исключены требования к минимальной численности их региональных отделений. Практически одновременно были приняты решения о возврате прямых выборов глав регионов и о снижении с 7 до 5 процентов заградительного барьера на выборах в представительные орган всех уровней. В рамках отказа от чрезмерной партизации политической деятельности был осуществлен переход от пропорциональной к смешанной системе на выборах депутатов Государственной Думы, с половины до четверти от общего числа депутатских мест уменьшена доля мест, в обязательном порядке отводимых под выборы по пропорциональной системе, причем на выборах в городах федерального значения партсписки стали и вовсе необязательны (чем незамедлительно воспользовалась Москва, перейдя от смешанной системы к мажоритарной системе относительного большинства на выборах депутатов Мосгордумы). Наконец, были отменены обязательные смешанные системы на уровне крупных муниципальных районов.

Либерализация требований к созданию политических партий и порядку их участия в выборах вызвала небывалый всплеск партийного строительства, сопоставимый по интенсивности с начальным этапом становления российской многопартийности в 1990-1992 гг. Очевидное сходство не только в быстротекущей динамике партиобразования и обилии партийных проектов, но и в попытках возрождения прежних проектов времен 1990-х годов под громкими брендовыми названиями. Радикальная либерализация требований к планке минимальной численности вкупе с информационными технологиями обусловило появление откровенно «диванных», карликовых партий, не имеющих сколь-либо значимой поддержки. Однако не менее заметны и существенные отличия.

В 1990-1991 году имело место экстенсивное первичное освоение политического спектра, образование партий происходило преимущественно по идеологическим основаниям. В 2012-2013 гг. партийная России прошла уже несколько электоральных циклов, поэтому помимо воскрешения брендов начала 1990-х годов (Социал-демократической партии, Монархической партии, Партии мира и единства) имелись и попытки воссоздания недавних проектов («Родина», Аграрная партия). Так когда-то на заре развития партийной системы при создании партий имела место конкуренция в освоение нишевых брендов: так аграрную тематику в своих названиях отразили четыре партии, тему защиты пенсионеров – три партии, тему женского движения – три партии, тему защиты природы – три партии. Характерно, что одна из партий «Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров, против насилия над животными» постаралась в своем названии сразу несколько нишевых тем.

В отличие от начала 1990 годов партии под броскими заголовками, больше напоминающие краткие («Партия дела», «Партия будущего» Родная партия) и развернутые рекламные слоганы («Партия Социальных Реформ – Прибыль от природных ресурсов – Народу»; «Народно-патриотическая партия России – Власть Народу»). Очевидно, и стремление инициаторов ряд партий к освоению недостаточно занятых крупными партиями социальных ниш, в т.ч. по защите интересов определенной группы, объединенной уровнем достатка, семейным положением, увлечениями и т.д. Примеры таких заявок на защиту групповых интересов демонстрируют Партия Малого Бизнеса России, Объединенная партия людей ограниченной трудоспособности России, Партия родителей будущего, Российская партия садоводов, Казачья партия Российской Федерации.

Если в 1990-1993 гг. каждая начинающая свой путь партия имела все основания претендовать на лидерство в сегменте политического спектра, в связи с чем имело место сильное соперничество партий родственной направленности, пытающихся занять одну и ту же нишу, то в 2011-2020 гг. отмечено создание партий, использующие наименование и символику, схожие с парламентской партией (КПСС, Коммунисты России), аббревиатуры (КПРФ – Казачья партия Российской Федерации) и лозунги Всероссийская политическая партия «За справедливость!»). Как показывает практика, подобные приемы позволяют чуть потеснить электоральные позиции «основного держателя бренда» на конкретных выборах, но явно не дает перспектив занять место парламентских партий, которые прочно удерживают свои политические ниши. Еще одной особенностью образования партий стало то, что он происходил за счет разукрупнения ранее созданных объединенных партий: из партии «Правое дело» вышли «Гражданская сила» и «Демократическая партия России, из «Патриоты России» – Партия мира и единства, снова были воссозданы ранее вошедшие в «Справедливую Россию» Родина и Партия пенсионеров. Вошедшие в силу обстоятельств в состав иных партий, они возвращали себе политическую субъектность.

В начале 1990-х годов партии выходили на политический рынок в отсутствие формированных каналов партийно-политического представительства. В настоящее время такие каналы сформированы и успешность партийного проекта впрямую определяется возможностью освоить их в ходе выборов различного уровня. Соответственно, достаточно быстро выявляется реальный политико-организационный потенциал партии, ее готовность к конкурентной борьбе и наличие у нее электоральной поддержки.

Значительные изменения претерпела и технология создания партий: процесс стал более публичным, поскольку создание партий требует проведение широкого комплекса публичных мероприятий, связанных с анонсированием создания партии, учреждением организационного комитета, открытием счета для финансовых поступлений, призванных обеспечить ре-

сурсной поддержкой нулевой цикл партийного строительства. Двухэтапный характер создания политических партий, требующих сначала регистрации самих политических партий, а затем регистрации ее региональных отделений не менее чем в половине субъектов Российской Федерации изначально исключает появление мнимых политических величин, не пользующихся поддержкой в регионах. Вместе с тем, исключенное с 2012 года требование к минимальной численности региональных отделений в сочетании с развитием дистанционных технологий интернет-коммуникации, отсутствовавших в начале 1990-х годов, делает процесс создания партии значительно менее трудозатратным.

Наконец, важным отличием формирования новых партий является тот факт, что они создаются в рамках уже существующей системы с четырьмя парламентскими партиями, уже прошедшими свой путь политико-организационного становления. По мнению С.Ю. Асеева и Я.Ю. Шашковой, это обстоятельство является препятствием на пути становления новых партий. «Четыре парламентские партии объективно обладают ресурсным приоритетом, развитой организационной структурой, общественным паблисити и потенциалом представительства для элитных групп различного уровня» [1. С. 78]. Не разделяя пессимизма и скепсиса авторов, приходится признать тот очевидный факт, что партии действительно вынуждены встраиваться в существующий расклад партийно-политических сил и находить свою нишу в условиях уже сформировавшегося разделения электоральных сегментов. И эту задачу изначально могли освоить далеко не все новообразованные партии.

Процесс образования новых партий был наиболее интенсивным на рубеже 2012-2013. однако в 2014 году он замедлился, а начиная с 2016 года, наметилась обратная тенденция снижения численности партий. Если в 2016 году право участия в выборах имели 74 политические партии, то на момент начала президентской кампании 2018 г. число их сократилось до 67, к концу 2018 г. составило 63, к июню 2019 – 59, в 2020 году – 42 партии.

Причины снижения общей численности политических партий в партийной системе имеют комплексный характер. Прежде всего, появление новых партийных проектов в значительной мере имело конъюнктурный характер и являлось непосредственной реакцией на упрощение возможностей создания партий. Предложение новых проектов явно превысило спрос на них. В дальнейшем партии, не получившие развития, не выдержавшие политической конкуренции, постепенно свертывали свою деятельность, тем более что поддержание текущей деятельности партий, организация работы партийного аппарата и обеспечение регулярной финансовой отчетности, оказалось делом затратным, требующим наличия определенных организационных и финансовых ресурсов.

Кроме того, либерализация требований к численности партий сопровождалась отменой сбора подписей как условием регистрации на выборах представительных органов всех уровней. В 2014 году требование о необходимости сбора подписей было восстановлено, но с широким перечнем льготных категорий освобожденных от него партий были созданы разнообразные каналы для получения необходимых преференций на основе собственной электоральной активности. Так право на освобождение от сбора подписей на выборах в Госдуму седьмого созыва 2016 г. в острой конкурентной борьбе на региональных выборах 2012-2015 гг. обрели девять политических партий, семь из которых были созданы после 2012 года и являлись дебютантами федеральных выборов.

Вместе с тем решение о возвращении необходимости сбора подписей оказалось фатальным для ряда малых партий, создававших партии именно в расчете на безбарьерное участие в предвыборной кампании и не имевших ресурсов для организации сбора подписей. Между тем обязательность участия партии в выборах вытекает из концепции федерального закона «О политических партиях», рассматривающей партию как «предприятие по производству политики». По закону политическая партия считается участвующей в выборах в одном из следующих случаев проведения голосования на выборах за:

– выдвинутый ею и зарегистрированный федеральный список кандидатов в депутаты Государственной Думы;

– выдвинутого ею и зарегистрированного кандидата на должность Президента Российской Федерации;

– выдвинутых ею и зарегистрированных кандидатов на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не менее чем в 10 процентах субъектов Российской Федерации;

– выдвинутых ею и зарегистрированных кандидатов (списки кандидатов) в депутаты законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации не менее чем в 20 процентах субъектов Российской Федерации;

– выдвинутых ею и зарегистрированных кандидатов (списки кандидатов) на выборах в органы местного самоуправления более чем в половине субъектов Российской Федерации [12].

Неспособность выполнить требования закона об обязательном участии в выборах в течение семи лет стало основанием для ликвидации в 2019-2020 гг. 23 политических партий.

По состоянию на сентябрь 2020 г. в Российской Федерации официально созданы и зарегистрированы 42 политические партии (1). Основу партийной системы по-прежнему составляют четыре партии, причем одна из них занимает лидирующие позиции по уровню политического представительства в органах власти, имея большинство в Государственной Думе

и во всех региональных парламентах (за исключением Хабаровского края, где большинство мест в составе депутатского корпуса в 2019 году получила ЛДПР). В большинстве регионов высшими должностными лицами избраны выдвинутые «Единой Россией» кандидаты либо поддержанные ею кандидаты-самовыдвиженцы. Немногочисленные случаи, когда победу одержал представитель оппозиционной партии (победа представителя КПРФ на выборах главы республики в Хакасии, представителей ЛДПР в Хабаровской крае и Владимирской области на губернаторских выборах в 2018 г.), лишь подтверждают непредрешенность выбора избирателей и конкурентный характер электорального лидерства «Единой России». В ряде случаев это также свидетельствуют о гибкости партийно-политических договоренностей, по итогам которых доминирующая партия сочла возможным не выдвигать своего кандидата (на губернаторских выборах в Орловской области в 2018 году и в Смоленской области в 2020 г.). С учетом очевидных обстоятельств можно согласиться с выказанными в литературе оценками о классификации российской партийной системы в рамках традиционной классификации партийных систем Д. Сартори [16] как многопартийной системы с доминирующей партией власти [8. С. 137]. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что такое доминирование имеет в основе уровень поддержки на конкурентных выборах с широким кругом партий-участников, состав которых динамичен.

Колебания в процессе образования новых партий в целом вписываются в сроки выборных циклов, затухая по итогам парламентских выборов и активизируясь по мере их приближения. В 2017-2018 гг. образование новых партий носило единичный характер. Вместе с тем, в 2020 году впервые после двухлетнего перерыва отмечено повышение интереса к созданию новых партийных проектов, явно ориентированных на нишевые позиции, недостаточно охваченные существующей партийно-политической палитрой.

В 2020 году государственную регистрацию прошли 4 партии: «За правду»; «Зеленая альтернатива, Партия прямой демократии; партия «НОВЫЕ ЛЮДИ». Все вновь созданные партии, образовав и зарегистрировав региональные отделения, получили возможность принять участие в выборах в единый день голосования 13 сентября 2020 г. Так Партия «За правду» зарегистрировала 8 списков кандидатов, партия «Новые люди» смогла обеспечить регистрацию 4 списка кандидатов, Партия Прямой демократии – 3 списка, Партия «Зеленая альтернатива» – 2. Очевидно, что столь активное участие в региональных выборах имеет целью не только получение необходимого практического опыта накануне парламентских выборов, но и, как программу максимум, пройти по партийным спискам, как минимум в один из региональных парламентов и тем самым получить право регистрации списка кандидатов без необходимого сбора подписей.

Сегодня партийная система России входит в фазу подготовки к новому циклу парламентских и президентских выборов, что значительно повышает

активность политических партий. Так на выборах в Единый день голосования в субъектах Российской Федерации 13 сентября 2020 года кандидатов (списки кандидатов) выдвинули 30 партий. Есть все основания полагать, что по мере приближения даты парламентских выборов динамика партийно-политической системы будет становиться более оживленной, а острота политической конкуренции – возрастать.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) Список политических партий, имеющих право в соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» принимать участие в выборах, по состоянию на день официального опубликования решения Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о назначении выборов (23.06.2020).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю.* Три года партийной трансформации: новые партии в российском политическом процессе // Политическая экспертиза: Политэкс. 2015. Том 11. № 1.

2. *Володина С.В.* Периодизация становления многопартийности в современной России в новейших отечественных исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2015. № 1.

3. Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принята Первым Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года // Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

4. Закон СССР от 9 октября 1990 г. № 1708-1 «Об общественных объединениях» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 42. Ст. 839.

5. *Коргунюк Ю.Г.* Становление партийной системы современной России. М.: Фонд ИНДЕМ, 2007.

6. Общероссийские избирательные объединения / В.В. Мокеев, Т.Ю. Головина / Под. ред. О.К. Застрожной. М.: Весь мир, 1999.

7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12 апреля 2011 г. Дело «Республиканская партия России против России» [Republican Party of Russia v. Russia] (жалоба № 12976/07) (I Секция) // Правовая система Гарант.

8. *Растимешина Т.В.* Партийная система России и особенности ее функционирования // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 3 (15).

9. Указ Президента РСФСР от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1149.

10. Указ Президента РСФСР от 23 августа 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1149.

11. Указ Президента РСФСР от 20 июля 1991 г. № 14 «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1991. № 31. Ст. 1035.

12. Федеральный закон «О политических партиях» от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.

13. *Шутов А.Ю.* Из новейшей истории формирования многопартийности в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2013. № 5.

14. *Шутько Д.В.* Становление многопартийной системы в Российской Федерации (политико-правовые вопросы) // Политические проблемы теории государства. М., 1993.

15. *Janda K.* Comparative Political Parties: Research and Theory // Political Science: The State of the Discipline II / Ed. by A.W. Finifter. Washington: American Political Science Association, 1993.

16. *Sartori G.* Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge; London; N. Y. et al.: Cambridge University Press, 1976. XIV.

S.E. ZASLAVSKY
Doctor of law, Professor of the Department of political science Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

RUSSIAN PARTY SYSTEM: CURRENT STATE AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT

The article reveals the place and role of the party system in the political system of Russia, the main stages of the formation of the party system in Russia in 1990-2020, analyzes its current state and dynamics of development at the present stage, trends in changes in their resource base and political and organizational potential.

Key words: *political parties, party system, participation in elections, Federal law "on political parties".*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.017
УДК 32
Е.Н. КАРАТУЕВА
кандидат политических наук,
доцент кафедры управления социально-политическими
процессами и истории Санкт-Петербургского
государственного аграрного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье обсуждаются возможные причины и последствия глобальных экологических катастроф. Исследуется специфика непреднамеренных и спланированных действий в отношении окружающей среды. Проводится анализ наиболее крупных в истории экологических катастроф и их классификация. Дается оценка роли государства в создании системы предотвращения экокатастроф и борьбе с проявлениями экотерроризма.

Ключевые слова: *экологическая катастрофа, авария, экотерроризм, преступная халатность.*

Экологические катастрофы ежегодно происходят по всему миру и наносят колоссальный ущерб не только окружающей среде, но и экономике, социальной сфере и политическим отношениям. Они могут быть вызваны разнообразными причинами, но в большинстве случаев решающую роль в их возникновении и последствиях играет «разумная» деятельность человека. За исключением природных катаклизмов, таких как цунами, извержения вулканов, наводнений и пр., основными факторами, вызывающим масштабные бедствия являются последствия государственной политики (государственный терроризм), террористические акты и так называемая «преступная халатность». Для расследования причин экотеррористических актов существуют специальные антитеррористические структуры, гораздо сложнее обстоят дела по предотвращению природных катастроф в странах, которые целенаправленно проводят государственную антиэкологическую политику. А термин «преступная халатность» является наиболее часто употребляемым для самого простого и быстрого объяснения причин глобальных экологических катастроф. Знание о намерениях злоумышленников, будь то государственные структуры или преступники-террористы, облегчает выработку стратегии по устранению последствий и предотвращению потенциальных преступлений против окружающей среды в будущем.

Экологические катастрофы как последствия государственного экологического терроризма. Существует много споров относительно того, может ли государство проводить террористическую политику и какие формы может принимать государственный терроризм [6. P. 19-29]. Причинами крупномасштабных нарушений экологического равновесия, являющимися последствиями подобной политики является принятие волюнтаристских решений, игнорирование научных расчетов и прогнозов ради достижения определенных политических целей.

В контексте изучения экологического терроризма интерес представляют стратегии, вырабатываемые государствами с авторитарными политическими системами в военное и в мирное время.

Государственный экотерроризм в военное время. Причастность государства к экологическому терроризму особенно отчетливо можно проследить во время ведения военных действий, тогда у государственных структур есть существенное оправдание своих намерений, поскольку ведение войны всегда требует определенных жертв, и окружающая среда часто рассматривается в качестве средства достижения победы. Действительно, любое нарушение экосистемы может быть оправдано военной необходимостью. Основной задачей в этом случае становится проведение военного маневра, а пострадавшая окружающая среда рассматривается как временная издержка запланированной стратегии. Главное – создать в общественном мнении осознанную необходимость декларированных по отношению к экологии действий и смещение приоритетов в пользу общего выигрыша всей политической системы в войне.

Термин «государственный военный экотерроризм» можно использовать для обозначения экологической войны, «когда окружающая среда подвергается манипулированию в враждебных военных целях» [8. P. 645-666]. Например, в 1944 году немецкая армия намеренно затопила 200 000 га сельскохозяйственных угодий в Нидерландах.

По мнению Датча [4. P. 287-297], самым масштабным инцидентом экологической войны в истории, по-видимому, является июньская экологическая катастрофа 1938 года, когда националистическое правительство в центральном Китае во время японо-китайской войны устроило наводнение на реке Хуанхэ для того, чтобы препятствовать быстрому продвижению японских войск. Дамбы были окончательно восстановлены, а Хуанхэ вернулась к своему первоначальному руслу только к 1947 году [17].

Во время войны во Вьетнаме армия США использовала гербицид «агент оранж» и спрей для дефолиации, для того чтобы уменьшить густой покров джунглей и посевы, которые могли бы быть использованы силами Северного Вьетнама. В период 1962-1971 годов около 77 миллионов литров препарата «агент оранж» были распылены вертолетами, и поразили около 20% территории Южного Вьетнама. В результате воздействия гербицида в об-

щей сложности погибли и получили инвалидность около 400 000 человек и почти полмиллиона детей родились с патологиями различной степени тяжести. Последствия для окружающей среды оказались настолько губительными, что, по всей видимости, термин «экоцид», впервые употребленный в 1970 году, был связан именно с этими событиями.

Более поздний пример военного экотерроризма на государственном уровне касается окончания войны в Персидском заливе 1991 года, когда иракские военные, отступая из Кувейта, преднамеренно подожгли около 700 нефтяных скважин, открыли клапаны на нефтяном терминале Си-Айленда и выпустили сырую нефть из кувейтских нефтяных скважин, нефтяных терминалов и танкеров. Эта акция серьезно загрязнила почву и морскую среду Персидского залива. Подсчитано, что в эти воды попало до 11 млн. баррелей сырой нефти [1. P. 233-248]. Такую войну определенно можно назвать «экологическим преступлением».

Государственный экотерроризм в мирное время.

Внутренний экотерроризм.

В более затруднительном положении оказывается государство, проводящее антиэкологическую политику в мирное время. В этом случае очень сложно подобрать доказательства оправданности своих действий и тогда нужно разрабатывать комплексную государственную политику, предполагающую для достижения политических целей воздействия на окружающую среду. Политика государственного экотеррроризма также имеет свою специфику в зависимости от того, на какой территории находится объект воздействия. Если угрозе подвергается окружающая среда собственного государства, то следует говорить о *внутреннем государственном экотерроризме*. Подобный экотерроризм получает развитие в странах с административно-командной системой.

Гибель Аральского моря представляет собой один из примеров разрушительных последствий проведения административно-командной политики, при которой решающим фактором в расстановке государственных приоритетов становились преимущественно политические цели. Природные факторы рассматривалась в качестве средства для реализации политических замыслов. В 1918 году советское правительство постановило, что в засушливых районах пустынь, вдоль рек Амударья и Сырдарья, в больших количествах будет выращиваться хлопок, который станет «белым золотом», основой экономики республик Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. Уже в 1930-х годах для подобных хозяйственных целей началось массовое строительство оросительных каналов, которое проводилось против всех правил гидрологического искусства. Главный лозунг того времени – «повернем реки вспять» стал не столько экономическим, сколько политическим. Подобным образом обосновывалась способность политической системы не просто изменить экосистему, а подчинить ее себе. Начиная с 1961 года, уровень моря начал понижаться с возрастающей скоростью от 20 до 80-90 см/год. В 1989 году

море распалось на два изолированных водоема – Северное (Малое) море и Южное (Большое)море. А к 2017 году Южный Арал практически высох, оставив после себя пустыню Аралкум [13].

В настоящее время на высохшем дне регулярно возникают пыльные бури, которые разносят соли, яды и пестициды вплоть до таких городов как Кызылорда (до 17 июня 1997 года Кзыл-Орда), Байконур, Шалкар, Нукус, что негативно сказывается на здоровье людей и животных, вызывая у них заболевания органов дыхания [13].

Огромные опасения вызывает остров Возрождения (1), который в советское время служил полигоном бактериологического оружия. В южной части острова находилась площадка, на которой распылялись аэрозольные компоненты биологического оружия, кроме того испытывались специальные бомбы, начиненные болезнетворными микробами. В качестве биопатогенов использовали сибирскую язву, туляремию, бруцеллез, чуму, сыпной тиф, кулихорадку и венесуэльский лошадиный энцефалит [10]. Из-за обмеления Аральского озера остров Возрождения больше не окружает вода, и опасные микроорганизмы, сохранившие жизнеспособность могут попасть в окружающую среду. Многие грызуны являются естественными переносчиками многих инфекционных заболеваний и при отсутствии водяного барьера между островом и континентальной частью возрастает возможность их миграции и дальнейшему заражению других популяций, включая и человеческие. Экологическая катастрофа не только разрушила экосистему, но и обострила проблемы испытания биологического оружия.

Проблема заключается не только в пагубных последствиях самой экологической катастрофы, но и в спровоцированном ею более масштабном распространении патогенов, используемых в биологических экспериментах. Таким образом, антиэкологическая политика с одной стороны и государственные военные разработки биологического оружия с другой сошлись в трагедии Аральского озера.

Страной, в которой природные экосистемы значительно пострадали в результате государственной политики в конце XX – начале XXI века стал Ирак. В 1991-2003 годах президент Ирака Саддам Хусейн преследовал «маданских» болотных арабов, а также противников его правления, бежавших в болота, для того, чтобы не допустить любое шиитское политическое восстание. Иракские болота были самой крупной экосистемой водно-болотных угодий на Ближнем Востоке. В результате их осушения к 2003 году около 90% площади болот были преобразованы в голые земли и соляные корки, а численность населения Мадана сократилась примерно с 250 000 человек в 1991 году до 20 000 в 2003 году [7].

Внешний экотерроризм.

Если государственная политика одного государства направлена на эксплуатацию природных ресурсов другого и, кроме того, находит у него все-

стороннюю поддержку, то следует говорить о *внешнем государственном ненасильственном экотерроризме*. В этом случае «государство-жертва», как правило экономически заинтересовано в получении прибыли даже ценой собственной экологии, следовательно, жертвой можно считать только природные ресурсы, включая и человеческие, а государство в своей политики ничем не отличается от «государства-агрессора».

3 декабря 1984 года в индийском Бхопале, столице штата Мадхья-Прадеш на заводе по производству удобрений произошла одна из крупнейших в истории техногенных катастроф. Завод в Бхопале выпускал инсектицид севин. Необходимый для его выпуска метилизоцианат является одним из самых высокотоксичных веществ, применяемых в промышленности. Он более токсичен, чем хлор и фосген. Отравление метилизоцианатом вызывает быстрый отек легких. Он воздействует на глаза, желудок, печень и кожу.

Авария произошла из-за попадания воды в цистерну, скорее всего, по ошибке плохо обученного персонала во время обычной промывки заводского оборудования. Но при соблюдении всех правил системы безопасности попадание воды еще не гарантировала катастрофы. В результате выброса в атмосферу около 42 тонн ядовитых паров токсичного газа метилизоцианата в первые сутки погибли до 4000 человек. От последствий инцидента в разные годы умерло порядка 15000-18000 человек. В общей сложности от воздействий химикатов на организм пострадали около 600000 жителей Индии [14].

Наиболее удобной для руководства компании стала версия о террористическом акте. Предполагалось, что уволенный рабочий устроил саботаж и специально налил воду в цистерну с метилизоцианатом. Но доказательств этой версии предоставлено не было. Зато расследование аварии выявило огромное количество нарушений мер безопасности. Но только на халатность списать политику компании было бы несправедливо. Термин «преступная халатность» в данном случае неприемлем, поскольку с момента основания производства политика компании осознанно была направлена на экономию любых средств ради достижения высокой прибыли. Подобные действия могли получить официальное одобрение только в странах третьего мира, где традиционно окружающая среда является не объектом сохранения, а способом выживания.

Отсутствие необходимых аналитических методов, обширной системы мониторинга и соответствующих систем безопасности на случай аварии, а главное – изменение технологии предприятия на более опасную, но дешевую стали основой преступной экономической политики американской компании в отношении химического производства в Бхопале, приведшей к крупнейшей техногенной катастрофе.

Политику государственного экотерроризма, проводимая либо на своей отдаленной территории (Французская Полинезия для французов), либо

на дружественной, не получающей никакой политической и экономической выгоды (бикинийцы для США) можно назвать «колониальной». Во второй половине XX века Франция приобрела статус ядерной державы. Для испытаний ядерного оружия необходимы были новые полигоны, которыми континентальная Франция не обладала, поэтому было решено начать исследование возможностей ядерных ракет на островах Тихого океана, которые с XIX века находятся в колониальной зависимости от Франции и известны под названием Французская Полинезия. В качестве основного полигона для испытаний в 1966 году был выбран атолл Муруроа. ВМС США также активно использовали атоллы Полинезии, в частности атолл Бикини, входящий в состав Маршалловых островов, для экспериментов с ядерным оружием. Ради «безопасности» испытаний жители атолла были эвакуированы на другие острова, но после того как американцы прекратили свою ядерную программу на Бикини в середине 1970-х годов, жителям острова разрешено было вернуться. В результате многие местные жители перенесли раковые заболевания, от которых умерло около 840 человек [18].

Организацией «Гринпис» планировалось проведение мощной акции протеста против происходящего в Полинезии. Но государственные структуры стран, проводивших ядерные эксперименты, препятствовали экологам. В июле 1985 года французская разведка в целях устрашения экологических организаций потопила почти опустевший (2) корабль «Гринпис» под названием «Радужный воин», оказывавший помощь в эвакуации и переселении коренных жителей атолла Ронжелап на Маршалловых островах. Эти люди страдали от длительного радиационного облучения, вызванного последствиями ядерных испытаний США на атолле Бикини [3].

Подобную политику можно считать уникальной в том плане, что в ответ на мощное протестное движение среди экологов были инициированы диверсионные действия уже против своих экологических оппонентов. Экологический терроризм на государственном уровне был усугублен целенаправленными террористическими актами против экологических организаций.

Экологические катастрофы как последствия преступной халатности и преднамеренной террористической атаки.

Преступная халатность, или непреднамеренный экотерроризм.

Крупные промышленные аварии по всему миру и их разрушительные последствия могут создавать предпосылки для возникновения версий о спланированных диверсионных операциях. В случае со взрывом на заводе в Бхопале предположение об умышленном саботаже уволенного рабочего явно не имела под собой серьезных оснований и была выдумана руководством компании в качестве снятия с себя ответственности за происшедшее. Но в мире происходят крупные экологические катастрофы, происхождение которых так и остается до конца невыясненным, а версии о террористической атаке не кажутся неправдоподобными.

Преступную составляющую многих катастроф достаточно сложно доказать. Для выявления злого умысла необходимо выявить всех заинтересованных субъектов и обосновать их причастность к преступлению. Факты говорят о наличии тех или иных повреждений, но злоумышленники могут быть настолько изощренными, что многие искусственно спровоцированные катастрофы так и остаются нераскрытыми. Процесс расследования экологических катастроф часто заканчивается формулировкой «вследствие преступной халатности», которую, несмотря на отсутствие преступного умысла можно назвать *«непреднамеренным» экотерроризмом*. К этой категории терроризма вполне можно отнести выбросы загрязняющих веществ в атмосферу, сброс в водные объекты и вывоз на несанкционированные свалки. В этом случае нельзя говорить о спланированной цели нанесения вреда окружающей среде и здоровью людей. Но лица, осуществляющие подобную деятельность, прекрасно осведомлены о возможных «антиэкологических» последствиях.

К числу непреднамеренных ошибок и просчетов, повлекших за собой крупномасштабные нарушения на уровне экологического терроризма можно отнести, например, чернобыльскую катастрофу. Чернобыльская ядерная авария в 1986 году была исключительным событием, которое привело к обширному радиоактивному атмосферному шлейфу, охватившему западную часть бывшего Советского Союза и большую часть Европы. Хотя непосредственное число погибших было меньше 50 человек, ежегодно от воздействия радиации гибнут тысячи. Разрыв скважины BP offshore oilrig в апреле 2010 года привел к тому, что примерно 4,9 миллиона баррелей сырой нефти утекли в Мексиканский залив за 3 месяца. Хотя официальная версия звучала как «несчастный случай», это событие показало, насколько уязвимыми для нападения могут быть такие нефтяные вышки в открытом море.

Одна из последних, катастроф, произошедших в результате преступной халатности – авария на ТЭЦ-3 Норильско-Таймырской энергетической компании (НТЭК, дочерняя компания ГМК «Норильский никель»), произошедшая 29 мая 2020 года. Из-за проседания свай фундамента произошла разгерметизация одного из резервуаров, и на проезжую часть технологической дороги вылилось дизельное топливо. Всего разлилось около 21 000 т нефтепродуктов. Экологи «Гринпис» сравнили масштаб катастрофы с аварией танкера Exxon Valdez у берегов Аляски в 1989 году (тогда в море вылилось около 35 000 т. нефти). По их оценке, ущерб водным ресурсам может оказаться более 6 млрд рублей. Глава Росприроднадзора Светлана Родионова предварительно оценила ущерб в «не один десяток, возможно, сотни миллиардов рублей» [12]. А масштабный ущерб для всей экологии Арктики трудно переоценить. Его последствия будут давать о себе знать еще не одно десятилетие. Парадоксально, но власти узнали об аварии только через два дня после происшествия благодаря появлению тревожной информации в социальных сетях.

Преступная халатность, или теракт?

Под категорию «непреднамеренного» терроризма часто подпадают и запланированные террористические акции. Расследования их причин так и остаются без ответа на вопрос «диверсия, или преступная халатность?»

В 2001 году произошел взрыв 300 тонн нитратов аммония на заводе удобрений AZF в Тулузе, во Франции. В результате аварии погибли 30 человек, 2500 получили тяжелые и 8000 – легкие ранения. Причиной катастрофы стала детонация 300 тонн нитрата аммония (селитры). Но нитрат аммония в гранулах в обычном состоянии не взрывоопасен. Как поясняют эксперты-химики, работавшие на месте катастрофы, нитрат аммония, применяемый в сельском хозяйстве как удобрение, способен взорваться лишь при нагревании до 200°С. Таким образом, одна из первоначальных версий, по которой причиной взрыва мог быть случайно брошенный окурок, вероятнее всего несостоятельна. Тогдашний министр окружающей среды Франции Ив Коше, основываясь на информации, собранной в ходе первоначального расследования отметил, что это мог быть теракт [15]. В пользу этой версии говорит тот факт, что один из погибших, найденных рядом с ангаром 221, состоял в одной из исламистских группировок. Однако впоследствии никаких убедительных оснований для подозрений найдено не было. В 2007 году было официально признано, что подозреваемый работник погиб за несколько секунд до взрыва от удара электрического тока [9]. В качестве еще одного аргумента против террористической версии отмечается, что до сих пор никто не взял на себя ответственность за взрыв. Показательно также, что специалисты антитеррористического отдела парижской прокуратуры к следственной работе привлечены не были [15]. Эксперты полагали, что при рассмотрении причин аварии возникает множество вопросов, и версию о теракте полностью отбрасывать нельзя [9].

В 2010 году около 600 000 литров (5100 баррелей) бензина и нефти были сброшены в итальянскую реку Ламбро (Lambro) с нефтеперерабатывающего предприятия Lombarda Petroli близ городка Вилласанта (Villasanta) Миланской провинции. «Речь идет о настоящей и беспрецедентной для нашей местности катастрофе, с тяжелейшими последствиями для окружающей среды. Это преступный акт, виновников которого скрывают представители компании», – заявил президент миланской провинции Дарио Аллеви (Dario Allevi) [16].

Администрация компании заняла жесткую позицию противодействия расследованию чрезвычайного происшествия, поэтому обстоятельства утечки нефти и мазута из трех нефтехранилищ Lombarda Petroli до сих пор остаются неясными. На территорию предприятия не были допущены представители полиции, службы гражданской обороны, лесной охраны и финансовой гвардии. Кроме того, наблюдалась попытка занижения объемов сброшенных в реку нефтепродуктов до 2,5 тысячи кубометров [11].

В сообщениях указывалось, что этот разлив был вызван диверсией [2]. По мнению полиции, опасный инцидент был заранее спланирован, поскольку для сброса такого количества нефтепродуктов в реку нужно было прекрасно знать техническое устройство ряда машин и механизмов предприятия.

Так или иначе, но последствия инцидента для экосистемы этого региона Италии действительно оказались катастрофическими.

***

Создание системы мер по предотвращению глобальных экологических катастроф должно входить в программу обеспечения международной экологической безопасности и предполагает защиту окружающей среды, включая и человеческие ресурсы от потенциальных или реальных угроз, создаваемых губительной государственной политикой, террористическими актами, а также последствиями стихийных бедствий.

Экологические катастрофы как следствия «разумной» деятельности человека, катастрофы, которые, в большинстве случаев, можно было предотвратить, по праву можно считать экологическими преступлениями терроризма с разной степенью ответственности. Государственный экотерроризм предполагает ответственность всего государства перед окружающей средой и человечеством за проведение антиэкологической политики. За экологические диверсии несут ответственность экстремистские организации, использующие эффект от экологических катастроф в экономических или политических целях. Непреднамеренный экотерроризм, или преступная халатность возникает в результате снижения ответственности при несоблюдении элементарных правил при производстве работ с экологически опасными веществами; при обращении с вредоносными биопатогенами и токсинами; при ненадлежащей охране природных объектов, и приводит, в итоге к тотальному загрязнению окружающей среды. Выяснение причин и детальный анализ каждой экологической катастрофы является чрезвычайно важным и ответственным инструментом в прогнозировании и предотвращении разрушений мировых экосистем и становится важным элементом формирования системы экологической безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Остров Возрождения – бывший остров в юго-западной части Аральского моря. После распада СССР территория бывшего острова Возрождения была разделена между двумя государствами: южная часть принадлежит Узбекистану, северная часть – Казахстану.

(2) Португальский фотограф Фернандо Перейра вспомнил, что оставил в каюте «Радужного воина».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Al-Damkhi A.M., Abdul-Wahab S.A., Al-Khulaifi N.M.* (2009) Kuwait's 1991 environmental tragedy: lessons learned. Disaster Prev Manage 18.

2. BBC (British Broadcasting Corporation) (2010) Italy oil spill reaches River Po // http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8534422.stm.

3. *Brown P.* (2005) Felling of a warrior. The Guardian (London) // http://www.guardian.co.uk/environment/2005/jul/15/activists.g2.

4. *Dutch S.I.* (2009) The largest act of environmental warfare in history. Environ Eng Geosci 15.

5. *Schofield T.* (1999) The environment as an ideological weapon: a proposal to criminalize environmental terrorism. Boston Coll Environ Aff Law Rev 26.

6. *Sproat P.A.* (1991) Can the state be terrorist? Terrorism 14.

7. UNEP (2001) The Mesopotamian marshlands: demise of an ecosystem. Early warning and assessment technical report, UNEP/DEWA/TR.01-3 Rev. 1. Division of Early Warning and Assessment, United Nations Environment Programme, Nairobi.

8. *Westing A.H.* (1985) Environmental warfare. Environ Law 15.

9. https://industrial-disasters.ru/disasters/vzryv-himkombinat-v-tuluze-2001/.

10. https://newsland.com/community/129/content/biologicheskoe-oruzhie-sssr-poligon-aralsk-7-tainy-ostrova-vozrozhdeniia/2297455.

11. https://ria.ru/20100224/210636514.html.

12. https://yandex.ru/turbo/s/forbes.ru/obshchestvo-photogallery/402193-krupney-shaya-katastrofa-v-arktike-chto-izvestno-o-razlive-topliva.

13. https://zen.yandex.ru/media/lubopitnij_facti/aralskaia-katastrofa-prichiny-i-posledstviia-gibeli-odnogo-iz-samyh-krupnyh-vodoemov-5a79aa219d5cb-3539bae62dd.

14. https://www.gazeta.ru/science/2019/12/02_a_12844340.shtml?updated.

15. https://www.kommersant.ru/doc/284255.

16. http://www.oilru.com/news/163838/.

17. https://von-hoffmann.livejournal.com/253719.html.

18. https://topwar.ru/144618-kto-vzorval-voina-radugi.html.

E.N. KARATUEVA
Candidate of political science,
associate Professor of the Department of management
of socio-political processes and history of the Saint
Petersburg state agrarian University,
Saint Petersburg, Russia

ENVIRONMENTAL DISASTERS: CAUSES AND CONSEQUENCES

The article discusses possible causes and consequences of global environmental disasters. The specificity of unintended and planned actions in relation to the environment is studied. The analysis of the largest environmental disasters in history and their classification is carried out. The role of the state in creating a system for preventing and combating ecoterrorism is assessed.

Key words: *ecological disaster, accident, ecoterrorism, criminal negligence.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.018
УДК 327.8
О.А. ХЛОПОВ
кандидат политических наук,
доцент факультета международных отношений
и зарубежного регионоведения Российского государственного
гуманитарного университета (РГГУ),
Россия, г. Москва

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ

Современные глобальные кризисы, проблемы в сферах природопользования, потребления и производства ресурсов актуализировали вопросы экологической безопасности, как на национальном, так и на международном уровне. В статье рассматриваются эффективные модели обеспечения экологической безопасности, даются результаты научных исследований по вопросам теории и практики экологической безопасности, устойчивого развития, связи между изменением климата и международно-политическими процессами. Глобальный климатический режим недостаточно сформирован для уменьшения этих рисков. Автором приводится анализ исследований и рекомендаций, ориентированных на предотвращение угроз экологической безопасности и на политику в области охраны окружающей среды, а также подчеркивается необходимость углубления сотрудничества государств с целью решения экологических проблем.

Ключевые слова: *экологическая безопасность, окружающая среда, изменение климата, геополитика, Парижское соглашение по климату.*

При изучении международных отношений понятие безопасности является ключевой категорией, с помощью которой определяются основные потребности, интересы и угрозы международных акторов. Безопасность является самым спорным предметом в исследованиях о международных отношениях [8. С. 45-57].

В общем традиционном смысле безопасность понимается в контексте угроз, возникающих извне по отношению к государствам как основным участникам международной системы. В современных исследованиях по международной безопасности особое значение уделяется невоенным аспектам, которые обычно недооцениваются авторами реалистической парадигмы. Сторонники либерального подхода сосредотачивают свое вни-

мание не только на национальной безопасности, но и на безопасности отдельных людей и социальных групп. Это заставляет их уделять внимание невоенным угрозам и вызовам, и даже непреднамеренным, то есть тем, которые не созданы людьми, например, силами природы.

В 2004 г. Генеральный секретарь ООН Кофи Анан создал группу высокого уровня, которая продемонстрировала, что бедность, инфекционные заболевания, ухудшение состояния окружающей среды, и транснациональная организованная преступность должны восприниматься как основные проблемы безопасности наряду с распространением оружия массового уничтожения и терроризмом.

Рассматривая такое понимание безопасности, следует отметить, что международная безопасность в XXI веке также определяется вышеупомянутыми невоенными угрозами и вызовами глобального характера, к котором следует отнести – киберугрозы, экономические и энергетические угрозы, миграционные проблемы, экологические угрозы.

В статье дается оценка экологической безопасности в контексте ее связи с ухудшением состояния окружающей среды, а также с геополитикой. В ходе анализа используются теории реализма и либерализма для актуализации экологической безопасности и выявляются типы экологической безопасности, рассмотрен комплекс проблемных вопросов, связанных с использованием природных ресурсов, изменением климата, несовершенством методов управления охраной природной среды.

Изучение экологической безопасности способствует расширению и углублению концепции безопасности, поскольку выживание людей зависит от окружающей среды и от того, насколько ей угрожают природные изменения.

Закон Российской Федерации «Об охране окружающей среды» определяет экологическую безопасность как «состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий» [7].

Научные и политические дискуссии о связях между окружающей средой и правами человека все чаще воспринимают изменение климата как фактор, способствующий увеличению риска, и ключевую международную проблему.

Многие эксперты задавали вопрос: насколько правомерно рассматривать проблемы окружающей среды в контексте безопасности, и что при этом необходимо обезопасить, от каких рисков и в течение какого периода времени?

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 4; 5; 6. С. 674-678].

Однако проблему экологической безопасности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Новые исследования в области экологической безопасности были направлены на решение этих проблем [23. P. 585-602]. Существует значительный объем научных публикаций, посвященных тому, как изменение окружающей среды подрывает национальную безопасность и приводит к насильственным внутренним конфликтам. Кроме того, в течение последних 10 лет наблюдается рост исследований взаимосвязи между экологической безопасностью и бедностью, которые показываю, что экономическое развитие, направленное на сокращение бедности, во многих случаях противоречит устойчивому управлению окружающей средой. Использование природных ресурсов, которые могут эксплуатироваться экологически неустойчивыми способами, уменьшает выгоду для людей, поскольку в долгосрочной перспективе это разрушает окружающую среду, даже если это обеспечивает социальные и экономические выгоды в краткосрочной перспективе. Исследования по экологическим проблемам показали прямую и косвенную связь между ухудшением состояния окружающей среды, бедностью и безопасностью [9. P. 182-202]. Таким образом, важность окружающей среды для человеческого существования является значимым фактором, т.к. она является фундаментальной основой для жизни и экономического развития.

Экологическая безопасность приобрела большее значение в 1960-х гг. по трем основным причинам. Во-первых, эксперты и защитники окружающей среды стимулировали экологическое сознание в развитом мире посредством своих публикаций и пропаганды. Одной из выдающихся работ, которая обратила внимание на важность экологических проблем, была книга Рэйчела Карсона под названием «Тихая весна» (1962 г.) В ней Р. Карсон отметил, что длительное использование вредных пестицидов привело к загрязнению воздуха, земли, рек и морей, и в результате – к значительному необратимому ущербу [11]. Эти негативные последствия не просто связаны с природой, но также могут передаваться людям в виде инфекций и вызывать проблемы со здоровьем.

Во-вторых, возросшее внимание общественности к экологическим проблемам привела к созданию неправительственных организаций, основной задачей которых является решение экологических проблем. Среди известных международных экологических неправительственных организаций, появившихся в 1960-1970-х гг. стали «Всемирный фонд дикой природы», «Друзья Земли» и «Гринпис». Хотя они начали свою работу с проблем развитых страна, они затем расширили географию своей деятельности и сферу компетенции. Они стали лоббировать на национальном, региональном и глобальном уровнях необходимость охраны окружающей среды и сегодня активно участвуют в разработке экологической политики и мониторинга, как в развитых, так и в развивающихся странах.

Продолжающийся рост важности экологических вопросов поместил окружающую среду в политические программы государств. Оспариваемые

дебаты о влиянии эксплуатации природных ресурсов на окружающую среду, активность различных неправительственных организаций и появившейся государственная экологическая политика отражают растущую политизацию окружающей среды.

Такое широкое обращение к проблемам экологии привел к обсуждению геополитики окружающей среды в более широком контексте, где экологические проблемы выходят за пределы территориальных границ национальных государств и требуют совместных подходов для их решения.

Существует большое количество научных работ, которые исследуют *связи между геополитикой и окружающей средой* [3. С. 73; 12. P. 52-58]. Экологические проблемы влияют на международную повестку дня государств, их политику, экономику и отношения друг с другом [1. С. 208]. Экологические проблемы, влияющие на геополитику, это глобальное потепление, повышение уровня моря, загрязнение, истощение природных ресурсов и истощение флоры и фауны в экологической системе.

Дискурс о климатической безопасности является обширным. По мнению австралийского профессора международных исследований Мэтта Макдональда, климатическая безопасность обеспечивает широкие рамки, в которых изменение климата может быть концептуализированно различными способами [17. P. 42-51]. Для того, чтобы экологические вопросы стали приоритетными в повестках дня государств, они должны обсуждаться как «высокие политические вопросы» наряду с дискурсом угроз безопасности. М. Макдональд утверждал, что продвижение экологических угроз в качестве проблем безопасности позволяет рассматривать их как «высокую политику», которая обеспечивает расстановку приоритетов и распределение средств наравне с теми, которые выделяются на традиционные угрозы безопасности. Такой подход призывает к использованию чрезвычайных мер, которые выходят за рамки нормального политического процесса.

С этой целью секьюритизация риторики, касающейся экологических проблем, привела к тому, что изменение климата было обозначено как существенная угроза национальной и глобальной безопасности. Секьюритизация удаляет проблемы из нормального политического процесса и помещает их в специальную секьюритизированную зону, где для их решения используются чрезвычайные меры государств [10]. Поэтому решения государственных субъектов должны быть быстрыми для их решения. Если этот вопрос не будет решен в срочном порядке, тогда выживание экосистемы, людей и животных будут находиться под угрозой, поскольку они могут не выжить. Таким образом, секьюритизация изменения климата привлекла больше внимания к проблемам, влияющим на окружающую среду. Главная цель такой широкой дискуссии направлена на то, чтобы остановить разрушительную антропогенную деятельность в попытке уменьшить негативные экологические изменения. Некоторые ученые утверждают, что глобальное по-

тепление входит в число крупнейших экологических проблем с его побочными проблемами, связанными с беженцами и гуманитарными кризисами [19. P. 869-871]. Повышение уровня моря, потепление моря и повышение температуру воздуха влияют на острова в Тихом океане, а также усугубляют засухи и наводнения. Учитывая эти проблемы, миграция, вызванная изменением климата, является проблемой для государств. Существует современное исследование, которое связывает проблемы беженцев с изменениями климата. Например, проблемы, связанные с изменением климата, были очевидны за несколько лет до кризиса в Сирии. Суровые условия засухи в Сирии в период с 2007 по 2010 гг. привели к снижению сельскохозяйственного производства, что привело к экономическому и социальному расколу среди граждан. В годы засухи 1,5 млн. сирийцев из северных сельских районов были вынуждены бежать в города, чтобы избежать засухи [13]. Это массовое переселение напрягло ресурсы в принимающих городах и оказало давление на правительство, а также привело к перенаселенности, болезням, росту цен и насильственным преступлениям. Кризис сирийских беженцев, когда сирийцы бежали через Турцию в страны Европейского Союза, олицетворяет связь между проблемами беженцев и изменением климата.

Подобно сирийской войне, война в Дарфуре также была вызвана изменением климата. В связи с изменением климата и политическими факторами суданский народ мигрировал в другие регионы Судана, а также бежал в соседние государства, такие как Чад, чтобы избежать засухи и преследований со стороны своего правительства. Несмотря на связь между изменением климата и проблемой беженцев, важно отметить, что другие промежуточные переменные также повлияли. Тем не менее, очевидно, что изменение климата сыграло свою роль во внутренних и внешних миграционных потоках в Сирии, а также в суданских кризисах с беженцами. Руане и Розенцвейг утверждают, что сельскохозяйственные системы быстро меняются, поскольку они перегружены антропогенным изменением климата. Образ жизни и деятельность людей приводят к выбросам парниковых газов и аэрозолей, экологическому разрушению и изменениям в землепользовании [18. P. 161-191]. Кроме того, неспособность найти адаптивные механизмы для смягчения негативных последствий изменения климата может способствовать социальной и экономической нестабильности, которая может, в конечном итоге, привести к массовой климатической миграции, насилию и смерти.

В докладе о глобальной внутреннем перемещении за 2018 год зафиксировано, что перемещение в результате изменения климата перевешивает глобальное перемещение по причине вооруженного конфликта. В 2017 г. наводнения и тропические циклоны стали главными причинами перемещения примерно 19 млн. человек в более чем 130 государствах. Например, граждане Маршалловых Островов, Вануату и Кирибати пострадали от экстремальных погодных условий, таких как приливы и ураганы [21].

Чистая энергия и международное сотрудничество необходимы для замедления негативного воздействия глобального изменения климата. Многосторонние соглашения, такие как Парижское соглашение о глобальном потеплении, играют центральную роль в этом процессе. Парижское соглашение направлено на удержание роста глобальной средней температуры «намного ниже» 2°C и «приложить усилия» для ограничения роста температуры величиной 1,5° С.

Однако в специальном докладе ООН о глобальном потеплении при температуре 1,5°C [22] отмечается, что глобальное потепление, вероятно, достигнет 1,5°C в период с 2030 по 2052 гг., если оно продолжит свой нынешний путь. В августе 2017 г. правительство США опубликовало официальное уведомление о своем намерении выйти из Парижского соглашения. Однако статья 28 Соглашения допускает вывод государства только через 3 года, после чего вывод вступит в силу только через 1 год. Следовательно, выход США вступит в силу к ноябрю 2020 г. Несмотря на позицию США, 194 государства подписали Парижское соглашение. Это свидетельствует о том, что большинство государств, по крайней мере в принципе, понимают важность сохранения окружающей среды и решения проблемы изменения климата.

Концепции экологической безопасности. Существует два основных типа концепции экологической безопасности, которые являются центральными для переосмысления традиционного дискурса безопасности.

Во-первых, это экологическая безопасность. В качестве основополагающих теорий используется зеленая и экологическая теория. Этот подход оценивает последствия и проблемы, которые человеческая деятельность представляет для окружающей среды. В связи с этим основным референтом, подлежащим защите, является экологическая система, а основную угрозу выживанию экологической системы представляют образ жизни и деятельность людей. Эта точка зрения неразрывно связана с выживанием людей, поскольку, только если они остаются частью безопасной среды. Этот подход широко включает защиту всей экологической системы и часто рассматривается как находящаяся на грани основного мышления в области экологической безопасности.

«Общая безопасность» – это второй тип концепции экологической безопасности. Согласно ему, экологические проблемы являются общими проблемами, затрагивающими все государства. Эти проблемы не ограничиваются юрисдикцией границами государств или экономическим статусом стран. К таким проблемам относятся истощение озонового слоя и изменение климата. Основываясь на либеральной теории, эти общие проблемы экологической безопасности должны решаться с использованием коллективного глобального подхода.

Реализм и либерализм в отношении изменения окружающей среды и конфликтов. Теории реализма и либерализма по-разному используются сторонниками разных взглядов на окружающую среду как проблема безопасности.

Ученые использовали реализм как теорию, лежащую в основе взаимосвязи между изменением окружающей среды и насильственными конфликтами. В международных отношениях представители школы политического реализма утверждают, что анархическая международная система поддерживает соперничество между государствами, даже если государства являются суверенными. Нехватка определенных ресурсов и неравномерное распределение власти могут привести к конфликту между государствами (борьба за материальные ресурсы). Используя реализм в качестве теоретической основы, американский профессор Питер Глейк отмечает, что существует связь между ухудшением состояния окружающей среды и насилием [14. P. 17-21].

Критики реализма использовали либерализм и сложную взаимозависимость, чтобы опровергнуть мнение реалистов об изменении окружающей среды и насилии. Сторонники либеральной парадигмы выдвинули идею о том, что торговля может привести к сотрудничеству государств в решении проблемы нехватки ресурсов. По их мнению, такое сотрудничество может смягчить ресурсные межгосударственные конфликты и войны.

Взаимосвязь между ростом населения, ухудшением состояния окружающей среды и насильственными конфликтами. Однако к 1990-м гг. эти отношения были всесторонне изучены в Центре исследований проблем мира и конфликтов им. Трюдо в Университете Торонто в сотрудничестве с Американской ассоциацией развития науки в Вашингтоне и Канадским центром глобальной безопасности в Оттаве. «Проект по окружающей среде, народонаселению и безопасности» (The Project on Environment, Population, and Security) осуществился под руководством директора Центра Томаса Гомером-Диксоном.

В рамках этого Проекта использовались различные тематические исследования для определения существующих связей между ростом населения, нехваткой возобновляемых ресурсов, миграцией и насильственными конфликтами [15]. Было установлено, что в некоторых случаях нехватка возобновляемых ресурсов, таких как вода или лес, порождает насилие и нестабильность. Тем не менее, бедность и технологии являются переменными, которые могут повлиять на дефицит окружающей среды. Например, в бедном и густонаселенном государстве будет больше людей потреблять ресурсы, но также может быть более экологически устойчивый человеческий труд. С другой стороны, в богатых обществах может быть более высокое потребление предметов роскоши, таких как роскошные спортивные внедорожники, которые способствуют увеличению выбросов газа, что ведет к истощению озонового слоя. Кроме того, в исследовании отмечалось, что экологические проблемы обычно смешивается с другими политическими, социальными и экономическими факторами, которые порождают конфликт и нестабильность. Кроме того, «Проект Торонто» обнаружил, что истощение возобновляемых ресурсов приводит к дефициту окружающей

среды. Когда эти ресурсы востребованы, но истощены и, следовательно, ограничены, а также когда они распределены неравномерно, то это ведет к формированию условий для насильственных конфликтов и нестабильности. В связи с этим доминирующая группа может использовать силу для получения ресурсов, в результате чего более слабая группа перемещается в экологически уязвимые районы, чтобы выжить. Как показало исследование, захват ресурсов и экологическая маргинализация являются движущими силами экологического дефицита и, в конечном итоге, ведет к насильственным конфликтам [16].

Одним важным выводом «Проекта Торонто» было то, что проблемы окружающей среды редко приводит к ресурсным войнам между государствами штатами. Однако есть случаи, когда межгосударственный конфликт происходил из-за не возобновляемых ресурсов, таких как нефть и полезные ископаемые. «Проект Торонто» объяснил это различие, отметив, что государствам нелегко быстро перевести возобновляемые ресурсы в экономическую мощь. Кроме того, государства, зависящие от ресурсов, как правило, бедны, и, хотя они могут иметь сильные намерения вступать в конфликты за ресурсы со своими соседями, их способность реализовать такую цель может быть слабой. В исследование, также отмечалось, что вода является наиболее важным возобновляемым ресурсом, который может вызвать межгосударственный конфликт. Тем не менее, чтобы это произошло, должно существовать асимметричное военное положение между государствами-участниками спора, и они должны иметь историю антагонистических международных отношений. В результате проекта был сделан вывод о том, что конфликт из-за водных ресурсов рек может быть, скорее, внутренним, чем международным.

Как и «Проект Торонто», «Цюрихский проект» по окружающей среде и конфликтам (the Zurich-based Project on Environment and Conflict (ENCOP) исследовал связь между ухудшением состояния окружающей среды и насилием. Исследование возглавлялось тогдашним директором Швейцарского института мира Гюнтером Бехлером и было завершено в 1999 г. Используя различные тематические исследования, «Цюрихский проект» обнаружил, что имеются свидетельства об экологических конфликтах. Однако непосредственные причины возникновения таких насильственных конфликтов лежат на сторонах и их соответствующих интересах. Например, было обнаружено, что не опустынивание или нехватка воды привели к насильственным конфликтам, а не адекватные механизмы разрешения конфликтов для решения проблемных областей в сочетании с системным интересом соответствующих сторон, участвовавших в конфликте. Следовательно, как и проект в Торонто, проект в Цюрихе обнаружил, что изменение окружающей среды не является непосредственной причиной конфликта, но может способствовать этому [20].

Таким образом, экологическая безопасность расширила концепцию безопасности в современной науке и общественных дебатах. Проведенные исследования раскрыли понимание взаимосвязи между проблемами окружающей среды и насильственными конфликтами. Ухудшение окружающей среды может привести к конфликту в тех случаях, когда механизмы адаптации слабы и в них участвуют экономические, социальные и политические факторы. Однако, как отмечается в этих исследованиях, изменения окружающей среды не является непосредственной причиной конфликта, скорее, это один из многих факторов, способствующих возникновению социального напряжения.

Кроме того, дебаты по геополитике и окружающей среде возникли как часть более широкого дискурса по экологической безопасности. Как показывают события в Сирии и Судане, изменение климата способствовало кризису беженцев в этих странах и массовой миграции.

Устойчивое международное сотрудничество – это единственный вариант, который государства должны использовать для уменьшения негативных последствий изменения климата. Правительства должны находить национальные, региональные и многосторонние стратегии для решения экологических проблем. Наше коллективное будущее зависит от обеспечения нашей окружающей среды для нас, а также для будущих поколений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алинов М.* Экологическая безопасность: уроки глобального кризиса. LAP LAMBERT Acad. Publ., 2018.

2. *Гассиев З.Н.* Взаимоотношение бизнес и политических элит ФРГ в вопросе защиты климата // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

3. *Дмитриева И.А., Шипельник О.В.* Экологическая безопасность как часть международных отношений. Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2018.

4. *Каратуева Е.Н.* Особенности биологического и экологического терроризма как самостоятельных видов радикализма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 3 (60).

5. *Родионова М.Е.* Экологические вопросы в повестке дня выборов ЕС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 2 (59).

6. *Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Рецензия на статью Е.А. Богдановой «Экологический активизм в Латинской Америке на примере национального парка Ясуни» // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 2 (54).

7. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2020) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/bb9e97fad9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/.

8. *Хлопов О.А.* Система международной безопасности XXI в.: поиск приемлемой теоретической модели // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 1 // https://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/pmorv/PMO/pmo_1_2019.pdf#page=45.

9. *Barnett J.* Environmental Security. In A. Collins (Ed.) // Contemporary Security Studies. 2007. Oxford: Oxford University Press, 2007.

10. *Buzan B., Waever O., de Wilde J.* Security: A new Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998.

11. *Carson R.* Silent Spring. Boston: A Mariner Book, Houghton Mifflin Company, 1962.

12. *Dai A.* Increasing Drought Under Global Warming in Observations and Models // Nature Climate Change. 2013. № 3.

13. *Fountain H.* Researchers Link Syria Conflict to a Drought Made Worse by Climate Change // The New York Times. 2015, 2 March // https://www.nytimes.com/2015/03/03/science/earth/study-links-syria-conflict-to-drought-caused-by-climate-change.html.

14. *Gleick P.* Environment and Security: The Clear Connections // The Bulletin of the Atomic Scientists. 1991. № 47 (3).

15. *Homer-Dixon T.* Environment, Scarcity and Violence. Princeton: Princeton University Press, 1999.

16. *Homer-Dixon T.* Project on Environment, Population and Security. 2018 // https://homerdixon.com/eps/project-description/.

17. *McDonald M.* Discourses of Climate Security // Political Geography. 2013. № 33 (March) // file:///C:/Users/%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%B3/Downloads/Discourses_of_Climate_Security.pdf.

18. *Ruane A., Rosenzweig C.* Climate Change Impacts on Agriculture // Agriculture & Food Systems to 2050, December // https://www.worldscientific.com/action/showCitFormats?doi=10.1142%2F9789813278356_0005&mobileUi=0.

19. *Scheffran J., Brzoska M., Kominek J., Link P., Schilling J.* Climate Change and Violent Conflict // Science. 2012. № 336 (6083).

20. *Spillman K., Baechler G.* Environment and Conflicts Project (ENCOP), International Project on Violence and Conflicts Caused by Environmental Degradation and Peaceful Conflict Resolution. Occasional Paper. 1995. № 14 (September) // http://www.css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/Environmental_Crisis_1995.pdf.

21. The Global Report on Internal Displacement. Internal displacement monitoring centre, Norwegian Refugee Council (NRC), Norway, 2018 // http://www.internal-displacement.org/global-report/grid2018/downloads/2018-GRID.pdf.

22. The Intergovernmental Panel on Climate Change. United Nations Special Report: Global Warming of 1.5. 2018 // https://www.ipcc.ch/sr15/.

23. *Trombetta M.* Environmental Security and Climate Change: Analysing the Discourse // Cambridge Review of International Affairs. 2008. № 21 (4).

O.A. KHLOPOV
PhD in Political Sciences,
Associate Professor of the Department
of International Relations and Foreign Regional Studies,
Russian State University for the Humanities (RSUH),
Moscow, Russia

ENVIRONMENTAL SECURITY IN INTERNATIONAL POLITICS: CHALLENGES AND THREATS

Modern global crises, problems in the spheres of nature management, consumption and production of resources have brought up the issues of environmental safety, both at the national and international levels. The article analyses effective models for ensuring environmental safety, provides the results of scientific research in the theory and practice of environmental safety, sustainable development, the relationship between climate change and international political processes. The global climate regime is not sufficiently formed to mitigate these risks, and modern environmental challenges. The author provides analysis of a number of studies and recommendations focused to prevent the threats to environment and to carry out policy in the field of environmental protection, as well as the need for deep cooperation between states in order to solve environmental problems.

Key words: *ecological security, environment, climate change, geopolitics, Paris climate agreement.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.019
УДК 32.327
О.Ю. ДУБРОВИНА
кандидат политических наук, доцент,
координатор Национального союза политологов России,
Россия, г. Москва
В.С. ПЛОТНИКОВ
кандидат социологических наук, доцент,
доцент Сибирского государственного университета
путей сообщения, Россия, г. Новосибирск

ПРИГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ОСОБЕННОСТИ, ПРОЦЕССЫ И ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ЕГО РАЗВИТИЕ

В статье анализируется феномен приграничного сотрудничества в контексте глобализации и регионализации, особенности, процессы и факторы, влияющие на его развитие. Рассмотрение приграничных связей, как результата становления многоуровневой системы международных отношений, позволяет выявить их природу, вытекающую из процессов глобализации и регионализации. Развитие глобализации приводит к прозрачности и проницаемости межгосударственных границ, а значит к свободному перемещению людей, товаров, услуг, капиталов, финансовых потоков и т.д., а регионализация развивает процесс достижения регионами статуса самостоятельности и законности (институциональности), в том числе и в сфере международной деятельности. Регионализация является основой приграничного сотрудничества.

Исследование исторических, правовых, экономико-географических факторов, влияющих на приграничное сотрудничество, позволяет выявить его особенности.

Ключевые слова: *приграничное сотрудничество, приграничные связи, международные отношения, глобализация, регионализация, особенности, процессы, факторы.*

Согласно данным Организации Объединенных Наций в мире порядка 200 государств, 193 из них являются членами ООН. Каждая страна имеет свои границы, в рамках которых осуществляется ее государственный суверенитет, и каждая граничит с другими государствами. Долгое время границы государств носили барьерный характер, но после Второй мировой войны ситуация в мире изменилась, и страны начали осуществлять активное со-

трудничество друг с другом, в том числе и с сопредельными государствами, через развитие приграничного и трансграничного сотрудничества. Границы стали носить не только барьерный, но и контактный характер.

Актуальность данной научной статьи обусловлена тем, что приграничное сотрудничество постоянно меняет свои формы и содержание, на него оказывают влияние процессы, идущие в мире, и факторы, находящиеся в постоянной динамике.

К исследованию проблем приграничного сотрудничества проявляют научный интерес ученые России. Ключевые аспекты международных отношений исследованы в трудах академика О.Т. Богомолова. В своих работах он показывает, что «…мир меняет свое лицо, порой до неузнаваемости. Меняется мировой порядок и геополитическая обстановка. Возникает иная конфигурация международных отношений…» [1. С. 31-44; 2. С. 7-14; 3].

Большое значение для исследования проблем международных отношений и приграничного сотрудничества имеют исследования ученых МГИМО (У) МИД России под руководством академика А.В. Торкунова [19]. В их исследованиях сочетаются региональный и проблемный подходы к международным отношениям. В трудах исследуются теория, система и структура современных международных отношений.

Важные теоретико-методологические подходы к глобализации и регионализации разработаны в трудах член-корреспондента РАН А.А. Громыко [9. С. 12].

Большой вклад в разработку проблем экономической глобализации и евразийской интеграции, в формирование региональной политики, развитие регионоведения и приграничного сотрудничества внес Л.Б. Вардомский [4; 5. С. 23-40; 6. С. 91-104; 7; 8. С. 121-123].

Среди российских ученых, исследующих проблемы регионализма и федерализма, развития и сотрудничества регионов государств, вопросы их территориального устройства следует выделить профессора Н.П. Медведева [13. С. 19-31; 14. С. 40-59; 15. С. 26-35; 16. С. 97-102; 17].

Исследователи О.В Плотникова и О.Ю. Дубровина рассматривают концептуальные подходы к анализу проблем международного сотрудничества регионов государств, изучают систему, особенности и практику международных связей регионов, разрабатывает теорию МСР, исследуют влияние глобализации и регионализации на международное сотрудничество субнациональных регионов [10. С. 192; 11. С. 272; 12. С. 68-78].

Проблемы приграничного сотрудничества регионов России изучает В.С. Плотников [18. С. 93-101].

Целью настоящей работы является изучение приграничного сотрудничества и его особенностей, анализ процессов и факторов, влияющих на его развитие.

Целевая направленность обусловила необходимость исследования следующих задач: проанализировать изменение форм и содержания пригра-

ничного сотрудничества, изучить, как на него влияют процессы, идущие в мире, и факторы, находящиеся в постоянной динамике.

Научная новизна исследования состоит в анализе приграничного сотрудничества через изменение его форм и содержания, факторов и процессов, идущих в мире.

Формы и содержание приграничного сотрудничества, и его изменение зависит от целого ряда факторов и процессов. Какие факторы влияют на него? К ним можно отнести исторические факторы, правовые, географические, экономические, языковые, этнические и другие.

Исторические факторы. История развития приграничного сотрудничества берет начало с середины 40-х годов XX века, когда после окончания Второй мировой войны перед государствами Европы встала проблема восстановления разрушенного войной хозяйства. Это касалось и стран победительниц, и стран побежденных. Война принесла разруху, особенно европейским государствам. Ни одна страна не могла самостоятельно справиться с этими проблемами, оставался только один выход – объединять свои усилия. Объединение усилий по восстановлению разрушенного войной хозяйства началось с сотрудничества государств, в том числе и приграничного, сначала на двусторонней основе, а затем и многосторонней основе, в рамках создаваемых международных организаций, таких как Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), учрежденная в 1948 году, Совет Европы, созданный в 1949 году, Европейское объединение угля и стали (1950 год), Европейское экономическое сообщество (1957 год) и другие. Таким образом, одной из первых форм приграничного сотрудничества было межгосударственное сотрудничество на основе двусторонних и многосторонних отношений.

Проблемы, которые существовали на границах государств, в большей степени касались людей, проживавших в приграничных регионах, сообществах и городах. Очень часто на решение этих проблем из центра уходило много времени, а их согласование между странами, которые были по обе стороны границы, не всегда решались оперативно. Приграничные регионы и города лучше знали свои проблемы и в большей степени были заинтересованы в их решении. Тогда и возникла идея разрешить приграничным регионам и городам устанавливать связи с сопредельными регионами соседних государств и решать совместно имеющиеся проблемы. Эти вопросы были обсуждены странами на заседаниях Совета Европы и ЕЭС, и было принято решение создать межрегиональные международные организации, в рамках которых объединить приграничные регионы, с целью организации и координации приграничного сотрудничества. В 1951 году был создан Совет европейских муниципалитетов, в 1971 году была учреждена Ассоциация европейских приграничных регионов (АЕПР), в 1984 году – Совет европейских муниципалитетов и регионов (СЕМР), в 1985 году была создана

Ассамблея Европейских Регионов (АЕР), в 1993 году – Комитет регионов (КОР) в рамках Евросоюза, в 1994 году – Конгресс местных и региональных властей Совета Европы (КМРВСЕ) и др. Как видим, в 70-90 годы XX века приграничное сотрудничество приобрело две новые формы – межрегиональное и межмуниципальное сотрудничество на двусторонней и многосторонней основе.

Правовые факторы. Большую роль в развитии приграничного сотрудничества играет такой фактор, как наличие правовых документов, регулирующих данный вид сотрудничества. Следует отметить, что правовое регулирование приграничного сотрудничества осуществляется на нескольких уровнях: международном, государственном, межгосударственном, региональном, межрегиональном и муниципальном.

К важным документам международного характера, регулирующим приграничные связи, относится Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Она была принята Советом Европы в 1980 году в Мадриде (1), а Дополнительный протокол к ней в 1995 году [21].

Вторая статья дает определение: «Приграничное сотрудничество – это согласованные действия, направленные на укрепление и поощрение добрососедских отношений между территориальными сообществами и властями (регионами государств), находящимися под юрисдикцией двух или более Договаривающихся Сторон, и заключение любых соглашений и договоренностей, необходимых для достижения целей» [22].

В Конвенции говорится, что приграничное сотрудничество осуществляется в рамках полномочий территориальных сообществ и властей, определяемых внутренним правом каждой из Сторон. Объем и характер таких полномочий не может быть изменен настоящей Конвенцией [22].

Из данного определения, во-первых, следует, что приграничные отношения могут осуществлять не только государства, но и их регионы, и во-вторых, в определении заложена двойственность приграничного сотрудничества, связанная с национальным и международным характером приграничных отношений.

Дополнительный Протокол укрепил рамочную Конвенцию, четко признав право не только государств, но и их территориальных сообществ и властей осуществлять приграничные связи, а соглашения, подписываемые регионами, имеют силу внутреннего права.

Данными документами регионам предоставлялось право на основе двусторонних договоров создавать любые органы и институты по приграничному сотрудничеству.

Директивой, принятой Советом Европы в 1972 году, определялась приграничная зона и ее размеры. В определении было сказано, что приграничная зона – это «территория, не превышающая 15 км в ширину, с точкой

отсчета от границы соседнего государства. Каждое государство должно включить в приграничную зону любое сообщество, территория которого хотя бы частью находится в данной зоне» (2).

Следующим шагом, который был сделан Советом Европы, стало разрешение муниципалитетам, находящимися на границе государств, на осуществление приграничного сотрудничества. Это право было закреплено в 1985 году в Европейской хартии местного самоуправления [23]. В Хартии было сказано, что органы местного самоуправления могут сотрудничать с органами местного самоуправления других государств на условиях, устанавливаемых законами страны, или вступать в какую-либо международную ассоциацию органов местного самоуправления. Таким образом, в международных документах было определено, что приграничное сотрудничество может иметь три уровня – межгосударственный, межрегиональный и межмуниципальный.

Если говорить о государственном уровне документов, регулирующих приграничное сотрудничество, то в качестве примера можно рассмотреть Россию. В Российской Федерации можно выделить два уровня документов, регулирующих приграничное сотрудничество – государственный и региональный уровень. К государственному уровню относятся: Конституция Российской Федерации, законы страны, указы президента и постановления правительства. На региональном уровне приграничное сотрудничество регулируют конституции и уставы субъектов Российской Федерации, а также региональные законы.

Одним из первых российских документов можно назвать Федеральный закон «О государственной границе Российской Федерации», принятый в 1993 году [24]. В нем была определена ширина приграничной зоны России, равная 5 километрам.

Большую роль в регулировании приграничного сотрудничества играет Федеральный закон Российской Федерации «О координации международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации», принятый в январе 1999 года, который определяет механизм регулирования международных связей регионов России и дает определение: «международные связи – это связи регионов государств, осуществляемые в торгово-экономической, научно-технической, экологической, гуманитарной, культурной и иных областях с иностранными партнерами» [25].

Федеральный закон, в соответствии со статьями 71, 72 и 73 Конституции России, определял порядок и координацию осуществления международных связей регионов, в том числе и приграничного характера [25].

Приграничное сотрудничество было определено одним из приоритетных направлений внешней политики России, о чем сказано в Концепции внешней политики страны, утвержденной Указом Президента в ноябре 2016 года [26].

Основополагающим в данной сфере является Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 179-ФЗ «Об основах приграничного сотрудничества» [27]. В нем даются основные понятия (статья 2): приграничного сотрудничества (3), приграничных субъектов Российской Федерации (4), муниципальных образований приграничных субъектов (5), территории приграничного сотрудничества (6), субъектов приграничного сотрудничества (7), субъектов приграничного сотрудничества сопредельных государств (8), соглашений о приграничном сотрудничестве (9), территорий приграничного сотрудничества сопредельных государств (10) и другие.

На уровне субъектов Российской Федерации приграничное сотрудничество регулируется конституциями республик и уставами краев и областей, а также региональными законами, регулирующими международное, в том числе и приграничное сотрудничество.

Говоря о приграничном сотрудничестве, мы помним, что по ту сторону границы расположено другое государство, с его регионами и муниципалитетами, и там, в сопредельном государстве, есть свои законы на государственном, региональном и муниципальном уровне, которые регулируют приграничное сотрудничество. Но осуществиться приграничное сотрудничество сможет только после подписания межгосударственных соглашений.

Экономико-географические факторы. На развитие приграничного сотрудничества большое влияние оказывают экономико-географические факторы.

Географический фактор – это географическое положение страны или региона, климат, природные ресурсы, этнический состав населения и особенности национальной культуры.

Географические факторы тесно связаны с экономическими факторами, определяющими приграничное сотрудничество. К ним относят факторы производства (накопление физического и человеческого капитала), и внешнюю торговлю (11).

Помимо указанных факторов на развитие приграничного сотрудничества большое влияние оказывают *мировые процессы*. К ведущим трендам современности относят глобализацию и регионализацию.

Развитие *глобализации* приводит к прозрачности и проницаемости межгосударственных границ, а значит к свободному перемещению людей, товаров, услуг, капиталов, финансовых потоков и т.д. Возникает необходимость принимать единые правовые нормы, принципы, создавать соответствующие межгосударственные, национальные, региональные и межрегиональные институты по урегулированию и координации приграничного сотрудничества. Это приводит к усилению взаимосвязи и взаимозависимости государств.

Для приграничных отношений большое значение имеет интенсивность процессов *регионализации* сопредельных государств, а приграничное сотрудничество выступает как элемент регионализации, связанный с глобализацией.

Авторы определяют регионализацию как процесс регионального структурирования пространства в пределах одного государства, как процесс достижения регионами статуса самостоятельности и законности (институциональности), в том числе и в сфере международной деятельности. Регионализация является основой приграничного сотрудничества.

Известные ученые Р. Маскелл (P. Maskell) и Дж. Терквист (G. Tornqvist) считают, что приграничное сотрудничество – это форма регионализации, которая нейтрализует национальные границы и разрушает края национальных государств [20].

При приграничном сотрудничестве происходит двойная передача полномочий регионам: по вертикали сверху – вниз от государственных структур к региональным, и по горизонтали – от региона одного государства, к региону другой страны. Таким образом, приграничное сотрудничество содействует развитию как вертикальной (традиционной), так и горизонтальной регионализации. В первом случае – это проявление децентрализации, во втором случае – это развитие международных связей между регионами и муниципалитетами. В результате горизонтальной (приграничной) регионализации понятие «международный» стремится к замене понятием «транснациональный».

Приграничное сотрудничество можно рассматривать и как региональное проявление интеграции и для ее осуществления важно знать особенности региона, выбранного для сотрудничества. Так, для исследования приграничных связей западных регионов России необходимо изучить особенности развития европейского региона, его субрегионов, например, субрегиона Балтийского моря, выявить закономерности и особенности их развития, а потом определять направленность приграничного сотрудничества.

Основными целями приграничного сотрудничества является: сохранение территориальной целостности государства, повышение уровня жизни населения, проживающего на приграничной территории.

Приграничные отношения имеют свои особенности:

Они определены двойным дуализмом. Во-первых, приграничные регионы являются частью государственных систем порубежных сран, а значит, определяются внутренней и внешней политикой данных государств, их государственным устройством и политикой приграничного сотрудничества.

Во-вторых, приграничные отношения, осуществляемые на территории определенного государства, с одной стороны, подчинены национальному законодательству, а с другой, они являются разновидностью международной деятельности, а значит, осложнены иностранным элементом. Такая сложная природа приграничного сотрудничества обусловливает и необходимость соответствующего правового регулирования, а также учета разграничения полномочий и предметов ведения в сфере международного сотрудничества между государственными и региональными структурами.

Приграничное сотрудничество предполагает наличие общей границы, оно характерно для соседствующих государств и регионов и позволяет осуществлять совместное решение проблем, существующих в порубежье.

Благодаря приграничному сотрудничеству, сопредельные страны и регионы получают возможность для решения проблем пограничья. Особенность данного вида сотрудничества связана также и с тем, что оно может осуществляться только на фоне добрососедских и стабильных отношений между сопредельными странами.

Приграничные связи предполагают наличие возможности относительно свободного перемещения через границу людей, товаров и услуг, для чего необходимо достаточное количество пропускных пунктов, транспортных коммуникаций, соответствующей инфраструктуры и т.д.

Приграничное сотрудничество требует правового регулирования, в том числе и заключения международных договоров и соглашений и признание правосубъектности любого органа по приграничному сотрудничеству, который создается в соответствии с соглашением о сотрудничестве.

Приграничное сотрудничество сильно различается не только от страны к стране, но и на разных участках конкретной межгосударственной границы, отражая влияние разнообразных факторов – политических, экономических, географических, культурных и т.д.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что приграничное сотрудничество под влиянием глобализации и регионализации, а также различных факторов активизирует деятельность порубежных регионов, становиться важным направлением экономической и социальной политики государств, расширяет политическое влияние государств на народы, проживающие по другую сторону границы.

Оно повышает активность субнациональных регионов на международной арене, приводит к появлению региональной составляющей во внешней политике государств. Межрегиональные контакты становятся частью глобальной системы международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Российская Федерация подписала данную Конвенцию 3 ноября 1999 г.

(2) Известия ИГЭА. 2006. № 1 (46).

(3) Приграничное сотрудничество – часть международных отношений Российской Федерации, международных и внешнеэкономических связей приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с субъектами приграничного сотрудничества сопредельных государств.

(4) Приграничные субъекты Российской Федерации – субъекты Российской Федерации, территории которых прилегают к Государственной границе Российской Федерации.

(5) Муниципальные образования приграничных субъектов Российской Федерации – муниципальные образования, расположенные на территориях приграничных субъектов Российской Федерации.

(6) Территории приграничного сотрудничества Российской Федерации – территории приграничных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации, а также определенные международными договорами Российской Федерации иные территории Российской Федерации.

(7) Субъекты приграничного сотрудничества Российской Федерации – Российская Федерация, приграничные субъекты Российской Федерации и муниципальные образования приграничных субъектов Российской Федерации. Международными договорами Российской Федерации могут быть определены иные субъекты приграничного сотрудничества Российской Федерации.

(8) Субъекты приграничного сотрудничества сопредельных государств – сопредельные государства, государственно-территориальные, административно-территориальные и муниципальные образования сопредельных государств, рассматриваемые в качестве приграничных в соответствии с законодательством этих государств.

(9) Соглашения о приграничном сотрудничестве – соглашения приграничных субъектов Российской Федерации с государственно-территориальными, административно-территориальными образованиями сопредельных государств, с органами государственной власти сопредельных государств и соглашения муниципальных образований приграничных субъектов Российской Федерации с муниципальными образованиями сопредельных государств.

(10) Территории приграничного сотрудничества сопредельных государств – территории субъектов приграничного сотрудничества сопредельных государств.

(11) Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах / Консорциум по вопр. приклад. экон. исслед. Канадское агентство по международ. развитию и др. / О. Луговой и др. М.: ИЭПП, 2007.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Богомолов О.Т.* Мир в процессе радикальных перемен: новые модели жизнеустройства // Мир перемен. 2015. № 1.

2. *Богомолов О.Т.* Перед вызовом кардинальных перемен // Журнал экономической теории. 2015. № 1.

3. *Богомолов О.Т., Водолазов Г.Г., Глазьев С.Ю. и др.* Новое интегральное общество. Общетеоретические аспекты и мировая практика. М., 2016.

4. *Вардомский Л.Б.* Геоэкономические условия развития новых приграничных регионов России // Вестник экономики, права и социологии. 2018. Т. 2. № 1.

5. *Вардомский Л.Б.* Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005-2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4.

6. *Вардомский Л.Б.* Фактор соседства в экономическом развитии новых приграничных регионов России // Мир перемен. 2017. № 3.

7. *Вардомский Л.Б., Дергачев В.А.* Регионоведение. М., 2017.

8. *Вардомский Л.Б., Попкова Л.И., Мадры Ц.* Обсуждение проблем приграничных территорий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2017. № 2.

9. *Громыко А.А.* Формационный подход к развитию международных отношений (Европейский ракурс) // Современная Европа. 2015. № 5 (65).

10. *Дубровина О.Ю., Плотникова О.В.* Международные связи регионов государств: характеристика и особенности. М.: Норма, 2016.

11. *Дубровина О.Ю., Плотникова О.В.* Международные связи регионов государств: теория и практика. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2013.

12. *Дубровина О.Ю.*, *Плотникова О.В.* Типологизация регионов России в контексте проблем международного сотрудничества и регионализации // Вестник НГПУ. 2016. № 3 (31).

13. *Медведев Н.П. и др.* Центральная Азия на современном этапе: новая волна водно-энергетического сотрудничества и создания трубопроводной архитектуры // Центральная Азия и Кавказ. 2018. Т. 21. № 2.

14. *Медведев Н.П.* К истории вопроса о региональных интересах и государственной политике // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2019. № 2 (16).

15. *Медведев Н.П.* О некоторых особенностях местного самоуправления в США. Опыт для России // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2020. Т. 7. № 1 (19).

16. *Медведев Н.П.* Современные проблемы межрегионального сотрудничества и реинтеграции в постсоветском пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).

17. *Медведев Н.П., Васильев Ю.В* Реформирование федерализма – императив политического развития Российской Федерации. Ставрополь, 2018.

18. *Плотников В.С., Дубровина О.В.* Модель международного сотрудничества Амурской области России с регионами Китая // Власть. Общественно-политический журнал. М., 2019. № 5.

19. Современная политическая наука: Методология. Учебник / Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М., 2018.

20. *Maskell P., Törnqvist G.* Building a Cross-Border Learning Region. Emergence of the North European Øresund Region. Copenhagen Business School Press, 1999.

21. http://docs.cntd.ru/document/901909711.
22. http://docs.cntd.ru/document/901734774.
23. https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007a105.
24. http://base.garant.ru/10103372/.
25. http://base.garant.ru/179963/.
26. https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248.
27. http://ivo.garant.ru/#/document/71730188/paragraph/1:0.

O.YU. DUBROVINA
PhD in Political Science, Associate Professor,
coordinator of the National Union of
Political Scientists of Russia,
Moscow, Russia
V.S. PLOTNIKOV
PhD in Social Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Siberian
Transport University, Novosibirsk, Russia

CROSS-BORDER COOPERATION: FEATURES, PROCESSES AND FACTORS AFFECTING ITS DEVELOPMENT

The article analyzes the phenomenon of cross-border cooperation in the context of globalization and regionalization, features, processes and factors affecting its development. Consideration of cross-border relations, as a result of the formation of a multi-level system of international relations, makes it possible to identify their nature arising from the processes of globalization and regionalization. The development of globalization leads to transparency and porosity of state borders, which means free movement of people, goods, services, capital, financial flows, etc., and regionalization develops the process of achieving the status of independence and legality (institutionalization) by regions, including in the sphere of international activity. Regionalization is the basis for cross-border cooperation.

The study of historical, legal, economic and geographical factors affecting cross-border cooperation allows us to identify its features.

Key words: *cross-border cooperation, cross-border ties, international relations, globalization, regionalization, features, processes, factors.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.020
УДК 327
А.В. МАКАРОВ
аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, г. Москва

«ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО» В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КООРДИНАТ

Статья посвящена раскрытию актуальных вопросов, связанных с внедрением и развитием ключевых аспектов концепции «открытое общество» в образовательной системе России. В процессе исследования проведен анализ инструментов поддержки данной концепции со стороны правительства страны, а также отдельных учебных заведений и их объединений. Особое внимание уделено деятельности фонда Дж. Сороса «Открытое общество», активное вмешательство которого, и пропаганда западных ценностей оказали негативное влияние на отечественную систему образования. В то же время отмечен ряд просчетов и промахов западных идеологов под покровительством Дж. Сороса, которые не позволили нанести непоправимый урон научному потенциалу России и ее молодому поколению.

Ключевые слова: *образование, открытое общество, Дж. Сорос, финансы, ТНК, банки, рефлексия, спад-подъем, геополитика, системы.*

Сторонники глобализации кардинально усложняют развитие национальных государств, трансформируя ценности и нормы жизнедеятельности людей, видоизменяя системы взаимодействия между ними. Утверждается новая модель отношений, в которой смещаются приоритеты при решении глобальных системных проблем. В результате этого формируется такая форма социальной организации, как открытое общество, которое характеризует создание постмодернистской парадигмы, мобильной и открытой для внедрения социальных инновационных проектов, необходимых для обеспечения эффективности экономического, политического и социального развития современных систем [7. С. 18-25]. Система существует до тех пор, пока у нее нет альтернативы. В 90-х годах, в период распада СССР, открытое общество и явилось той альтернативой в нашем государстве – Россия.

А сторонники этой «благородной» идеи делали все возможное, чтобы нормы, которые основывались на патриотизме, социальной справедливости, на национальных интересах, культуре и истории попросту были размыты.

С учетом вышеизложенного, очевидно, что актуальность концептуализации понятия открытого общества, выявление его сущности и ключевых характеристик обуславливается тем фактом, что формирование данного типа общества приобрело статус одного из основных общественно-политических трендов XX века, значимость которого в XXI веке еще больше возросла. Практическая реализация базовых идей открытого общества, как считали его идеологи, дает возможность прекратить борьбу за приоритетность определенных политических установок и объединиться для достижения благосостояния людей, что и стало предметом рассмотрения многих теоретиков (А. Бергсон, Дж. Горер, К. Поппер, Дж. Сорос, Ф. Тьоннис и др.). Кроме того, в социально-политической мысли можно выделить концепции общественного устройства, отдельные идеи которых стали основными принципами открытого общества (Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Дж. Ст. Милль, А. де Токвиль).

Один из разработчиков концепции «открытого общества» К. Поппер отмечал, что одним из ключевых элементов нового типа общества является система образования, которая также становится открытой и благодаря этому выступает в качестве эффективного инструмента, с помощью которого члены общества устанавливают и поддерживают демократический режим в собственном государстве [8. P. 493]. Однако за этой «благородной», с виду, идеей стоит нечто другое. Стоит развал национального государства. «Хочешь победить врага – воспитай его детей» (восточная мудрость).

Движение открытого образования в последние два десятилетия представляет собой одну из определяющих тенденций развития системы подготовки молодого поколения во многих странах мира. Об этом свидетельствуют как объективные изменения в учебных заведениях и учебном процессе, так и многочисленные дискуссии, касающиеся проблем и перспектив открытого образования. Также подтверждает данный факт возрастающее внимание к открытому образованию со стороны ведущих международных и межправительственных организаций, включая ООН, образовательных и научных учреждений и проектов, благотворительных фондов. Одной из таких организаций являются Фонды Открытого Общества Дж. Сороса, основанные в 1984 году.

Начиная с конца прошлого века посредством своих фондов Джордж Сорос финансировал развитие гражданского общества в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза, в том числе и в России. Однако несмотря на это сегодня атмосфера во многих этих государствах не очень благосклонна к гражданскому обществу и его идеям открытого общества, поскольку люди начали сопротивляться навязыванию универсальных норм, правил от-

ношений и поведения. Кроме того, каждое государство пытается сохранить национальную идентичность и уникальность локальных культур, что начало входить в противоречие с динамикой глобализационных процессов.

С учетом вышеизложенного, значительный научно-практический интерес вызывают вопросы влияния фондов Дж. Сороса, посредством реализации широкого спектра образовательных проектов в России, на становление и развитие нации, сохранение национальной идентичности и формирование культурных ценностей молодого поколения.

В качестве современного феномена и научного явления, открытое общество, во всей своей многогранности, представляет собой предмет изучения различных наук – политологии, социологии, экономики, философии.

Теоретико-правовой аспект концепции открытого общества исследовали А. Ахиезер, И. Берлин, К. Джарви, Р. Корво, М. Корнфорт, Б. Мейджи, М. Ноттурно.

Некоторые ученые сущность и функциональное содержание открытого общества рассматривают односторонне, отождествляя его с информационным обществом (И. Валерстайн, Р. Коехен, Н. Килюен, Х. Булл, Б. Смарт и др.). Однако, по мнению автора, содержание открытого общества значительно шире и его целесообразно рассматривать исходя из многих ракурсов, а именно – социального, образовательного, политического и культурного.

Исследования, связанные с вхождением концепции открытого общества в образование, представлены публикациями таких авторов: Г.П. Бужикова, М.И. Жалдака, Ю.Г. Запорожченко, И.И. Капустян, И.В. Роберт, А.Н. Спирина и др.

Вместе с тем, изучение открытого образования с компаративной точки зрения в сравнении с тенденциями, возможностями и угрозами развития национального общества; перспективами формирования научного фундамента страны и его укрепления; особенностями реализации молодежной политики и ценностями, являющимися ключевыми для государства, не получило должного отражения в научно-экспертной литературе.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, целью статьи является исследование особенностей развития концепции «открытое общество» в образовательной системе России, а также проведение анализа деятельности фонда «Открытое общество» в контексте его разностороннего влияния на отечественную молодежь и социум в целом.

Распространение принципов открытого общества в образовательной системе России, наиболее заметно проявляется в том, что требования открытости все больше становятся стандартом деятельности как отдельных учебных учреждений в стране, так и национальной образовательной системы в целом. Ярким примером приверженности руководства страны ключевым ориентирам концепции открытого общества при подготовке и обучении молодого поколения, например, является принятие государственной

программы «Глобальное образование», в рамках которой осуществляется финансирование обучения за границей для граждан России, поступивших в один из ведущих зарубежных университетов.

Об активности образовательных учреждений свидетельствуют и индивидуальные проекты, открываемые при поддержке Министерства образования и науки РФ (например, проект «Открытое образование» Уральского государственного педагогического университета), и совместные инициативы, приобретающие широкую популярность среди студентов. К числу таких инициатив относится Национальная платформа открытого образования, созданная Высшей школой экономики вместе с семи другими ведущими вузами России: МФТИ, УрФУ, МГУ, МИСиС, ИТМО, СПбГУ и СПбПУ в 2015 году.

Все большее количество учебных модулей и целостных курсов, которые разрабатываются отечественными авторами и коллективами педагогов, появляются на открытых образовательных ресурсах, к числу которых относится ведущий международный проект Connexions.

Все вышеуказанные обстоятельства позволяют утверждать, что сегодня в России сформировалось широкое движение, объединяющее специалистов разных отраслей, которое является инициатором и проводником концепции «открытое образование» в стране. В последние годы оно стремительно развивается наряду с другими родственными или несколько отдаленными движениями и направлениями, которые часто с ним переплетаются, а порой и конкурируют [1. С. 37-49]. В то же время, наряду с национальными участниками, активно поддерживающими реализацию концепции открытое общество в образовательной системе координат России, в его состав включаются и иностранные субъекты в виде общественных организаций и благотворительных фондов.

Известно, что общественные организации, которые работают за счет средств и имущества иностранных институтов, граждан, субъектов хозяйствования или государств на территории других стран, кроме официально задекларированной цели зачастую могут иметь другие непубличные и срытые задачи и ориентиры.

В данном случае фонд Дж. Сороса «Открытое общество», открытый в России в 1995 году, является ярким примером такой организации. Официально главная задача фонда Дж. Сороса заключается в поддержке развития в странах ключевых демократических ценностей и прав человека, стимулировании свободы слова и самовыражения [10].

Однако, финансируя многочисленные образовательные проекты и инициативы, способствуя мобильности студентов и научным обменам, основатель фонда в России преследует цель «вымывания мозгов» за счет предложения молодым и перспективным участникам этих проектов навсегда покинуть Россию, способствует популяризации западных ценностей и культуры среди студентов, формированию у российской молодежи правосозна-

ния, присущего гражданам других стран. Встает вопрос: как бороться с продвижением скрытых и непубличных Соровских ориентиров?

Стоит отметить, что все идеи Открытого общества подвержены ошибкам, и этим в будущем мы сможем воспользоваться.

Возможны два пути развития событий: Первый путь – это полный запрет фондов Дж. Сороса на территории национального государства. Этот путь, например, выбрали Северная Корея и Республика Беларусь, что поставило эти государства в одну линейку со странами изгоя. Россия как сильное демократическое государство может пойти по второму пути – разрешить эти фонды на своей территории, но жестко их контролировать. По всей видимости, встает вопрос устойчивости национальной системы образования и страны в целом к влиянию этого внешнего актора.

Условием устойчивости является соответствие результатов ожиданиям. Известно, что образовательное пространство национального государства, в данном случае – России будет устойчивым в случае его управляемости и в случае его наблюдаемости (наблюдаемый гомеостат) [5. С. 56-58]. Управляемость системой образования национального государства будет напрямую зависеть от ее наблюдаемости. Наблюдаемость системы образования – это те нормы, которые лежат в основе нашего государства, и которые соответствуют национальным интересам России, отвечают ценностным ориентирам, культуре, уважению предков, патриотизму, а также экономическому росту нашей страны в целом. Вот, и встает вопрос определить эти нормы, от выбора которых наша национальная система образования будет более демократичной и либеральной или авторитарной и закрытой.

Очевидно, что в таких условиях государство осуществляет жесткий контроль и уделяет повышенное внимание к деятельности деструктивных общественных организаций по типу фонда Дж. Сороса «Открытое общество».

При этом необходимо отметить, что, продвигая либеральные идеи и финансируя соответствующие образовательные проекты в России, по мнению автора, Дж. Соросом был допущен ряд критических ошибок и просчетов, которые не позволили западным культурным ценностям органично включиться в сложившийся в стране рельеф социальных отношений.

В чем ошибся Сорос?

В период создания «Открытого общества» в России Сорос ошибся как минимум дважды:

1. Первая ошибка заключалась в том, что Сорос считал, что национальной системой образования России должно управлять не само национальное государство, а ТНК и банки, в лучшем случае совместное управление с наднациональными институтами власти.

2. Вторая ошибка заключалась в том, что управлять своими фондами «Открытое общество», на начальном периоде, на территории нашего государства, он доверил патриотам России.

Выпуск за счет денег фонда ряда учебников по естественным и гуманитарным дисциплинам, например, таких как: «Россия в мировом сообществе цивилизаций», «Новейшая история» и прочее для 10-11 классов было ничем иным как попыткой принудительно навязать идею нового общества путем пропаганды идеи неолиберализма и продвижения проамериканской позиции. Очевидно, что эта попытка закончилась неудачей, т.к. для того чтобы переориентировать сознание людей, необходимо прежде всего изменить их культуру. Культура влияет на политическое, социальное и экономическое развитие государства [9. P. 21-31].

Негативное отношение учеников и студентов к предложенной трактовке истории Российской Федерации объясняется характером национального мышления, которое формировалось на протяжении многих веков под влиянием определенных исторических, географических и, главное, культурных факторов.

В свою очередь, целевая аудитория проектов фонда «Открытое общество» – это ученики старших классов, студенчество и отчасти представители научного сообщества. Однако известно, что внедрять изменения в мировоззрение всего общества необходимо постепенно, начиная с самого младшего поколения [2. С. 47-49]. По этому поводу четко высказался российский ученый Куроптев М.В. Он связывает перспективы становления открытого общества с политической социализацией молодежи, которая с течением времени придет на смену существующей политической элите [3. С. 31-34].

Также следует отметить, что усилиями грантов, программ и проектов фонда Сороса в российское общество пытались внедряться неестественные для отечественной цивилизационной модели идеология и ценности, организационные модели, исполнительные механизмы и тому подобное. Однако западные профессора, педагоги, которые привлекались для изложения курсов, не учли гражданско-патриотическое воспитание молодежи, которое всегда находилось на высоком уровне в России. Также следует отметить, что значительную роль в противостоянии насаждению чуждой для страны идеологии сыграли устойчивые и хорошо налаженные внутренние и внешние линий коммуникации в системе отечественного образования – между обществом, государством и образовательной системой, между преподавателями, обучающимися и их родителями.

Однако нельзя не отметить, что все-такие некоторые идеи, продвигаемые Дж. Соросом, нашли свое отражение и применение в отечественной системе образования, что крайне негативным образом отразилось на ее состоянии.

В первую очередь, следует отметить фактически ликвидацию профессионально-технических училищ и техникумов в стране, которая в действительности произошла с подачи фонда Сороса. Главным условием, которое выдвинул фонд для продолжения финансирования ученых и их разрабо-

ток на рубеже XX-XXI вв., когда наука в России действительно пребывала в плачевном состоянии и требовала поддержки, было сокращение финансирования подготовки рабочих кадров, что практически лишило все заводы системы обучения специалистов.

Также посредством лоббистов, что является отличительной чертой американской системы управления, в отечественное общество была искусственно внедрена идея о неэффективности и не результативности экзаменационной системы, которая давала максимальное количество знаний. В результате на замену пришла новая система верификации уровня подготовки, которая не отражает реальное качество образования и не способствует повышению интеллектуального потенциала нации.

Отдельный акцент следует сделать на переманивании отечественных ученых и специалистов, что не только выхолащивает национальную науку, но и наносит непоправимый экономической урон хозяйственному комплексу страны. Россия тратит огромные средства на подготовку и развитие специалистов-эмигрантов. Это экономически нецелесообразно, так как каждый высококвалифицированный трудовой мигрант обогащает только страну своего нового пребывания. А должен работать на Россию.

Оплата грантов для обучения российских студентов в зарубежных ВУЗах обернулась тем, что они отказывались возвращаться в Россию после обучения, что негативным образом отражалось на качестве человеческого потенциала страны.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы. Внедрение концепции открытого общества в образовательное пространство имеет неоспоримые преимущества и широкие перспективы, связанные с расширением доступа к образованию, внедрением эффективных моделей обучения и передовых учебных материалов, а также с постоянным, систематическим улучшением преподавательских практик, обменом новым опытом и находками, повышением академической мобильности [6. С. 124-129; 4].

Имплементация данной концепции в российскую систему образования активно поддерживается правительством и всеми участниками образовательного процесса. Однако под эгидой внедрения достижений и практик открытого общества активизируют свою деятельность в России общественные организации, которые находятся в зависимости от зарубежных грантов, финансовая мотивация которых иностранными агентами приводит к тому, что цели этих организаций варьируются в диапазоне от лоббирования интересов иностранных государств, транснациональных корпораций до подрыва государственного строя, что, безусловно, является критическим для национальной безопасности.

Ярким доказательством такой работы является деятельность фондов «Открытое общество» Дж. Сороса, активные действия которых нанесли серьезный ущерб отечественной системе образования.

По мнению автора, для эффективного противостояния действию таких организаций государству необходимо регулировать эту сферу отношений законодательно и четко обозначить условия и правила принятия и использования иностранной финансовой помощи. Так, необходимо четко определить, что каждая программа, проводимая иностранными фондами и общественными организациями должна иметь национального участника – государственный орган. То есть только государство может определять, что является общественно полезным для России.

Для того чтобы защитить систему образования от заманчивых предложений иностранных агентов следует активно формировать мотивацию и создавать условия для привлечения молодежи к отечественным научно-исследовательским проектам, увеличивать финансирование учебных заведений, развивать передовые отрасли, создавать новые технологические центры, усиливать участие государственных структур в организации и регулировании миграционных потоков. Сделать систему образования национального государства устойчивой к воздействию внешних акторов путем формирования норм суверенного государства в области образования и применения наблюдаемого и управляемого гомеостата.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Конопатов С.Н., Старожук Е.А., Салиенко Н.В.* Парадигмы образования: от традиционной к открытому образованию // Инновации в образовании. 2019. № 3.

2. *Кушнаренко И.А.* Педагогика в современной естественно-научной картине общества: универсально-эволюционистские начала философии образования // Психология и педагогика служебной деятельности. 2019. № 2.

3. *Куроптев М.В.* Концепция открытого общества как модель политического развития России в современный период // ExLegis: правовые исследования. 2019. № 3.

4. *Ольшанникова Н.А.* Новые формы высшего образования с использованием современных онлайн-технологий // Профессиональное образование в современном мире. 2020. Т. 10. № 2.

5. *Титов В.Б.* Концептуальные основы моделирования становления связи / В.Б. Титов // Информационно-измерительные и управляющие системы. 2009. Т. 7. № 3.

6. *Фирсова И.А., Долгова И.О., Печеная А.С.* Современные инструменты управления образовательной организацией // РИСК: Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2019. № 2.

7. *Чикризова К.В.* Открытое образование в диахроническом аспекте: от открытых образовательных ресурсов к открытым образовательным практикам // Открытое и дистанционное образование. 2019. № 2 (74).

8. After the opensociety: selected social and political writings / Karl Popper; edited by Jeremy Shearmur and Piers Norris Turner. London: Routledge, 2008.

9. *Kiuranov Deyan.* The Idea of OpenSociety as a Tool to OpenSocieties // Social policy. 2019. Volume 49. Number 3.

10. U.S. Billionaire Donates Millions to Russian Causes: Aid: George Soros has already sponsored scientists. Now he's giving $250 million for teacher training and textbook writers // https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1994-03-17-mn-35234-story.html.

A.V. MAKAROV
Postgraduate student of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

«OPEN SOCIETY» IN THE EDUCATIONAL COORDINATE SYSTEM

The article is devoted to the disclosure of topical issues related to the introduction and development of key aspects of the concept of «open society» in the educational system of Russia. In the course of the study, an analysis was made of the tools for supporting this concept by the government of the country, as well as individual educational institutions and their associations. Particular attention is paid to the activities of the J. Soros Foundation «Open Society» whose active intervention and propaganda of Western values had a negative impact on the domestic education system. At the same time, a number of miscalculations and blunders of Western ideologists under the patronage of George Soros were noted, which did not allow irreparable damage to the scientific potential of Russia and its young generation.

Key words: *education, open society, J. Soros, finance, TNK, banks, reflection, decline-rise, geopolitics, systems.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.021
УДК 32.327
А.С. БАКАНОВА
аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ЭВОЛЮЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОТИВОБОРСТВА КАК ИНСТРУМЕНТА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируется процесс развития методов информационно-психологической борьбы в комплексную систему информпротивоборства. Цель данного исследования – выявить предпосылки появления современного института стратегической пропаганды как инструмента реализации внешнеполитических задач. В качестве методов исследования используются системный и междисциплинарный подходы, сравнительный и исторический анализ. Автор приходит к выводу, что институционализация современной стратегии информационных войн связана с окончанием Второй мировой войны и оформлением биполярной модели международных отношений. Ключевую роль в формировании современной модели управления международной системой сыграла именно западная информационная политика.

Ключевые слова: *информационная война, пропаганда, геополитика.*

История применения информационно-психологических методов борьбы в военно-политических целях насчитывает не один десяток веков. Первые проявления подобных практик можно найти еще в древних обществах, когда с целью победы над врагом применялись психологические, физические, шумовые, визуальные инструменты. В Древнем мире особое внимание уделялось изучению особенностей психологии врага. Например, персидские завоеватели, зная о культе кошек, одержали победу над египтянами (VI век до н.э.), используя священных для них животных в боевых действиях. Наравне с физическими акциями устрашения и запугивания для войн древности характерно и применение пропаганды. Геродот отмечает, что в период греко-персидских войн афинский полководец Фемистокл призывал моряков персидского флота, состоявшего преимущественно из покоренных Персией ионийцев, отказаться от борьбы с греками [1. С. 26]. На скалах по приказу Фемистокла высекались надписи, являвшиеся прообразом военных листовок, в которых афиняне

апеллировали к общему греческому происхождению и необходимости переходить на сторону греков для продолжения совместной борьбы против Персии. При этом афинская пропаганда выполняла двойную функцию. Выражая сочувствие ионийцам и допуская невозможность прямого отказа с их стороны от борьбы, афиняне призывали, выражаясь современным языком, ионийцев к саботажу: «Если вы связаны суровой необходимостью, тогда в бою против нас сражайтесь как можно хуже» [7. С. 45]. С другой стороны, данные обращения выступали в качестве сигнала персам, что любой иониец может тайно сочувствовать Афинам.

Распространение слухов и дезинформации в политических целях характерно для всех периодов мировой истории. Слухи о непобедимости своих армий распространяли и персы, и римляне, монголы, Наполеон, Гитлер и т.д. Например, сказания о «бесчисленных ордах» монгол можно отнести к

прообразу современных «пиар-кампаний». При организации военных походов монголы намеренно преувеличивали свою жестокость, дикость и численность для наведения страха на своих противников.

В Средние века политические цели часто прикрывались религиозной риторикой, как это было в случае с крестовыми походами на Восток, инициированными Римской католической церковью. В свою очередь мусульманские завоеватели также обращались к канонам религии, которые

выступали в качестве идеологического подспорья их политических действий. При этом мусульмане активно использовали особую форму религиозной пропаганды – распространение ислама через поощрения и привилегии, в частности, освобождение от налогов или рабства.

Появление печатного станка и развитие книгопечатания положило начало становлению национальных средств массовой информации. Начали издаваться информационные иллюстрированные листовки, которые стали главным источником распространения государственной пропаганды. В XVI веке Европа вступила в эпоху складывания национальных государств, наиболее активное оформление которой последовало вслед за Тридцатилетней войной (1618-1648). Вестфальская система международных отношений определила международно-правовые рамки взаимоотношений государств в Европе, произошло юридическое оформление государственного

Суверенитета и его неприкосновенности, обозначились территориальные рамки государств. Впоследствии ряд буржуазных революций окончательно сформировал облик национальных государств. Процесс «нациестроительства» поддерживался правительственной пропагандой, проникшей во все сферы общественно-политической жизни. Информационные войны в СМИ стали важным политическим инструментом, благодаря которому в сознание простого обывателя политические элиты внедряли образ «чужого» для укрепления их чувства идентичности. Кроме того, создавался контекст для обоснования необходимости военного вторжения в те или

иные государства. Так, внешнеполитические акции Наполеона сопровождались информационными кампаниями, которые были направлены не только на собственное население и армию, но и внешнюю аудиторию, в первую очередь, на население оккупированных территорий. Вторжение в Италию Наполеон оправдывал стремлением освободить ее из-под власти Габсбургов, в Россию – с намерениями установить республиканскую форму правления и отменить крепостное право. Для этих целей распространялись военные бюллетени, манифесты и обращения к местному населению и влиятельным деятелям, большое значение придавалось газетам («Четыре газеты смогут причинить врагу больше зла, чем стотысячная армия») [2]. В каждой завоеванной стране по указу Наполеона открывался проправительственный печатный орган.

К началу XX века печатные средства пропаганды получили широкое распространение и использовались для оправдания агрессии, дискредитации политического руководства противника и его армии. Имели место исторические фальсификации и дезинформация. Большой популярностью пользовались графические изображения и карикатуры политического характера, которые эффективно влияли на публику, способствовали формированию нужного общественного мнения относительно текущих военно-политических событий и закреплению определенных стереотипов в сознании. Помимо официальных средств информации в качестве пропагандистских источников выступали официальные заявления, письма, записки и т.д. Примечательно, что вплоть до начала Первой мировой войны государства не обладали специализированными учреждениями, отвечавшими за пропаганду.

Первая мировая война дала мощный толчок развитию государственной пропаганды и информационной политики как отдельного направления политической деятельности. Большое внимание стало уделяться академическому и научному обоснованию информационного фактора. Тогда же правительства осознали, что психологическая обработка населения так же

важна, как и уничтожение армии противника. Британский специалист в области психологической войны П. Уорбертон на этот счет подчеркивал, что вооруженное столкновение армий – «это лишь одно из средств принуждения врага к капитуляции», в то время как «теперь основной задачей в войне является не уничтожение войск противника, а подрыв морального состояния населения противоборствующей страны до такого уровня, чтобы оно заставило свое правительство пойти на мир» [2].

Примеры Российской империи и Германии показали принципиальную значимость пропаганды среди собственного населения. Патриотический подъем в России в начале войны под напором внешней и оппозиционной внутренней пропаганды уступил место антиправительственным и революционным настроениям в тылу и армии, чем умело воспользовалась либеральная элита. Немецкие военные командиры, анализируя результаты

войны, также указывали на роль иностранной пропаганды, приведшей, по их мнению, к военному поражению немецкой нации в большей степени, чем непосредственно события на фронте. По словам немецкого генерала Э. Людендорфа, пропаганда государств Антанты была настолько эффективной, что немецкие солдаты перестали различать, что было пропагандой, а что действительностью [5. С. 288].

С началом войны англичане первыми создали специализированные органы, которые отвечали за информационно-психологические операции против населения и войск противника. Они осуществляли пропагандистские мероприятия в нейтральных государствах и на собственной территории. В 1914 г. было создано бюро военной пропаганды при британском МИД, которое позднее было преобразовано в министерство информации, работавшее с зарубежной аудиторией.

Интересным представляется рассмотрение американского опыта. Когда к 1917 г. стал очевиден исход войны, США, стремясь не упустить возможность на правах победителей формировать контуры нового мирового порядка, в апреле объявили о своем намерении присоединиться к Антанте. Тем не менее, в американском обществе доминировали изоляционистские взгляды, в связи с чем правительство было вынуждено организовать крупномасштабную пропагандистскую кампанию с тем, чтобы мобилизовать общественное мнение внутри страны и убедить американцев воевать в Европе. С этой целью в 1917 г. был организован первый специализированный орган – Комитет общественной информации, известный как «комитет Криля». В его обязанности входила агитация участия в войне посредством печати, кино, театров, пропаганды в образовательных учреждениях и на рабочих местах, налаживания контактов с промышленниками и организации военных выставок. В рамках комитета существовала также сеть каналов информационного влияния на зарубежную аудиторию. Комитет тесно взаимодействовал с английскими и французскими пропагандистскими органами, хотя и не афишировал это открыто. Через два месяца после начала пропагандистских мероприятий на призывные пункты явилось более 9,5 млн. американцев, в сентябре 1918 г. уже 13 млн. человек [4. С. 315]. Важно отметить, что появление комитета Криля имело большое значение для становления в США аппарата государственной пропаганды, ставшей ключевым инструментом американской внешней политики во второй половине XX века.

С окончанием Первой мировой войны все большее значение во внешнеполитической стратегии США стали приобретать вопросы идеологического характера, связанные с распространением либеральных ценностей и американского образа жизни как универсального средства от всех бед. Это поддерживалось американским кинематографом, товарами и рекламой, наводнявшими крупнейшие европейские города. Уоррен Гардинг, 29-ый президент США, сменивший на этом посту В. Вильсона, так сформули-

ровал роль американцев: «Мы, американцы, сделали больше для развития человечества за полтора столетия, чем все народы мира вместе за всю их историю... Мы провозглашаем американизм и приветствуем Америку», – что отразило традиционную для американского политического сознания уверенность в собственном превосходстве и божественной миссии [3].

Наиболее показательным представляется пример нацистской Германии, поднявшей пропаганду на новый уровень. Министерство народного просвещения и пропаганды под руководством Й. Геббельса отвечало за распространение государственной пропаганды посредством контроля над издательской деятельностью, средствами массовой информации, системой образования, культурой и искусством. Активно привлекались академические круги, в частности историки, которые «фактологически» обосновывали право германской нации на экспансию и положения расовой теории. Была выстроена мощная система информационного влияния за рубежом через агентурные сети, немецкие информационные агентства и СМИ, находящихся под немецким влиянием, применялась и т.н. «публичная дипломатия», предполагавшая культурный и образовательный обмен, работу с молодежью дружественных стран, организацию зарубежных выставок и проведение различных мероприятий на территории Германии, включая летние Олимпийские игры 1936 года.

В годы Второй мировой войны всеми основными участниками как антигитлеровской коалиции, так и «Оси» огромное значение уделялось информационной войне, потенциал которой возрос благодаря радио и кинематографу. Активно использовались фальшивые радиостанции для распространения дезинформации, ориентированной на деморализацию населения противника.

На событиях XX века можно проследить эволюцию и переход информационного противоборства от чисто военного инструмента, выступавшего скорее в качестве сопровождающей меры, к политическому. По мере развития коммуникационных средств (массовая печать, радио, телевидение) и распространения всеобщего образования стратегическая пропаганда стала приобретать широкомасштабный повсеместный гражданский характер.

Процесс формирования стратегии информационных войн в том виде, в каком они имеют место в современной глобальной политике, связан с окончанием Второй мировой войны и наступлением периода Холодной войны в рамках биполярной модели международных отношений. Именно в этот период с целью сдерживания СССР США и их западные союзники выстраивают комплексную систему ведения стратегического информационно-психологического противоборства [6. С. 357]. Она была ориентирована на достижение единоличного глобального лидерства за счет продвижения западной капиталистической модели развития при одновременной дискредитации коммунистической системы и ценностей, воплощением которых яв-

лялся СССР (основные идеи, повлиявшие на формирование подходов США к СССР и американской политики времен Холодной войны в целом, были представлены известным американским дипломатом Джорджем Кеннаном в двух документах – т.н. «Длинной телеграмме» (1946) и статье «Истоки советского поведения» (1947)). Преследовалась цель не только подорвать международное политическое влияние Советского Союза, но и, главным образом, запустить механизм внутренней трансформации советского режима. СССР должен был перестать представлять угрозу глобальным американским интересам, в первую очередь экономическим и тем, что связаны с недопущением проникновения влияния Москвы в Европу. Противоборство двух центров силы выражалось в оказании информационно-психологического воздействия на население противника при защите собственной информационной системы и ведении внешнеполитической пропаганды, ориентированной на широкую зарубежную аудиторию. Для этих целей в СССР, США и странах Западной

Европы функционировали органы внешнеполитической пропаганды, такие как Совинформбюро (позднее АПН), Информационное агентство США (ЮСИА), Британская вещательная корпорация (BBC), иновещательная телерадиокомпания ФРГ «Немецкая волна» (Deutsche Welle), отвечавшие за ведение деятельности, именуемой сегодня политикой «мягкой силы» и публичной дипломатией. С 1946 г. вещание на Советский Союз начала Великобритания, вслед за которой уже в 1947 г. США инициировали вещание на советскую территорию, осуществлявшуюся через радиостанции «Голос Америки» и «Свобода». К началу 1950-х гг. британская служба вела информационную деятельность на 40 языках. Трансляцией на балтийские республики и страны Восточной Европы занималась американская радиостанция «Свободная Европа» со штаб-квартирой в Мюнхене, которая впоследствии была объединена со «Свободой» в рамках единой структуры «Свободная Европа\Свобода» (RFE/RL), ставшей основным источником американской пропаганды на советский блок. Общим для иновещательной политики Запада являлось то, что для привлечения аудитории и мягкого воздействия на ее сознание затрагивались повседневные, вызывающие интерес и отражавшие положительные стороны западного образа жизни темы.

Огромную роль в формировании современной модели управления международной системой сыграла западная информационная политика. Применение информационных рычагов повлияло не только на исход блокового противостояния в пользу Запада, завершившегося самоликвидацией социалистического блока и распадом СССР невоенным путем, но и способствовало дальнейшему закреплению и повсеместному распространению мирового порядка, который стал формироваться в западном полушарии после 1945 года. Информационные войны стали неотъемлемой частью западной внешнеполитической стратегии, посредством которых обеспечивалась ле-

гитимность сложившегося миропорядка и право западного мира, в первую очередь США как единственного гегемона, определять траекторию глобального развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Геродот.* История. В 9-ти кн. Л., 1972.

2. Исторические аспекты теории и практики информационно-психологического воздействия // http://www.vrazvedka.ru/analitic/31-2009-11-30-14-04-38.html. Цит. по: *Wust R.* La guerre psychologique. Lausanne, 1954.

3. Кому война, а кому мать родна // http://www.stoletie.ru/voyna_1914/komu_vojna_a_komu_mat_rodna_787.htm

4. *Листиков С.В.* Американское общество в годы войны: на пути к консолидации // Война и общество в XX веке: В 3 кн. / Рук. проекта и сост. О.А. Ржешевский, отв. ред. С.В. Листиков. Кн. 1. М., 2008.

5. *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914-1918 годов / Под ред. А. Свечина. М., 2014.

6. *Панарин И.И.* Информационная война и коммуникации. М.: Горячая линия, 2014.

7. *Linebarger P.* Psychological Warfare: Pickle Partners Publishing, 2015.

A.S. BAKANOVA

Postgraduate student of the Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

THE EVOLUTION OF INFORMATION WARFARE AS THE FOREIGN POLICY'S TOOL: HISTORICAL ASPECT

The article analyzes how the techniques of psychological and information warfare have evolved into the coherent system of information warfare. The study aims to reveal the factors that have brought about the development of strategic propaganda into the modern tool of foreign policy. As the research methods the systems and interdisciplinary approaches, comparative and historical analyses. The author concludes that the institutionalization of the contemporary information warfare's strategy has begun with the end of the Second World War and set-up of the bipolar model of international relations. The key role in the modern world order's formation has played the western information and propaganda policy.

Key words: *information warfare, propaganda, geopolitics.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.022
УДК 32.327
Р.Ш. КУДАШЕВ
аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В РАМКАХ ЕАЭС

На текущий момент евразийский интеграционный процесс развивается уже не с той скоростью, которая была задана на старте самого проекта. Сохранению такой же динамики препятствуют некоторые внутренние проблемы в рамках евразийской интеграции. Одним из вариантов для стабилизации интеграции является формирование наднациональных институтов в рамках Евразийского экономического союза, которое, однако, пока не происходит в должной мере. В этой связи необходимо проанализировать некоторые барьеры, препятствующие появлению полноценных наднациональных институтов. В ходе исследования выделяются два проблемных аспекта: политический и институциональный. В заключении делается вывод о важности формирования наднациональных институтов в ЕАЭС.

Ключевые слова: *интеграция, наднациональные институты, Евразийский экономический союз, Евразийская экономическая комиссия, Европейский Союз.*

Общемировое развитие показывает, что межправительственные механизмы сотрудничества оказываются не всегда способными эффективно контролировать различные процессы в условиях глобализации. Это привело к ситуации, когда национальные государства объединяются в интеграционные организации и делегируют часть своих полномочий наднациональным институтам, чтобы, с одной стороны, сообща справляться с актуальными проблемами и достигать общих целей. С другой стороны, наднациональные институты интеграционных объединений по своей задумке должны позволить принимать быстрые и эффективные решения, которые чрезвычайно важны в условиях стремительной динамики региональных и глобальных процессов. Кроме того, наднациональные институты могут являться опорой интеграционной организации в тех случаях, когда в странах-участницах, к примеру, возникают внутренние политические кризисы, происходит смена политического курса, то есть они должны сохранять ее стабильность вне зависимости от государств-учредителей.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 5; 6; 10; 11; 12; 14].

Однако проблему формирования наднациональных институтов в рамках ЕАЭС нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Европейский Союз (ЕС) является той организацией, которая в наибольшей мере вобрала в себя наднациональные черты, что пока не удалось иным интеграционным объединениям. Несмотря на возникающие кризисы в его деятельности нельзя отрицать эффективность организации по сравнению с конкурентами, что детерминировано в том числе наличием наднациональных институтов.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС), во многом вдохновленный опытом европейской интеграции, а по своей системе органов управления напоминающий институциональный дизайн ЕС [21. P. 1], также предполагает делегирование странами-участницами части своих полномочий в отдельных сферах на наднациональный уровень. ЕАЭС изначально предполагал формирование наднациональных институтов, поскольку в статье Владимира Путина «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня» говорится о модели «мощного наднационального объединения» [15].

Несмотря на это, на текущий момент какого-либо значимого движения по этому направлению не произошло. Рассмотрим ряд аспектов, который может позволить понять, почему заморожены процессы по формированию наднациональных институтов управления в рамках институциональной системы ЕАЭС.

Политический аспект. Воля политических лидеров стран-участниц являлась одним из главных катализаторов евразийской интеграции [9. С. 27]. В то же время, интересы национальных элит остаются одним из основных факторов, который препятствуют динамике и глубине интеграционного процесса, и построению наднациональных институтов внутри организации. В этом контексте существенным вопросом, так или иначе влияющим на политическую волю лидеров и интересы национальных элит стран-участниц, является проблема передача властных полномочий на наднациональный уровень, которая связана с уменьшением компетенции государств в определенных сферах. Это крайне болезненная тема даже для государств Европы [8. С. 94], поэтому неудивительно, что с такой же проблемой столкнулись и страны-участницы ЕАЭС [7. С. 4]. Даже взглянув на опыт СНГ и некоторых других интеграционных проектов, можно заметить, как государства-учредители заботились о национальном суверенитете и не стремились наделять наднациональными полномочиями те или иные органы управления.

Стоит также отметить, что проблема национального суверенитета и формирования наднациональных институтов приобретает особое звучания из-за специфики политических режимов государств-учредителей ЕАЭС. Если наиболее успешные интеграционные проекты реализуется во многом между демократическими странами [3. С. 71], то евразийская интеграции проходит между государствами, которым характерны переходные формы от авторитаризма к демократии с маятниковым движением в зависимости от политической конъюнктуры.

Барьером для глубокой интеграции и формирования наднациональных институтов можно назвать и проблему доверия к России со стороны других государств-членов ЕАЭС [17. P. 1]. С одной стороны, такое отношение может быть обусловлено общей многовековой историей, а вернее ее искаженной интерпретацией и возникшими из-за этого страхами потери независимости. С другой стороны, скептицизм вызывается очевидным доминированием России над остальными странами-участницами по своим экономическим, демографическим, географическим показателям [4. С. 13], что в совокупности приводит к идее о невозможности действительно равноправного взаимодействия в рамках ЕАЭС.

Отсутствие полноценных доверительных отношений также может определяться геополитическими устремлениями России, представители которой публично заявляют о необходимости сохранения и расширения доминирования на постсоветском пространстве, что не может положительно отражаться на странах, стремящихся укрепить национальный суверенитет и играть важную роль в регионе и мире.

Институциональный аспект. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) некоторыми исследователями определяется как наднациональный институт ЕАЭС [9. С. 77]. Об этом также говорится на официальном сайте Комиссии [13]. Однако придание такого статуса Комиссии видится преждевременным и необоснованным, поскольку даже сам Договор о ЕАЭС не наделяет ее таким свойством.

Анализ структуры Комиссии показывает, что она представляет собой скорее гибридный орган, нежели полноценный наднациональный институт. ЕЭК состоит из Совета и Коллегии. Совет является типичной межправительственной структурой, формирующейся из представителей стран-участниц, которые по своей должности являются заместителями председателей национальных правительств и, соответственно, отстаивают интересы своих государств. Принятие решений в рамках Совета осуществляется на основе принципа консенсуса, то есть также свидетельствует о межправительственном характере органа.

В свою очередь Коллегию Комиссии уже можно описывать как обладающую наднациональной характеристикой. Коллегия состоит из представителей от каждого государства-члена, которые не находятся на государствен-

ных постах и не являются должностными лицами в своих странах, а значит, по крайней мере, формально независимы от национальных правительств. Государства-участники не могут отзывать их из Коллегии, кроме ряда описанных случаев. Более того, принятие решений внутри Коллегии происходит на основе квалифицированного большинства, что считается одним из признаком наднациональных институтов [19. P. 56].

Модель принятия решений самой ЕЭК также подрывает идею о наднациональности данного органа управления. Это связано с тем, что сущность процедуры предполагает ситуацию, когда любые решения Комиссии могут быть оспорены вышестоящими органами институциональной системы ЕАЭС. Кроме того, ЕЭК необходимо согласовывать свои решения со странами-участницами, каждая из которых обладает правом вето. Таким образом, если Еврокомиссия руководствуется «общими интересами Союза» [18. P. 25] и иногда действует вопреки воле государств-членов ЕС, то ЕЭК свою деятельность осуществляет в первую очередь с учетом интересов стран-участниц.

Дополнительный индикатор отсутствия полноценной наднациональности можно увидеть в вопросах финансирования ЕАЭС. Согласно учредительному договору, Комиссия, иные органы и сама организация полностью обеспечиваются взносами государств-участников, что в значительной мере может нивелировать независимость ЕЭК.

Таким образом, несмотря на то что Комиссию называют наднациональным институтом и ее действительно можно характеризовать как обладающую некоторыми наднациональными свойствами, данный управленческий орган не является самодостаточной и автономной силой, артикулирующей и защищающей интересы ЕАЭС, какой, например, является Европейская Комиссия в Евросоюзе.

В заключении необходимо отметить, что главная угроза, которая нависла над ЕАЭС – значительное замедление с перспективой полного торможения процесса интеграции, а значит перспектива превращения Союза в нечто вроде международного режима мертвых букв, который в рамках теории международных отношений характеризуется наличием четких и формализованных норм, включая как правовые, так и процедурные предписания, сочетающихся с низким уровнем ожиданий участников того, что правила будут соблюдаться, а режим полноценно функционировать [20. P. 55]. ЕАЭС действительно может ожидать судьба предыдущих интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

Чтобы не допустить перехода ЕАЭС в терминальную стадию, видится необходимым формирование наднациональных институтов, поскольку они являются скрепляющими элементами интеграционного объединения, обеспечивающими его устойчивость в условиях волатильности политической конъюнктуры, и могут стать движущей силой евразийской интеграции. При этом, если государства-члены Союза действительно видят свои перспекти-

вы в рамках интеграции, они должны подготовить почву для строительства наднациональных институтов, решив политические, нормативные и институциональные проблемы, препятствующие более глубокому интеграционному процессу. Учитывая специфику постсоветских государств, очевидно, что для формирования таких полноценных наднациональных институтов в ЕАЭС в первую очередь необходима политическая воля лидеров стран-участниц.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Абрамов В.Л.* Интеграционные эффекты взаимной и внешней торговли государств-членов Евразийского экономического союза: состояние и факторы роста // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 3.

2. *Аюпова З.К., Кусаинов Д.У.* Трудовая миграция и ее особенности в странах ЕврАзЭс // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2018. № 1-2.

3. *Баранов Н.А.* Евразийская интеграция в контексте формирования политических режимов // Управленческое консультирование. 2013. № 10 (58).

4. *Глазьев С.Ю., Чушкин В.И., Ткачук С.П.* Европейский Союз и Евразийское экономическое сообщество: сходство и различие процессов интеграционного строительства. М.: ООО «Викор Медиа», 2013.

5. *Жильцов С.С.* Роль Евразийского экономического союза в геополитических процессах на постсоветском пространстве (часть вторая) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).

6. *Заиграева А.В.* Исполнительный комитет СНГ: история создания и деятельность // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 7 (64).

7. *Зиядуллаев Н.С.* Формирование Евразийского экономического союза: риски и шансы в период турбулентности // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 5.

8. *Зуев В.Н.* ЕС: Наднациональный механизм – главный инструмент европейской интеграции // Современная Европа. 2011. № 1.

9. Евразийский экономический союз / Под ред. Е.Ю. Винокурова. Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017.

10. *Киселев С.Г.* Евразия – пространство геополитического и геоцивилизационного противостояния // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 1 (31).

11. *Курылев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта «Один пояс, один путь». Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56).

12. *Медведев Н.П.* Политические проблемы межрегионального сотрудничества и реинтеграции в постсоветском пространстве // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2019. Т. 8. № 2 (28).

13. О Евразийской экономической комиссии // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии // http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/about.aspx.

14. *Перемышлин С.Н.* Глобальные и региональные аспекты управления миграционной политикой государства в контексте евразийской интеграции // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 6 (63).

15. *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // http://izvestia.ru/news/502761.

16. *Энтин Л.М.* Право ЕС. Новый этап эволюции: 2009-2017 годы. Сер. Общие пространства России – ЕС: право, политика, экономика. М.: Аксиом, 2009. Вып. 5.

17. *Busygina I.* Russia in the Eurasian Economic Union: Lack of trust in Russia limits the possible // PONARS Eurasia Policy Memo. 2019. № 571.

18. Consolidated version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 2012. Vol. 55.

19. *Henry G. Schermers, Niels M.* Blokker International Institutional Law: Unity Within Diversity, Fifth Revised Edition. Leiden: Brill, 2011.

20. *Marc A. Levy, Oran R.* Young and Michael Ziirn. The Study of International Regimes. Laxenburg: IIASA, 1994.

21. *Risse Th.* The Diffusion of Regionalism, Regional Institutions, Regional Governance // http://aei.pitt.edu/79467/1/Risse.pdf.

R.SH. KUDASHEV
Post-graduate student
of Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

PROBLEMS OF FORMATION OF SUPRANATIONAL INSTITUTIONS WITHIN THE EEU

At the moment, the Eurasian integration process is no longer developing at the speed that was set at the start of the project itself. Some internal problems within the framework of the Eurasian integration hinder the continuation of the same dynamics. One of the options for stabilizing integration is the formation of supranational institutions within the framework of the Eurasian economic Union, which, however, has not yet been fully implemented. In this regard, it

is necessary to analyze some of the barriers that prevent the emergence of full-fledged supranational institutions. The study highlights two problematic aspects: political and institutional. In conclusion, it is concluded that the formation of supranational institutions in the EEU is important.

Key words: *integration, supranational institutions, the Eurasian economic Union, the Eurasian economic Commission, the European Union.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.023
УДК 32.327
КАНУТЕ СУМАЙЛА
аспирант кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов
(RUDN University), Мали, г. Бамако

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ НА СЕВЕРЕ МАЛИ С НАЧАЛА САХЕЛЬСКОГО КРИЗИСА 2012 ГОДА

В настоящей статье рассматриваются последствия кризиса в области безопасности. Сахельский регион в целом и в частности север Мали сегодня переживают беспрецедентный, сложный и многогранный кризис. Этот регион поражен рядом последствий кризиса, которые определяются такими аспектами как отсутствие политической, социальной и экономической безопасности. Актуальность этого кризиса объясняется растущей угрозой терроризма, воинствующего экстремизма и бандитизма в Сахельском регионе в целом и на севере Мали в частности. В этой части Сахелии данные угрозы препятствуют созданию проектов в области развития, которые осуществляются директивными органами и международным сообществом в целях улучшения условий жизни населения.

Ключевые слова: *Мали, Сахельский регион, кризис, международное сообщество, безопасность, терроризм, Азавад.*

Введение. С момента обретения независимости в 1960 году государство Мали пережило неразрешенное внутреннее восстание, которое на протяжении многих лет неизменно проявлялось в столкновениях на севере страны. В 2011-2012 годах после введения войск НАТО в Ливию север Мали был оккупирован вооруженными ливийскими группировками [11]. Перегруппировка этих вооруженных сил на территорию Мали создало ситуацию нестабильности и ввергло страну в многоаспектный кризис, который 22 апреля 2012 года привел к государственному перевороту. Растущее отсутствие безопасности представляет угрозу для политической стабильности в стране и затрагивает ряд областей, влияющих на развитие стабильности в регионе.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и зарубежных авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3. С. 17-24; 4. С. 188-195].

Однако проблемы политической стабильности и безопасности в Мали нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Ситуация в области безопасности на севере Мали. Мали в течение очень долгого времени сталкивается с повторяющимися угрозами безопасности из-за восстаний в северной части страны [5]. Обстановка ухудшилась еще в 2012 г. из-за присутствия на территории страны вооруженных группировок из Ливии. Сегодня к этой нестабильности добавляются новые формы, такие как бандитизм, конфликт на уровне общин и терроризм.

Развязывание войны в 2012 году увеличило приток оружия, повысив уровень бандитизма, в результате чего многие люди лишились имущества, а также свободы передвижения. Это усилило напряженность между гражданами и правоохранительными органами, создав глубокий кризис в результате неспособности государства обеспечить безопасность населения. Кризис недоверия между государством и гражданами привел к созданию среди мирного населения групп самообороны. Кризис 2012 г. показал, что государство было не в состоянии обеспечить безопасность всей национальной территории, что выразилось в отступлении армии и потере некоторых северных районов. После оккупации северной части страны продажа оружия стала обыденностью среди мирного населения [9].

Одной из форм отсутствия безопасности является сохраняющаяся незащищенность населения: вооруженные ограбления домов, ограбления на дорогах, нападения на финансовые учреждения, на места культа и т.д.

Межобщинные конфликты также играют важную роль в области отсутствия безопасности. Столкновения между общинами обычно возникают из-за земельных споров, вопросов наследования (традиционных, религиозных и т.д. [10]), отсутствие государственной защиты в некоторых населенных пунктах страны привело к возникновению новых вооруженных групп, повстанцев и ополченцев самообороны. Присутствие государственных сил обороны не в состоянии урегулировать даже межобщинные столкновения. Некоторые субъекты, заинтересованные в урегулировании межобщинных столкновений подчеркивают, что правосудие плохо применяется при урегулировании конфликтов на уровне общин. Таким образом, в результате отсутствия юридического регулирования возникающих разногласий вооруженным группам удалось использовать фактор незащищенности мирного населения и склонить их на свою сторону [10].

Отсутствие правительства и местных выборных должностных лиц дает вооруженным группам возможность расширить сферу своей деятельности и укрепить свои позиции на местах. Действительно, для того чтобы эти вооруженные группировки могли обосноваться, они должны дестабилизировать местное управление и навязать себя в качестве единственной альтернативы прежнему государственному управлению. В конечном итоге у населения не будет другого выбора, кроме как выполнять требования новых властных сил.

Терроризм также способствует ухудшению ситуации в Сахеле и в частности на севере Мали. По определению терроризм – это незаконное применение насилия для того, чтобы заставить государство и общество согласиться с политическими, религиозными или самобытными притязаниями [7]. В этом смысле терроризм в корне отличается от организованной и неорганизованной преступности тем, что его целью является не финансовая, а скорее идеологическая выгода. Для достижения своих целей терроризм разрушает национальные символы той или иной страны. Сегодня по своим масштабам он представляется одной из самых серьезных угроз для международного сообщества и политической безопасности.

В течение последних пяти лет терроризм является наибольшей угрозой для малийского государства. С начала войны в 2012 году террористические движения начали активно распространять свое влияние на севере страны при пособничестве некоторых повстанческих групп. Аналитические выводы Салима Чены и Антонина Тиссерона [8] указывают, какое влияние оказала война в Ливии на ситуацию в Сахельском регионе. Распад ливийского государства способствовал возникновению вооруженных и террористических группировок во многих сахельских государствах, таких как Мали, Нигер и Буркина-Фасо. Также было создано множество повстанческих, джихадистских и наркогруппировок, таких как МНЛА, АКМИ, АНЕ САР ДИНЕ, МУЖАО.

Заключение. На данный момент перед сахельскими государствами стоят огромные проблемы связанные с большими и малонаселенными территориями. Эта ситуация благоприятствует распространению во многих районах беззакония и процветания преступных террористических организаций. Слабость местной экономики и отсутствие достоверных данных создают угрозу безопасности. Сахельские государства должны укреплять внутренние надзорные органы, для того чтобы содействовать установлению постоянного пограничного контроля. Укрепление системы управления требует эффективной организации и сотрудничества между всеми государственными структурами в целях облегчения потока информации между различными субъектами, что позволит быстро и слаженно принимать решения. Предотвращение кризиса зависит от степени организованности действий государственных структур, а выход из кризиса зависит от актуальности действий политической власти.

Отсутствие безопасности в Мали является гораздо более сложным явлением, чем может казаться с первого взгляда, это требует более глубокого анализа, который бы учитывал форму, контекст и логику политических, экономических и правовых действий в Мали.

Аббревиатуры:

АКМИ (AQMI) – Аль-Каида в исламском Магрибе.

АНЕ САР ДИНЕ (Ançar Dine) – группа основана Ияд Аг Гали в 2012 году.

МУЖАО (MUJAO) – группа за единство и джихад в Западной Африке.
МНЛА (MNLA) – национальная группа за освобождение Азавада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Камара Сиди.* Особенности этнополитического сепаратизма в республике Мали и его влияние на политическую стабильность // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2017. № 4.

2. *Камара Сиди.* Взаимосвязь между этничностью, сепаратистским настроением и терроризмом в странах Сахеля: на примере Республики Мали // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 11 (51).

3. *Медведев Н.П., Камара С.* Проблемы этносепаратизма в Африке: национально-освободительное движение АЗАВАДА (МНЛА) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2018. № 1 (23).

4. *Слизовский Д.Е., Медведев Н.П.* Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

5. Contexte sécuritaire au Nord et Centre du Mali: les enjeux d'acteurs à l'horizon 2019/Août 2018.

6. Human Rigths Watch (2016). Mali: les abus s'étendent dans le sud du pays, Rapport de février 2016.

7. *Jakkie C.* (2004). L'Afrique et le terrorisme // Afrique contemporaine. N°209.

8. *Mamadou Mouth Bane.* Le crime organisé dans le Sahel. 24 avril 2019.

9. *Ousmane Ouloguem.* La souveraineté des Etat du Sahel face aux défis du Sahel sécuritaire. 2 mai 2018.

10. *Sangare Boukary.* (2016). Le Centre du Mali: épicentre du djihadisme? // Note d'Analyse du GRIP. 20 mai 2016.

11. *Tisseron A.* Mali: quels chantiers, quelles avancées? // Note d'Analyse du GRIP. 22 décembre 2015.

KANOUTE SOUMAILA
Postgraduate student of the Department
of Comparative Political Science, Peoples' Friendship
University of Russia (RUDN University),
Bamako, Mali

PROBLEMS OF SECURITY IN NORTH MALI SINCE THE SAHEL CRISIS IN 2012

The article examines the consequences of the security crisis. The Sahel region as a whole and, in particular, the north of Mali in general, today is experiencing an unprecedented, complex and multifaceted crisis. The region is affected by a number of consequences of the crisis, which are determined by such aspects as the lack of political, social and economic security. The urgency of this crisis stems from the growing threat of terrorism, violent extremism and banditry in the Sahel region in general and in northern Mali in particular.

Key words: *Mali, Sahel, crisis, international community, security, terrorism, Azavad.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.024
УДК 327
А.В. СТЕБНЕВА
аспирант кафедры российской политики
факультета политологии МГУ
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В СИРИИ ПРИ АДМИНИСТРАЦИЯХ Б. ОБАМЫ И Д. ТРАМПА

Приведен сравнительный анализ контртеррористической деятельности администраций Б. Обамы и Д. Трампа в Сирии. Выявлены основные отличия в их подходах, обусловленные разными внутриполитическими и геополитическими интересами групп влияния в США. Эти противоречия были отображены как в официальных документах американских ведомств, так и проявились непосредственно в Сирии.

Ключевые слова: *терроризм, США, Сирия, Ближний Восток, Барак Обама, Дональд Трамп.*

Одной из ключевых угроз национальной безопасности США является терроризм, о чем говорится не только во всех ключевых документах, касающихся американской национальной безопасности и внешней политики, но и официальными лицами вместе с экспертами. После событий 11 сентября 2001 года, использованных американским руководством для развязывания глобальной войны с международным терроризмом, возникновение которого совпало с началом войны США с ним, данная тема стала едва ли не главной во всей американской внешней политике, а также оправданием ужесточения слежки за американскими и иностранными гражданами ради укрепления национальной безопасности (например, принятие «Акта о патриотизме» [13]). Фактически элита США и ориентированные на них наднациональные структуры нашли очередного врага, образ которого до 1991 года воплощал в себе СССР и весь социалистический лагерь. Под предлогом борьбы с международным терроризмом американский истеблишмент осуществлял и продолжает осуществлять интервенции в разные страны мира, в т.ч. и в Сирию. Причем, данная стратегия продолжается независимо от того, какая администрация находится в Белом доме и чьи элитарные интересы она представляет. Ниже мы рассмотрим некоторые различия в борьбе с терроризмом администраций Барака Обамы и Дональда Трампа.

1. Борьба с терроризмом в Сирии (администрация Б. Обамы).

Наиболее ярким примером противодействия терроризму во время второй администрации Б. Обамы являлась война с Исламским государством (ИГ), проводившаяся путем ограниченных авиаударов и спецопераций с целью ликвидировать наиболее недоговороспособных террористов [2. С. 378; 4]. Данный подход не мог уничтожить группировку и, не исключено, такая задача и не ставилась в реальности. В значительной степени это было связано с использованием ИГ в качестве инструмента воздействия против Саудовской Аравии, поскольку на период лето-осень 2016 года шло выдавливание группировки сразу по трем направлениям – север (турки, ССА и курды), запад (проасадовские силы, включая Россию и Иран) и восток (наступление Иракских сил безопасности и шиитского ополчения «Аль Хашд аш-Шааби» на позиции игиловцев в Ираке) [1]. Единственным направлением, куда ИГ могло уйти, был юг, в сторону Саудовской Аравии.

Одной из причин этому было то, что Эр-Рияд не входил в круг ближайших союзников сил, стоящих за Б. Обамой, что отчетливо проявлялось во взаимоотношении Вашингтона и Эр-Рияда во времена его президентства. Достаточно вспомнить рассекречивание американской стороной некоторых документов, касающихся событий 11 сентября 2001 года, а также принятие закона, позволившего жертвам тех событий и их родственникам возбуждать в американских судах гражданские иски против правительства Саудовской Аравии, что было негативно воспринято саудовскими властями. Перенос ставки на Иран, подтвержденный достигнутым Совместным всеобъемлющим планом действий [8] касательно иранской ядерной программы в июле 2015 года с целью контроля Ближнего Востока руками шиитского государства, был направлен и против Эр-Рияда, и против Тель-Авива (Израиль в большей степени ориентируется на республиканцев), с которым у Б. Обамы были также натянутые отношения. Его администрация делала ставку на Катар, чье вмешательство в сирийский конфликт фактически подтвердил бывший премьер-министр Катара шейх Хамад бин Джассим бин Джабер Аль-Тани в интервью Financial Times [10].

Доха числилась одним из важнейших инструментов демонтажа целого ряда режимов ближневосточных стран, ориентированных на республиканскую элиту. Одной из ключевых фигур в этой операции была тогда еще госсекретарь Хиллари Клинтон, являвшаяся одним из главных инициаторов госпереворотов в Магрибе и Ближнем Востоке. Ликвидация прореспубликанских арабских режимов подрывала влияние противников глобалистов внутри США, чьи интересы представляли Б. Обама и Х. Клинтон.

2. Борьба с терроризмом в Сирии (администрация Д. Трампа).

Поддержка экспансии Дохи завершилась с приходом в Белый дом Д. Трампа. Новый президент представляет американский ТЭК, ВПК и силы, близкие к Саудовской Аравии и Израилю. В результате произошел резкий

поворот в отношении к происходящему на Ближнем Востоке в целом. Практически в первые месяцы президентства Д. Трампа был серьезно пересмотрен подход к ИГ. Воссозданная коалиция из курдов при поддержке США и их союзников ставила перед собой цель взять под контроль территории к востоку от Евфрата, занятые на тот момент игиловцами. Одновременно с этим проводилась операция по деблокаде Дейр эз-Зора проасадовкой коалицией, а операция по освобождению Мосула вошла в свою решающую фазу. Таким образом, синхронизированная атака на все основные позиции игиловцев позволила лишить его маневра и за год сократить занятые им территории приблизительно на 90%. Тем самым попутно была ликвидирована угроза Саудовской Аравии, для которой война с еще одним непростым противником в лице ИГ, на фоне провальной войны в Йемене и внутридинастических перипетий, могла оказаться фатальной. После этого, в интересах партнеров саудовцев в США из числа нефтяных компаний и Республиканской партии, а также всего американского ВПК, в ходе ближневосточного турне Д. Трамп подписал с Эр-Риядом рекордную оружейную сделку на 110 млрд. USD [11].

Возвращаясь к ИГ, следует отметить, что ситуация по-прежнему остается сложной. Во-первых, небольшая часть территории Сирии все еще находится под его контролем либо присягнувших ему боевиков. Во-вторых, значительное количество боевиков были эксфильтрованы в другие регионы мира, включая Магриб, Синайский полуостров, Афганистан и ЮВА. Теперь эта организация перешла из квазигосударственной формы существования в классическую сетевую полуподпольную террористическую структуру, форма существования которой более адекватна при отсутствии собственной территории. Данный фактор играет серьезную роль с учетом способности оргструктур ИГ внедряться в то или иное общество, используя методы преступных синдикатов [3]. Разрушение материнской структуры Исламского государства привело к ее фрагментации и переходу в сетевую форму существования с распространением вне территории своего образования. Тем самым был запущен механизм, обосновывающий борьбу с этой террористической организацией, для чего, в частности, в 2017 году Д. Трамп позволил Пентагону увеличить контингент в Афганистане и расширил полномочия американских военных. Как следствие, механизм борьбы с терроризмом вошел в замкнутый круг: дестабилизация Сирии привела к взрывному росту террористических организаций, а борьба с ними не столько ведет к их уничтожению, сколько продуцирует географическое расширение этой угрозы.

Стоит выделить отношение к Ирану со стороны администрации Д. Трампа в контексте декларируемой борьбы с терроризмом. В документах органов власти США, ответственных за внешнюю политику, акцентируется внимание на спонсировании им группировок по типу Хезболлы, действующей также и в Сирии. Данная организация признана США террористической,

равно как и большинством их союзников, включая Израиль. Например, в документе Госдепартамента JSP 2018-2022 (опубликован при администрации Д. Трампа [6]) отмечается, что в Иране подготавливаются силы ополченцев, состоящие более чем из 100 тыс. неиранских боевиков для ведения боевых операций и расширения своего влияния в регионе Ближнего Востока, в т.ч. и в Сирии. Речь шла об огромном числе шиитских военизированных формирований, собранных Ираном на территории от Ливана до Пакистана (например, ливанская Хезболла, афганский Фатимиюн, пакистанский Зайнабиюн, йеменская Ансар Алла и пр. [9]) для защиты своих интересов в регионе и продолжения создания «шиитского пояса» по линии Бейрут – Дамаск – Багдад – Тегеран. Отметим, что власть Б. Асада в значительной мере держится за счет проиранских прокси-формирований.

Контроль сирийско-иракской границы с целью не допустить намеченной шиитской связки в интересах Ирана явно просматривается в действиях Вашингтона. В таком случае переброска подготовленных иранских прокси в зону конфликта крайне затруднится, что будет использовано как основа для подрыва его влияния в регионе. Анализ документов, в частности, Госдепартамента, показывает нацеленность администрации Д. Трампа на стратегическое противостояние с Ираном, и борьба с терроризмом здесь лишь предлог.

Заключение. В целом, борьба с терроризмом у Вашингтона является весьма специфической: когда выгодно группировку считать таковой – ее уничтожают, если ее выгодней использовать в политических целях, то немедленно вычеркивают из списка террористических организаций. Так произошло с леворадикальной группировкой Моджахеддин-е Халк (Mujahedin e Khalq) в сентябре 2012 года, поскольку это формирование проводило активную подрывную, террористическую деятельность, апофеозом которой стало убийство иранского президента М. Раджаи, премьер-министра М. Бахонара, а также ряда высокопоставленных правительственных чиновников в августе 1981 года. В ходе своей террористической деятельности Моджахеддин-е Халк убила 12 тыс. человек [7] – больше, чем погибло людей от всех совершенных в Европе терактов вместе взятых, начиная с января 1970 года (всего, согласно The Washington Post [5], использовавшей данные The Global Terrorism Database [12], в Европе с января 1970 года по 2016 год погибло 11288 человек в 18811 атаках). Примечательно, что экс-госсекретарь Дж. Керри в 2016 году поблагодарил правительство Албании за размещение у себя беженцев, представителей Моджахеддин-е Халк. Для этих целей были выделены средства для оказания помощи Албании в обеспечении безопасности и экономического развития с целью увеличения возможностей Тираны в деле приема указанных «беженцев», перемещенных при активном участии США из иракского лагеря «Свобода».

Приведенный пример в очередной раз показывает, что «борьба с терроризмом», как в Сирии, так и в других странах и регионах, для администра-

ций США и их государственных институтов, в первую очередь, является инструментом достижения конкретных внутриполитических и геополитических целей в интересах конкретных группировок в американском истеблишменте.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Манойло А.В., Стригунов К.С.* Геополитическая напряженность вокруг Ирана в локальном, региональном и глобальном контекстах // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 11 (85).

2. *Манойло А.В., Стригунов К.С.* Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. Горячая линия – Телеком Москва. 2020.

3. *Овчинский В.* Новый мировой беспорядок // Завтра. 4 августа 2016 // http://zavtra.ru/blogs/mirovoj-besporyadok-krimokratiya-i-vyiboryi-prezidenta-ssha.

4. *Стригунов К.С.* Двойственность ближневосточной стратегии Вашингтона // Центр военно-политических исследований МГИМО // http://eurasian-defence.ru/?q=ekskl yuziv/analitika/dvoystvennost-blizhnevostochnoy.

5. *Alcantara C.* 46 years of terrorist attacks in Europe // https://www.washingtonpost.com/graphics/world/a-history-of-terrorism-in-europe.

6. FY 2018-2022 Department of State and USAID Joint Strategic Plan // Department of State. 2018 // https://www.state.gov/documents/organization/277156.pdf.

7. Global Security. Mujahedin-e Khalq Organization // https://www.globalsecurity.org/military/world/para/mek.htm.

8. Joint Comprehensive Plan of Action // European Parliament. July 14, 2015 // https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/122460/full-text-of-the-iran-nuclear-deal.pdf.

9. *Jones S.G.* War by Proxy: Iran's Growing Footprint in the Middle East // Center for Strategic and International Studies. March 11, 2019 // https://www.csis.org/war-by-proxy.

10. Lunch with the FT: Sheikh Hamad Bin-Jaber al-Thani // Financial Times. 2016 // https://www.ft.com/content/98477922-0227-11e6-99cb-83242733f755.

11. Statement from President Donald J. Trump on Standing with Saudi Arabia // The White House. November 20, 2017 // https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-donald-j-trump-standing-saudi-arabia/.

12. The Global Terrorism Database // http://www.start.umd.edu/gtd.

13. The USA PATRIOT Act: Preserving Life and Liberty // Department of Justice. 2001 // https://web.archive.org/web/20100102035036/http://www.justice.gov/archive/ll/highlights.htm.

A.V. STEBNEVA
PhD student, Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia

FEATURES OF THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN SYRIA UNDER THE ADMINISTRATIONS OF B. OBAMA AND D. TRUMP

A comparative analysis of the counter-terrorism activities of the administrations of B. Obama and D. Trump in Syria is given. The main differences in their approaches are revealed due to different internal political and geopolitical interests of groups of influence in the United States. These contradictions were reflected both in the official documents of American departments and manifested themselves directly in Syria.

Key words: *terrorism, USA, Syria, Middle East, Barack Obama, Donald Trump.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.025
УДК 32.327
А.М. КУДРАТОВ
независимый исследователь
Академии государственного управления
при Президенте Республики Узбекистан,
Республика Узбекистан, г. Ташкент

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ

В статье анализируются особенности становления и развития волонтерского движения в Узбекистане. В статье также раскрывается цель волонтерского движения, его правовые основы, формы реализации, основные задачи. Было отмечено, что волонтерское движение играет особую роль в становлении и развитии гражданского общества в Узбекистане.

Ключевые слова: *волонтерство, ООН, декларация, концепция, свобода, доброта, человечность.*

Если посмотреть на историю развития человечества, то можно увидеть, что добровольческие движения очень успешно развиваются на протяжении долгого времени. Несмотря на то, что история развития международных взаимоотношений изобилует разного рода социальными революциями, вооруженными конфликтами и войнами, можно найти множество доказательных примеров тому, как много затрачено сил и средств для взаимопомощи, волонтерства и взаимовыручки.

Мирные организации, нацеленные на установление добрососедских отношений как между представителями различных социальных слоев внутри страны, так и между народами, расами и различными национальностями сыграли важную роль в развитии благородных идей в социальной жизни стран всего мира.

Историки отмечают, что первый крупный проект, связанный с волонтерством, был осуществлен в 1920 г. недалеко от Страсбурга, во Франции. Участники проекта, французская и немецкая молодежь, занимались восстановлением разрушенных во время Первой мировой войны ферм. Добровольцам не платили за их работу, но им предоставляли жилье, оплачивали расходы на питание и медицинскую страховку. Этот принцип организации волонтерской работы сохранился до наших дней.

В 1960-х годах стали появляться добровольческие программы, целью которых было установление добрососедских отношений между народами Западной и Восточной Европы. Спустя десятилетия экологические проекты получили широкое распространение. Самой известной природоохранной организацией, объединяющей более 14 тыс. волонтеров по всему миру, является Greenpeace, цель которой содействие охране окружающей среды, экологическое образование и пропаганда экологически чистого образа жизни.

Волонтерство широко распространено в западных странах, таких как США, Япония, Великобритания, Германия и Канада. В Германии в XX в. возник термин «Bürgerschaftliches Engagement», который объясняет суть волонтерской деятельности [3. P. 15]. Исходя из терминологии данной немецкими исследователями, волонтерство – это добровольная деятельность граждан по достижению общих целей, которая направлена не на получение финансовой выгоды, а на достижение общего блага.

После нескольких лет исследований институт Дж. Хопкинса пришел к выводу, что «волонтерство – это комплекс нематериальных комплексных действий» [4. P. 224].

Волонтерство – это добровольное и личное обязательство, волонтер самостоятельно определяет свой объем и место работы. Следует отметить, что согласно международным стандартам еженедельная рабочая нагрузка волонтера не должна превышать 20 часов, поэтому организации, занимающиеся волонтерством, строго контролируются со стороны государства.

5 декабря считается Международным днем волонтера (International Volunteer Day). Этот праздник отмечается с 1985 года по инициативе Генеральной Ассамблеи ООН.

Цели и задачи волонтерства заключаются в следующем:

Цели волонтерства – помощь обществу в целом, защита окружающей среды, участие в общественно значимых мероприятиях, содействие гражданской активности, самоорганизация, социальная ответственность, солидарность, взаимопомощь.

Задачами волонтерства являются:

– формирование механизмов вовлечения граждан в различные общественные мероприятия, направленные на повышение качества жизни населения;

– содействие обществу в решении социальных проблем;

– развитие и поддержка гражданских инициатив, направленных на организацию волонтерства;

– формирование у населения навыков здорового образа жизни, воспитание чувства патриотизма;

– приобретение гражданами навыков самовыражения и самоорганизации для решения социальных проблем [1. P. 1].

Волонтерство может принимать следующие формы:

– индивидуальное волонтерство;

– волонтерство в составе группы добровольцев;

– волонтерство через волонтерскую организацию.

Волонтерство осуществляется в следующих областях:

– поддержка бедных, безработных, многодетных семей, бездомных, а также тех, кто нуждается в социальной реабилитации;

– уход за больными, инвалидами, одинокими, пожилыми людьми и теми, кто нуждается в поддержке и помощи в силу своих физических, материальных или иных потребностей;

– помощь гражданам, пострадавшим от чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера, социальных конфликтов, несчастных случаев, а также помощь для жертв преступлений и беженцам;

– помощь лицам, чьи права и законные интересы ограничены в силу их физических или иных особенностей;

– проведение мероприятий, связанных с охраной окружающей среды, сохранением культурного наследия, историко-культурной среды;

– содействие в проведении мероприятий общегосударственного и международного значения в связи с организацией массовых спортивных, культурных мероприятий и других общественных мероприятий;

– оказание волонтерской помощи Вооруженным силам Республики Узбекистан, другим военным ведомствам, правоохранительным органам, местным органам власти в периоды чрезвычайного положения.

Волонтерство может осуществляться и в других областях, не запрещенных законом [1. P. 2].

Волонтерство означает всегда быть готовым прийти на помощь другим, даже если есть риск для собственной жизни. Добровольцы благоустраивают места для общественных нужд, высаживают деревья, очищают территорию от мусора, строят детские сады, помогают пожилым и инвалидам, организуют поездки для детей, одним словом, занимаются социальными и общественными делами.

Недавно в Узбекистане возродилась волонтерская деятельность, особенно в области охраны окружающей среды. Можно с уверенностью сказать, что волонтерство сегодня является наиболее быстро развивающимся и популярным общественным движением.

На очередном заседании Законодательной палаты Олий Мажлиса 6 ноября 2019 года был принят проект закона «О волонтерской деятельности», который вступил в силу 3 декабря 2019 года. Этот закон был разработан депутатами нижней палаты парламента для обеспечения выполнения Указа Президента Республики Узбекистан от 4 мая 2018 года «О мерах по радикальному повышению роли институтов гражданского общества в демократическом обновлении страны».

Закон охватывает ряд важных аспектов. В частности, этот документ предусматривает введение форм и методов волонтерства (через формирование волонтерских организаций, волонтерских программ), определение прав и обязанностей волонтеров. Также предусмотрено, что Министерство юстиции введет реестр волонтерских мероприятий и будет регулярно его обновлять. Кроме того, планируется реализовать «добровольное соглашение».

Задачей принятого законопроекта является регулирование отношений в области организации и реализации волонтерства, формирования единого набора правовых концепций волонтерства, дальнейшая активизация деятельности волонтерского движения.

В последние годы гражданское общество и его институты активно развиваются в Узбекистане. Социальная активность населения с каждым годом только растет. Чувство причастности людей к продолжающимся демократическим реформам в обществе увеличивается, формируется активная гражданская позиция. Волонтерство также является важной частью гражданского общества и показателем его развития.

Волонтеры – настоящие патриоты, преданные служению стране. В Узбекистане широко распространено волонтерство при проведении различных национальных и международных мероприятий, ежегодно проводятся различные международные акции. Волонтеры также активно участвуют в организации спортивных соревнований, крупных общественно-политических мероприятий, в частности, выборов.

Правовое регулирование добровольчества служит углублению принципов социальной справедливости в обществе, созданию равных правовых условий для всех граждан, занимающихся этой деятельностью.

В Узбекистане уже давно существует волонтерское движение, но до сих пор этот вопрос вообще не регулировался, что и послужило главной причиной разработки законопроекта. В связи с этим целью закона является регулирование отношений, связанных с осуществлением волонтерской деятельности в стране, повышение эффективности деятельности неправительственных организаций, развитие гражданского общества, обеспечение и развитие добровольчества в соответствии с современными требованиями.

На сегодняшний момент в более чем 80 странах мира существуют волонтерские организации. Благодаря большой поддержке, оказываемой им со стороны государств, волонтерский сектор становится важной составляющей социально-экономического развития стран. Волонтерство побуждает молодых людей активно участвовать в жизни общества, приобретать необходимый опыт работы, развивать навыки и умения в соответствии с требованиями рынка труда, повышать их активность в социальных отношениях [5. P. 2].

В нашей стране волонтерство развивается очень интенсивно, это связано с узбекистанскими многовековыми ценностями, в частности, «хашар» является распространенной формой волонтерства.

В прошлом веке слова хашар и хашарчи широко использовались. Работы, выполненные за счет сил всего сообщества называются хашар. Участники хашара – это современные волонтеры. Таким образом, в Узбекистане волонтерство развивается достаточно продолжительное время, благодаря хашару у многих талантливых детей была возможность поехать учиться за границу, на средства хашара строились дома для нуждающихся семей, также благодаря хашару возводились мосты, строились дороги и медресе.

Согласно социологическим исследованиям, около 90% неправительственных некоммерческих организаций эффективно используют волонтеров для осуществления своей деятельности. Наиболее активными из них являются Союз молодежи Узбекистана, Комитет женщин Узбекистана, Республиканский центр духовности и просвещения.

Органы государственной власти также активно привлекают добровольцев в качестве переводчиков и наблюдателей на крупных международных конференциях, семинарах, спортивных соревнованиях и других общественных мероприятиях.

Волонтерство активно распространяет свою деятельность через ряд социальных сетей. Например, в Facebook есть группа «volontyory.uz», которая насчитывает более 12 000 членов. Члены группы обмениваются информацией о благотворительных акциях. Они помогают разыскивать пропавших людей, очищают улицы от мусора, защищают бездомных животных, покупают лекарства для нуждающихся и собирают средства на дорогостоящие медицинские операции, а также занимаются другими общественными делами, главная цель которых – оказание помощи [6. P. 3].

В 2017 году Союзом молодежи Узбекистана была учреждена Всемирная ассоциация молодежи Узбекистана, основная деятельность которой связана с волонтерством. Основной целью Всемирной молодежной ассоциации является работа с молодыми людьми, являющимися гражданами Республики Узбекистан, предоставление для них возможностей обучения и работы за рубежом, защиты их прав и интересов, а также реализация их идей и инициатив на основе добровольного труда. Сегодня в зарубежных странах у Ассоциации есть свои координаторы, которые добровольно служат на благо интересов своих соотечественников.

Следует отметить, что различие между деятельностью добровольцев в нашей стране и развитых странах заключается в отсутствии закона, регулирующего осуществление волонтерской деятельности. Этот вид социальной деятельности только частично описан в законе о спонсорстве. В настоящее время в национальной базе данных законодательства Республики Узбекистан в 12 нормативных актах насчитывается более 46 000 раз применения понятия «волонтер» [6. P. 4].

Таким образом, в нашей стране деятельность волонтеров продолжительное время развивалась без правовой основы. Такие пробелы в законода-

тельстве создают «широкое поле» для деятельности международных активистов, которые стремятся «объединить» молодежь Узбекистана на основе ценностей, несовместимых с государственной политикой и национальным менталитетом.

Сегодня волонтерство охватывает следующие аспекты:

Во-первых, в мире растет число добровольцев и тех, кто занимается этой деятельностью. По данным Фонда гуманитарной помощи Charites Aid Foundation только в 2014 году более 1 миллиарда людей старше 18 лет добровольно вызвались работать в некоммерческом секторе (21%) в 145 странах; а 2,2 миллиарда человек (48,9%) пожертвовали личные средства в различные фонды. Социологические опросы показывают, что количество людей, занимающихся подобной деятельностью в мире, и тех, кто в ней заинтересован, увеличивается из года в год.

Во-вторых, добровольчество является позитивным движением во всех его теоретических и практических аспектах, оно сосредоточено на проблеме особой социальной значимости, сегодня виды добровольчества расширяются. В то же время в обществе существует постоянная потребность в добровольцах. Особенно сегодня, когда глобализация и рыночные отношения углубляются и входят практически во все сферы нашей жизнедеятельности, волонтерство играет важную роль в поиске позитивных решений проблем.

В-третьих, волонтерство является неотъемлемой частью гражданского общества. Это является, как и позитивным, так и негативным фактором, поскольку если гражданское общество будет развиваться, появятся широкие возможности для развития волонтерского движения, а если развитие гражданского общества столкнется с кризисом, то и волонтерство значительно пострадает. Таким образом, можно сказать, что развитие гражданского общества и развитие волонтерского движения тесно взаимосвязаны.

В-четвертых, волонтерское движение не ограничивается территориями отдельных государств, национальными границами или конкретными регионами. Сегодня волонтерское движение выходит за пределы местных, национальных и региональных границ и становится движением международного характера с глобальным значением. Оно играет уникальную роль в обеспечении межкультурной коммуникации и формировании взаимной гармонии в мире.

Волонтер – это человек, который думает о проблемах и нуждах других, самоотверженно служит благополучию всего общества и его интересам, осуществляет добровольную, социально значимую деятельность. Волонтерство – это один из крупнейших социальных проектов в мире, объединяющий людей из разных городов, стран и целых континентов. Международные форумы, программы обмена, чемпионаты, саммиты, олимпиады и тысячи других проектов увеличивают количество людей во всем мире, которые выбрали путь добровольческой деятельности.

Если в 1987 году число добровольцев составляло 80 миллионов, то к 2009 году их насчитывалось порядка 130 миллионов. Во время пандемии COVID-19 число волонтеров превысило 300 миллионов человек, большинство из которых молодые люди. Нужно помнить, что волонтерство начинается с действий каждого отдельно взятого человека, стремящегося творить добрые дела без материального или иного умысла, и то в каком обществе и, в целом, в каком мире мы живем зависит только от нас самих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Ўбекистон Республикасининг Волонтерлик фаолияти тўғрисидаги қонуни // https://lex.uz/docs/4623999

2. CAF. World giving index 2015. A global view of giving trends. 2015 // http://www.cafrussia.ru/ page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1

3. Eva More-Hollerweger a.o. Univ.-Prof. Dr. Arno Heimgartner. 1. BERICHT ZUM FREIWILLIGEN ENGAGEMENT IN OSTERREICH. Erstellt vom Institut fur interdisziplinare Nonprofit Forschung an der Wirtschaftsuniversitat Wien (NPO-Institut). Wien, Juni 2010.

4. Salamon M., Sokolowski S., Haddock M. Measuring the economic value of volunteer work globally: concepts, Estimates, and a roadmap to the future // Annals of Public and Cooperative Economics. 2011. Vol. 82. № 3.

5. http://parliament.gov.uz/uz/events/other/29115/

6. https://uza.uz/oz/politics/akmal-saidov-volontyerlik-faoliyati-t-risida-gi-onun-bizga-n-07-11-2019.

A.M. KUDRATOV
Independent researcher at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

PECULIARITIES OF THE DEVELOPMENT OF THE VOLUNTEER MOVEMENT IN UZBEKISTAN

The article scientifically analyzes the features of the formation and development of the volunteer movement. The article also reveals the purpose of the volunteer movement in Uzbekistan, its legal foundations, forms of implementation, the main tasks in society. It was noted that the volunteer movement plays a special role in the formation and development of civil society in Uzbekistan.

Key words: *volunteering, volunteering, deeds of the soul, UN, declaration, concept, freedom, kindness, humanity.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.026
УДК 32.327
А.А. ХВАЛЕЙ
студент кафедры политологии Востока
Института стран Азии и Африки Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва
А.А. БУРЫГИН
ассистент кафедры политологии Востока
Института стран Азии и Африки Московского
государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва

ДЕТСКИЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА (на примере «Ашбаль ал-Хилафа»)

Феномен детского терроризма (1) не является новым и на настоящий момент обладает определенной историей. Несмотря на международные нормативно-правовые акты, в том числе принятую в 2018 году резолюцию СБ ООН № 2427 «О детях и вооруженных конфликтах» [6], незаконное использование несовершеннолетних в вооруженных конфликтах и террористических целях пресечь полностью до сих пор не удается.

Ключевые слова: *терроризм, дети, экстремизм, радикализм, молодежь, Ближний Восток.*

Современный Ближний Восток крайне нестабилен. Мы наблюдаем в нем множество разнонаправленных политических процессов. Одним из результатов подобной нестабильности является активизация деятельности экстремистских группировок. Они стали той разрушительной силой в мировой политике, с которой приходится считаться и главам государств, и лидерам международных организаций. Исследователи отмечают, что одним из методов претворения экстремистской идеологии в жизнь является терроризм. В термин **«терроризм»** в современном российском законодательстве (Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 года) вкладывают следующее значение: «идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанная с силовым воздействием, устрашением мирного

населения и/или иными формами противоправных насильственных действий» [1. С. 1555-1563]. Сегодня в общественном сознании существует представление о террористе как о бородатом мужчине средних лет с автоматом наперевес. Однако оно давно перестало полностью и всесторонне отражать объективную реальность и стало скорее стереотипом, поскольку ряды террористов пополняются не только мужчинами и представляют гораздо более пеструю картину.

На протяжении XX века именно дети неоднократно были использованы боевиками различных террористических формирований во время ведения боевых действий и для совершения терактов, особенно во время гражданских войн в Уганде, Сьерра-Леоне и Камбодже. До недавнего времени наиболее показательным был случай Сомали, где по оценочным данным количество несовершеннолетних, вовлеченных в боевые действия и исламский терроризм, достигает 80% [10. P. 136] от всей численности радикальной исламской группировки «Харакат аш-Шабааб» (2).

Однако если раньше «детское направление» в терроризме в целом и в исламском терроризме в частности не было основным, то сегодня использование детей становится одной из наиболее быстро развивающихся тенденций. На наш взгляд, активизация детского терроризма в последние годы непосредственно связана с деятельностью Исламского государства (ИГ) (2), появление которого ознаменовало новую веху международного исламского терроризма.

Боевики Исламского государства всегда уделяли особое внимание младшему поколению, видя в нем, в первую очередь, надежную опору для построения своего квази-государства – халифата. Подобная логика имеет под собой очень прочный рациональный фундамент. Халифат – это тип государственного устройства, при котором вся полнота законодательной, исполнительной, судебной и военной власти осуществляется элитой от имени уммы (общины правоверных мусульман). Причем нужно отметить, что умма – это внепространственное и вневременное сообщество, которое объединяет мусульман, живших столетия назад и которые будут жить через многие поколения. Этим объясняется то внимание, которое оказывают идеологии ИГ подрастающему поколению. Так, например, в ИГ имеется специализированный орган, занимающийся пропагандой, вербовкой боевиков за границей и работой с молодежью, – это Исламское управление общественной информации. Вербовка молодежи идет именно через объяснение преимуществ перехода под знамена экстремистов. Запугивание и насильственное обращение в свои ряды в основном не используется ни при работе с иностранцами, ни при контактах с населением захваченных территорий. Объясняется это тем, что в период своего расцвета лидеры ИГ стремились построить полноценное государство, со всеми присущими ему атрибутами. Была разработана налоговая система, политико-правовая база, выстроена

властная вертикаль [2. С. 101-112]. Однако главным элементом любого государства является его население. Государство прочно только в том случае, если население лояльно действующей власти. Идеологи ИГ это прекрасно понимали и именно поэтому так активно работали на молодежном направлении, чтобы в будущем получить подданных, которым их власть казалась бы полностью легитимной.

Вмешательство Воздушно-космических сил России и международной коалиции во главе с США в гражданскую войну в Сирии в 2015 году перечеркнули планы боевиков. ИГ понесло огромные военные потери, которые боевики стали восполнять за счет всеобщей мобилизации, в том числе мобилизации детей. Именно с этого момента активное развитие получило молодежное боевое крыло ИГ под названием «Ашбаль ал-Хилафа» («Львята халифата»), в котором просматриваются некоторые характерные черты одной из крупнейших подобных организаций – Гитлерюгенда, существовавшего в гитлеровской Германии.

Во-первых, обе организации преследовали в качестве цели идеологическое воспитание подрастающего поколения и превращение детей в полноценных членов террористической или фашистской организации соответственно. Во-вторых, молодежные организации использовали детей в пропагандистских целях, насаждая свою идеологию широким массам и запугивая их посредством детей. В-третьих, дети-члены «Ашбаль ал-Хилафа» и Гитлерюгенда были использованы своими руководителями во время ведения боевых действий в качестве полноценных солдат. В-четвертых, для реализации вышеприведенных задач, и боевики ИГ, и деятели НСДАП создавали специальные тренировочные лагеря, в которых под руководством взрослых членов организаций дети проходили военную подготовку и подвергались идеологической обработке. Однако сходства проявляются и на меньшем уровне. Например, для укрепления боевого духа и личной преданности руководители Гитлерюгенда организовывали среди детей коллективное исполнение идеологических песен, а боевики ИГ, в свою очередь, прибегают к коллективному чтению вслух исламских текстов. Таким образом, становится ясно, что боевики ИГ не создавали детскую военизированную организацию с нуля, а пользовались в известной степени наработками Гитлерюгенда и других подобных организаций.

Однако почему ставка делается именно на детей (а даже не на гораздо более широкую и разнородную социальную группу – молодежь), и чем объясняется важность работы с подрастающим поколением? В случае с исламским терроризмом, на наш взгляд, это объясняется тем, что дети боевиков, а также захваченные в плен, отнятые у родителей или добровольно отданные родителями представляют собой наиболее уязвимую для идеологического влияния аудиторию. Такие категории детей, как правило, создают основу экстремистской молодежной организации. Но, в связи с психологической

уязвимостью всех детей в целом, вербовочная работа ведется террористами и с расчетом на более широкий круг несовершеннолетних. В «Ашбаль ал-Хилафа», например, боевики в основном заманивают детей в мечетях и школах (а также просто на улице), где наравне с пропагандой радикальных идей детям предоставляют одежду, угощения, деньги или другие материальные стимулы. Если ребенок на оккупированной территории пожелает сражаться на стороне ИГ, у его родителей нет иного выхода, кроме как отдать ребенка террористам, иначе им грозит наказание вплоть до казни.

Известно, что детская психика, в связи с определенными особенностями ее развития, представляет собой благодатную почву для насаждения любых идей, которые в дальнейшем сформируют основные личностные качества и морально-нравственные ориентиры. Дети наиболее склонны к подражанию и высокочувствительны к внешнему воздействию. При этом идеологическая «обработка» ребенка становится возможной с 3,5 лет, когда у него начинает появляться самосознание, и особенно эффективна в моменты психологических кризисов, наступающих в 7-8 и 12-14 лет. Этим пользуются идеологи Исламского государства, которые вводят в ряды «Львят халифата» детей от 4-х лет, психика которых подвергается колоссальному давлению. Одна лишь резкая смена стиля воспитания, возникающая при отрыве ребенка от своих родителей, является серьезным стрессовым фактором и может привести к существенным нарушениям в психике и возникновению психических расстройств. Все это вместе с прививанием жестокости, уникальности (ИГ рассматривает ислам суннитского толка в качестве единственной истинной веры) и стремления к господствующему положению, ведет к психологическим изменениям, характеризующимся грубостью, жестокостью, садистическими тенденциями [8]. Таким образом, идеологическая работа с детьми создает для террористов определенный залог на будущее, который Исламское государство пытается использовать для восполнения своих рядов.

В свою очередь, дети в руках террористов сами являются инструментом идеологического влияния и устрашения. В последние годы ИГ часто прибегает к распространению пропагандистских видеороликов с использованием детей. Такие материалы призваны продемонстрировать мощь самой террористической организации и запугать широкие массы населения за счет демонстрации насилия, совершаемого детьми (казни военнопленных, расстрелы заложников и мирного населения и т.д.). Видеоролики такого содержания не раз выносились на обсуждение зарубежными и российскими СМИ, которые их единогласно осуждали и подвергали критике. Представляется, что единодушная негативная реакция СМИ и общественности в известной степени помогает нивелировать тот деструктивный посыл, который был заложен террористами.

Тем не менее главной целью террористов является не пропаганда, а непосредственное ведение боевых действий или выполнение терактов, поэто-

му после идеологической обработки детей приводят в хорошую физическую форму и учат воевать. Исходя из анализа интервью СМИ [7; 5; 3; 4] с детьми, обучавшимися в лагерях террористов, а также с самими кураторами лагерей можно составить следующую картину подготовки детей боевиками.

Прежде всего, военная подготовка боевиков предусматривает физические упражнения и развитие навыков обращения с оружием. Это относится ко всем детям, попадающим в лагеря террористов, независимо от пола, возраста или дальнейшей специализации. При этом, как отмечают очевидцы, детям до занятий или во время них нередко дают психотропные стимулирующие вещества для повышения физической и психической активности, которые делают человека более внушаемым и не позволяют трезво оценивать обстановку. Соответственно, под действием таких веществ дети не способны отделить реальность от игры. Боевики, пользуясь этим, заставляют детей драться друг с другом, проводить казни и расстрелы или быть их очевидцами – иными словами, прививают детям жестокость и делают их невосприимчивыми к ужасам войны.

Дальнейший этап подготовки включает обучение ребенка специализации, которой может быть подрывная деятельность, разведка, ведение стрелковых боев, пограничная охрана и др. Отдельно стоит обучение самоподрыву, к которому готовят большую часть девочек, поступающих в ряды боевиков. В целом можно отметить, что боевики чаще всего готовят детей по тем направлениям, которые подразумевают скрытность, поскольку дети в меньшей степени, чем взрослые, попадают под подозрение. Так, при штурме городов боевики ИГ часто пользовались детьми-смертниками (чаще всего девочками), которые были призваны подорвать военные или инфраструктурные объекты и посеять панику в городах до прибытия основных подразделений. Во всем остальном несовершеннолетние проходят схожую или совпадающую с обучением взрослых боевиков подготовку. Это распространяется также на материальное вознаграждение и оплату службы. Например, для детей-смертников, террористы предлагают многочисленные подарки, которые после выполнения своей задачи дети смогут оставить родственникам или друзьям. Таким образом, террористы создают иллюзию помощи и преданности не только ИГ, но и своим близким.

Что касается функций, выполняемых детьми, проходящими обучение в лагерях террористов, вне боевых действий или совершения терактов, то к таким можно отнести деятельность по поддержанию общественного порядка на оккупированных территориях (патрулирование улиц, выявление нелояльных ИГ лиц и составление доносов), помощь в ведении хозяйства в лагерях, медицинская помощь (сдача донорской крови, осуществление перевязок и проч.).

Разумеется, даже после прохождения такой подготовки дети не могут составить конкуренцию взрослым боевикам в эффективности ведения боев

ввиду недостатка опыта. Однако не стоит недооценивать «детскую угрозу». Скрытные операции по подрыву и особенно самоподрыву, реализованные детьми, уносят сотни жизней, а при открытом столкновении с детьми, регулярные войска и полиция испытывают трудности, связанные с морально-нравственной стороной вопроса. Подозревать детей в совершениях терактов, видеть в них потенциальных преступников, арестовывать – непросто. Но еще сложнее открыть по детям огонь во время непосредственного боевого столкновения. Однако это та реальность, с которой приходится сталкиваться, имея дело с детским исламским терроризмом.

Именно поэтому крупнейшие исламские террористические группировки (ИГ, «Ан-Нусра» (2), «Харакат аш-Шабааб», «Боко Харам» (2) и другие) ускоренными темпами развивают детский вектор в своей деятельности. ЮНИСЕФ отмечает негативную тенденцию, наблюдаемую в течение последних 10 лет, относительно использования детей в вооруженных конфликтах и международном терроризме [9]. Представляется, что в дальнейшем феномен детского терроризма еще не раз будет стоять на повестке дня международного сообщества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Здесь и далее понятие «ребенок» включает в себя лиц, не достигших 18-летнего возраста, согласно ст. 1 «Конвенции о правах ребенка».

(2) Террористическая организация, запрещена в РФ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бурыгин А.А.* Нормативно-правовая база и национальная политика России в области борьбы с исламским экстремизмом // Вопросы политологии. 2020. № 5 (57).

2. *Бурыгин А.А.* Идеология Исламского государства как пример превратного использования мусульманской религии в политических целях // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2018. № 2.

3. *Ибрагимова Г.* «Львята халифата». Страшное наследие исламских террористов // РИА Новости // https://ria.ru/20190212/1550696114.html.

4. *Пегов С.* Дети халифата. Интервью с «воспитанниками» детских лагерей // Life // https://life.ru/p/401662.

5. *Петров С.* «Львята халифата»: беглый полевой командир рассказал о детях-солдатах ИГИЛ // Федеральное агентство новостей // https://riafan.ru/986142-lvyata-halifata-beglyi-polevoi-komandir-rasskazal-o-detyah-soldatah-igil.

6. Резолюция № 2427 (2018) // Официальный сайт ООН // https://undocs.org/ru/S/RES/2427(2018).

7. *Стуруа Мэлор.* «Львята халифата» или дети-жертвы религиозных войн // Московский комсомолец // https://www.mk.ru/social/2014/12/28/lvyata-khalifata-ili-detizhertvy-religioznykh-voyn.html.

8. *Ушакова К.К.* Особенности детской психики // Официальный сайт Республиканской клинической психиатрической больницы Минздрава Удмуртии // http://психиатрияудмуртии.рф/osobennosti-detskoj-psixiki/.

9. ЮНИСЕФ: 2019 год завершает «смертоносное десятилетие» для детей в условиях конфликтов – с 2010 года подтверждено более 170 000 случаев серьезных нарушений // Официальный сайт ЮНИСЕФ // https://www.unicef.org/eca/ru/Пресс-релизы/юнисеф-2019.

10. *Wright R.* Rock the Casbah: Rage and Rebellion across the Islamic World. 1st Simon & Schuster hardcover. New York: Simon & Schuster, 2011.

A.A. KHVALEY
Student at the Department of Political Science of the East in the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
A.A. BURYGIN
Assistant of the Department of Political Science of the East at the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

CHILD TERRORISM AS ONE OF THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL ISLAMIC TERRORISM (on the example of Ashbal al-Hilaf)

The phenomenon of child terrorism is not new and currently has a certain history. Despite international legal acts, including the UN security Council resolution No. 2427 on "children and armed conflict" adopted in 2018, the illegal use of minors in armed conflicts and terrorist purposes has not yet been completely stopped.

Key words: *terrorism, children, extremism, radicalism, young people, Middle East.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.027
УДК 32.327
А.И. БУДНИК
магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
Т.В. ГРИГОРЬЕВА
магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток
А.А. КАН
магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток

ЭКОЛОГО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ОСВОЕНИИ МИРОВОГО ОКЕАНА

Экологическая безопасность в Мировом океане – важнейшая область международной морской политики, исследованию которой в последнее время уделяется значительное внимание, как со стороны государств, так и со стороны компетентных международных организаций. Однако, за всеобщим осознанием «важнейшего», Мировой океан XXI века переживает самые тяжелые времена в экологическом плане, что, конечно, связано с его активным использованием человеком. В связи с этим, в центре данного исследования стоит разбор не только экологических, но и связанных с ними политико-правовых проблем освоения Мирового океана. Была проведена классификация существующих проблем, возникающих в процессе освоения Мирового океана, и определены наиболее проблемные аспекты в изучении и освоении Мирового океана в области экологической безопасности. В конце работы содержится анализ возможных правовых мер по осуществлению контроля и привлечению к ответственности нарушителей на международном уровне для решения проблемы загрязнения Мирового океана в процессе его освоения.

Ключевые слова: *Мировой океан, международное морское право, экологическая безопасность, загрязнение морской среды.*

Огромное разнообразие минеральных и биологических ресурсов, множество производных от них средств и материалов, которые используются человечеством повседневно, непосредственное влияние на мировой климат,

экономическая, экологическая, военно-стратегическая и геополитическая целесообразность – все это лишь малая часть того, почему в XXI веке мировое сообщество видит крайнюю необходимость в изучении и освоении Мирового океана. Более того, в некоторых государствах данное направление законодательно закреплено как одно из приоритетных направлений развития.

В 2019 году объем финансирования на исследование океана составил около 1 миллиарда долларов, и это при том, что экономика Мирового океана, или как ее иногда называют – Синяя экономика, составляет более 3 триллионов долларов. То есть, на финансирование исследований океана денежных средств уходит в 3 тысячи раз меньше, чем стоимость генерируемого продукта, а расходы на исследования Мирового океана в развитых странах достигают не более 4% от общего объема инвестиций в научную работу» [3]. К тому же, в силу своей «необъятности» (Мировой океан занимает 70% поверхности Земли) и невозможных условий для прямого нахождения человека, к числу которых относятся темнота, низкие температуры и высокие давления, океан остается наименее изученным пространством планеты (наравне с Космосом).

Выше уже были упомянуты два проблемных аспекта в освоении Мирового океана, однако их, безусловно, намного больше. Исходя из анализа опубликованных докладов компетентных международных организаций, а также из анализа национального законодательства, проблемы можно классифицировать следующим образом:

1) экологические проблемные аспекты: загрязнение океана в ходе хозяйственной деятельности человека; радиоактивное загрязнение; нерациональное использование богатств океанских недр; истребление морских животных и т.п.;

2) политико-правовые проблемные аспекты: финансирование, несопоставимое со значением проводимых и планируемых исследований; недостатки в правовом режиме открытого моря; недостаточная координация, согласованность и эффективность деятельности учреждений системы ООН в решении проблем Мирового океана и т.п.;

3) научно-технические проблемные аспекты: отсутствие эффективных технических возможностей проведения глубоководного бурения, технологий глубоководных, шельфовых и придонных работ и материалов для работы в экстремальных условиях; плохо развитые безотходные технологии и т.п.

Среди экологических проблем на сегодняшний день наиболее остро стоят проблемы загрязнения океана радиоактивными и бытовыми отходами. Научно-технический прогресс и развитие международного судоходства привели к появлению острых проблем с ярко выраженным глобальным характером. Последствия крупных экологических катастроф в новейшей истории международного судоходства особенно демонстрируют возросшее давление на морскую среду. К слову, такое количество отходов не скапли-

валось, а загрязняющих и отравляющих веществ не сбрасывалось в воду ни в один период развития человечества, по сравнению с тем, как это происходит сейчас. Поэтому, контроль и ответственность за данной проблемой особенно важен. Необходимо обратить внимание и на разнообразные проявления этой проблемы: от нарушения сбалансированности всей экосистемы Мирового океана до использования «удобных» флагов на судах, чтобы уклониться от соблюдения мер по охране окружающей среды [4. С. 67].

Преступные деяния по загрязнению любой водной среды носят характер повышенной общественной опасности и зачастую приводят к катастрофическим последствиям, таким как загрязнение радиоактивными, химическими веществами, нефтью огромных морских пространств, причинение особо тяжкого вреда здоровью людей, животному и растительному миру и так далее. Такой вред может носить и трансграничный характер. Наша планета, к сожалению, перенесла уже огромное множество подобных техногенных катастроф, среди которых показательными можно назвать аварию на нефтедобывающей платформе нефтяной компании British Petroleum (Великобритания) в Мексиканском заливе в 2010 г., в результате которой в море вылились около 5 млн баррелей нефти [2. С. 146], и аварию на ТЭЦ в Норильске (Россия), где 29 мая 2020 г. на площадке электростанции Норильско-Таймырской энергетической компании из-за проседания опор лопнул резервуар, вследствие чего вытекло дизельное топливо и 15 тысяч тонн попало в реки Далдыкан и Амбарная, а еще 6 тысяч – в грунт. По оценкам Министерства природных ресурсов и экологии РФ, на восстановление экосистемы в районе аварии в Норильске уйдет не менее 10 лет и не меньше 1 миллиарда рублей [1]. Данные аварии, произошедшие из-за нарушения технических мер безопасности, еще раз подтверждают неэффективность мер правовой охраны морских пространств.

Помимо прочего, не стоит забывать про такую разновидность загрязнения морской среды, как сбрасывание мусорных отходов в воды, которые в последствие образуют в Мировом океане огромные мусорные пятна (например, Eastern Garbage Patch – Большое тихоокеанское мусорное пятно). Мусор, сформированный океаническими течениями и постепенно концентрирующийся в одной области, по большей части состоит из неразлагающихся материалов, в частности, из дрейфующего пластика. Ежегодно в океан попадает около 13 миллионов тонн пластика, что, плюс ко всему, ведет к гибели 100 тысяч морских животных [7]. Несмотря на то, что большинство пластиковых изделий не разлагаются в течение десятилетий или даже столетий, те, которые подвержены разложению, превращаются в микропластик, потребляемый рыбой и другими морскими животными, впоследствии становясь продуктом, который в свою очередь потребляет уже человек.

Ранее нормы международного права по борьбе с загрязнением вод в основном сводились к регулированию предотвращения загрязнения рек и озер.

В настоящее время очевидно, что центр тяжести в вопросах международного контроля за загрязнением переместился с пресных вод на морскую среду. В свою очередь, основываясь на нормах международного права, по мнению Л.В. Сперанской, можно разработать такую эффективную систему контроля и ответственности за нанесенный ущерб, которая смогла бы гарантировать осуществление норм по охране Мирового океана [4. С. 68].

Определенные меры контроля и юридической ответственности за нарушение норм об охране окружающей среды есть в национальном законодательстве каждой страны. Например, в Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за загрязнение морской среды [8. Ст. 252], а также административная ответственность за нарушения правил захоронения отходов и других материалов во внутренних морских водах, в территориальном море, на континентальном шельфе и (или) в ее исключительной экономической зоне [5. Ст. 8. 19]. Однако из содержания данных статей следует, что юридическая ответственность по российскому законодательству наступает только в случае загрязнения морской среды в морских пространствах, находящихся под суверенитетом или юрисдикцией РФ. В отличие от российского, уголовное законодательство некоторых зарубежных государств устанавливает общую норму об ответственности за загрязнения любой водной среды. Например, в § 324 УК ФРГ предусмотрен состав загрязнения водоема безотносительно от того, идет ли речь о внутренних водах или, допустим, открытом море [2. С. 146]. Также, в уже упомянутой Концепции федеральной целевой программы «Мировой океан» на 2016-2031 годы, не говорится о каких-либо возможных мерах контроля за соблюдением экологического законодательства в части загрязнения Мирового океана, а также не предусмотрена даже возможность расширения ответственности за предусмотренные нарушения. Данный факт говорит о том, что Концепция предполагает активное изучение и освоение Мирового океана, но не учитывает возрастающую опасность увеличения загрязнения Мирового океана.

На примере России очевидны последствия международных норм, абстрактно устанавливающих обязанность государств своими силами обеспечивать борьбу с загрязнением морской среды [6. Ст. 194]. Несомненно, это можно связать с главным признаком любого государства – суверенитет, однако, учитывая сложившуюся обстановку вокруг загрязнения Мирового океана и его последствий, без преувеличения можно сказать, что проблема носит глобальный характер, и подходить к ее решению нужно глобально, т. е. совместными усилиями государств и международных организаций. В связи с этим, можно предложить следующие возможные правовые меры по контролю и ответственности для государств в борьбе с загрязнением Мирового океана в процессе его освоения:

1) закрепить в Конвенции по морскому праву минимальные санкции за совершение тех или иных действий, которые привели или потенциаль-

но могут привести к значительному ущербу экосистемы Мирового океана, с указанием на то, что данные санкции являются минимальными, неисчерпывающими, могут быть дополнены или ужесточены законодательством каждого государства, присоединенному к данной Конвенции, по своему усмотрению, но с обязанностью этих государств не закреплять в своем законодательстве санкции в меньшем размере, чем они закреплены в Конвенции;

2) установить приоритетные направления в борьбе с загрязнением Мирового океана на международном уровне и обеспечить нормативными документами контроль за реализацией данных приоритетных направлений в каждом присоединившемся к такому документу государстве на международном уровне.

В заключении видится необходимость отметить, что предложенные выше правовые меры для борьбы с загрязнением Мирового океана носят гипотетический характер. Нет сомнений, что каждая из этих мер обладает своими нюансами, для их реализации нужно изучать существующее международное право и национальное законодательство всех присоединившихся государств к Конвенции по морскому праву, а также к иным международным актам, регулирующих проблему загрязнения Мирового океана, поэтому решение данной проблемы видится не таким быстрым, каким хотелось бы. Однако перспективы в установлении правовой охраны и правового контроля за деятельностью государств в процессе освоения Мирового океана точно можно назвать многообещающими.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Авария на ТЭЦ в Норильске // Международная информационная группа «Интерфакс» // https://www.interfax.ru/chronicle/avariya-na-tecz-v-norilske.html.

2. *Боковня А.Ю., Сундуров Ф.Р.* Загрязнение морской среды: вопросы законодательной регламентации и квалификации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2018. № 4.

3. *Бычин Д.* Ключевой ресурс экономики: Мировой океан // Интернет-портал «Коммерсантъ» // https://www.kommersant.ru/doc/4004728.

4. *Валиуллина К.Б.* Международное морское право: международно-правовые проблемы защиты и сохранения морской среды // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30.12.2001 г. № 195 // СПС «КонсультантПлюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/e931f4b2243fc321ec83bb4434b94c9251683c46/.

6. Конвенция ООН по морскому праву (UNCLOS) 1982 г. // Конвенции и соглашения ООН // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv1980.shtml.

7. Проблемы мирового океана через призму гендерного равноправия // Новости ООН // https://news.un.org/ru/story/2019/06/1356941.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 г. № 63 // СПС «КонсультантПлюс» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/531ab6f537e9d6ea92ab6982c0750f7c41add4fd/.

A.I. BUDNIK
Student of master's program,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
T.V. GRIGORIEVA
Student of master's program,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
A.A. KAN
Student of master's program,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

ENVIRONMENTAL AND LEGAL PROBLEMATIC ASPECTS IN THE WORLD'S OCEAN DEVELOPMENT

Environmental safety in the World Ocean is the most important area of international maritime policy, the study of which has recently received considerable attention on the part of states and on the part of competent international organizations. However, behind the general awareness of the «most important», the World Ocean of the XXI century is going through the most difficult time in the ecological plan, which, of course, is associated with it is active used by humans. In this regard, the focus of this article is the analysis of not only environmental, but also related political and legal problems of the World Ocean's development. A classification of the existing problems arising in the process of the World's Ocean development was carried out, and the most problematic aspects in the study and World's Ocean development in the field of environmental safety were identified. At the end of the work, an analysis of possible legal measures for the implementation of control and prosecution of violators at the international level is provided to solve the problem of pollution of the World Ocean in the process of it is development.

Key words: *World Ocean, international maritime law, environmental safety, marine pollution.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.028
УДК 32.327
ЯН ЦЗЕ
магистрант института иностранных языков
Ланьчжоуского университета,
Китай, Ланчьжоу
ЦЗИНЬ ЖУ
магистрант института иностранных языков
Ланьчжоуского университета,
Китай, Ланчьжоу

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье выявлены и проанализированы экономические интересы ключевых геополитических игроков в Центрально-Азиатском регионе. Автор приходит к выводу, что Россия и Центральная Азия уже давно поддерживают очень тесные взаимоотношения. Для Российской Федерации интересы Центральной Азии являются одним из важных условий обеспечения ее стратегической безопасности и экономического развития. Китай также уделяет пристальное внимание этому региону и укрепляет связи в нем. Вопрос в том, каким образом между этими тремя сторонами можно достичь гармоничной и взаимовыгодной ситуации.

Ключевые слова: *Россия, Китай, Центральная Азия, экономические интересы.*

Повышение уровня экономического развития в Центральной Азии касается процветания и экономического развития в Азии и Европе в целом. Экономический статус и механизмы сотрудничества в этом регионе способствуют созданию перспектив регионального развития и сотрудничества между Китаем, Россией и другими странами. Китай и Россия как две державы, занимающие наивысшее положение в этом регионе, должны достичь общих целей непрерывного регулирования и регионального развития на основе консультаций на равных условиях между государствами. Для двух стран-членов БРИКС сотрудничество с государствами Центральной Азии также является важной практикой развития регионального экономического управления.

Экономические интересы России в Центрально-Азиатском регионе. Для РФ крайне важно иметь стабильное стратегическое положение в этом

регионе, потому что это облегчает доступ к Китаю, Индии и мусульманским странам востока. Российские интересы в Центральной Азии можно определить следующим образом:

1) обеспечение стабильности на основе договоров о сотрудничестве со всеми странами региона;

2) использование их геополитических возможностей с учетом решения практических вопросов, с которыми сталкивается Россия как мировая и региональная держава;

3) международное признание ключевой роли РФ в этом регионе.

В связи с этим перед Россией стоит ряд практических задач, а именно:

1) эффективное использование существующих многосторонних механизмов взаимодействия;

2) обеспечение безопасности южных рубежей;

3) развитие военного сотрудничества;

4) использование энергоресурсов Центральной Азии;

5) оказание помощи предпринимательской деятельности российских компаний в энергетической сфере и поощрение региональных государств импортировать больше товаров из России [4].

В 2018 году российско-таджикский военный союз еще сильнее укрепил свои позиции. 6 июня Государственная Дума России ратифицировала «Соглашение о стратегическом партнерстве между Россией и Туркменистаном», оно предусматривает создание стратегического партнерства. В 2018 году Россия и Кыргызстан подписали новое соглашение об экономическом сотрудничестве. Что касается экономики, РФ в полной мере использовала свои технические и рыночные преимущества для того, чтобы открыть рынки Центральной Азии [3].

Наряду с этим Россия испытывает кризис из-за экспорта нефти и газа из Центральной Азии, в котором доминируют внешние факторы. РФ проводит политику сближения со странами этого региона, но при этом стремится обеспечить свое присутствие в Центральной Азии, России удается достичь это несколькими методами:

1) экономическая поддержка, создание Евразийского экономического союза;

2) участие в разработке и строительстве нефтегазовых месторождений;

3) экспорт нефти и газа в страны региона по более низкой цене, чем поставки в Европу.

Что касается экспорта нефти и газа, то после распада СССР Россия продолжила свой прежний способ перевозок нефти и газа, в основном через Центральную Азию. Транзитная Россия – наиболее важный путь экспорта природного газа в Азию.

Энергетический экспорт Казахстана остается в значительной степени зависимым от России, к концу 2017 года 97% сырой нефти и 80% природ-

ного газа страны экспортировалось через российскую инфраструктуру, что касается Узбекистана, в настоящее время около половины газа Узбекистана экспортируется через российские трубопроводы. Таким образом, позиция России в качестве транзитного государства в Центральной Азии не имеет стратегического значения для региона.

Экономические интересы Китая в Центрально-Азиатском регионе. КНР является самым активным игроком в этом регионе. Проект возрождения великого шелкового пути представляет собой попытку усилить сферу торговли, а также преследует продвижение китайского влияния в регионе по всем направлениям. Ресурсно-энергетический фактор также имеет огромное значение во внешнеполитической стратегии Китая. Необходимость в доступе к природным богатствам Центральной Азии диктуется непосредственной близостью к этому региону [1].

У Туркменистана выстроились особые отношения с Китаем, которому руководство страны предоставило право на разработку своих углеводородных ресурсов на суше. В 2007 году китайская национальная нефтяная компания CNPC получила лицензию на добычу газа в Узбекистане, а в 2009 году Китай предоставил Ашхабаду кредит в размере пяти миллиардов долларов на освоение крупного газового месторождения Южный Колотань.

Казахстан также становится ключевым энергетическим партнером КНР. В 2008 году Китай контролировал пятую часть нефтедобычи в стране. В 2009 году в КНР было поставлено свыше 6 миллионов тонн казахстанской нефти. Тесно связывает Китай и Казахстан строительство нефтепровода Кенкияк – Кумколь, ведущего к месторождениям Каспийского региона.

Кыргызстану Китай нацелен оказывать в основном техническую поддержку. Китай реализует небольшие по масштабам проекты в горнодобывающей и транспортной отраслях, а также в отрасли производства строительных материалов. При этом проекты в отраслях ТЭК носят единичный характер и не являются масштабными.

Китай занимает ведущее место среди торговых партнеров Узбекистана. В стране действуют 300 предприятий, созданных совместно с китайским участием, они специализируются на легкой, перерабатывающей и сельскохозяйственной промышленности, а также на информационных технологиях. По итогам 2009 года двухсторонний оборот составил 2051,4 миллиарда долларов.

Усиление китайского торгового присутствия в Узбекистане стало возможным в первую очередь благодаря осуществляемой Китаем программе экспортного кредитования – предоставления целевых кредитов, которые используются для покупки китайских товаров и услуг [6].

Потребляя природные ресурсы Средней Азии, КНР продает региону товары с высокой добавленной стоимостью (продукцию машиностроения, легкой и электронной промышленности). В целях расширения сбыта КНР использует три главных инструмента:

1) выделяет связанные кредиты;

2) строит инфраструктуру между ЦА и СУАР;

3) предпринимает шаги по увеличению оборота юаня в региональной торговле.

Если говорить о кредитах, то в общей сложности к началу 2016 года Китай предоставил государствам региона около 30 млрд дол. В основном эти средства пошли на реализацию интересующих КНР сырьевых проектов в Казахстане и Туркменистане, а также инфраструктурных проектов в Киргизии и Таджикистане. В нередких случаях, когда возврат средств затруднителен, Пекин предлагает контрагентам так называемую схему «инвестиции в обмен на сырье».

Также КНР участвует в развитии инфраструктуры региона. Строительство нового азиатско-европейского континентального моста продвигается вперед. По состоянию на 2018 год общий состав стран Центральной Европы перевозил более 1,1 миллиона грузов, что открывает Китаю новые возможности для экспорта и торговли [10].

В рамках соглашения «Шелкового пути» инвестируется 11 миллиардов долларов, фактическое финансирование составляет около 77 миллиардов долларов, а также выделено два миллиарда долларов для создания фонда сотрудничества в области производственной энергии Китая и Казахстана. В ходе второго форума на высшем уровне международного сотрудничества по районным маршрутам фонд «Шелковый путь» принял решение инвестировать в проекты в области нефти и газа в Астане (Казахстан), Международной фондовой бирже Узбекистана и Международной конференции в Самарканде (Узбекистан) [7].

Сотрудничество и конкуренция между Россией и Китаем. При сохранении мира и стабильности в целом в Центральной Азии Китай и Россия не имеют абсолютного конфликта интересов в отношении этого региона и обе стороны имеют возможность сотрудничать. Проект «Нового Шелкового пути» значительно укрепил связи между Китаем и Россией в Центральной Азии. Использование этого маршрута может сыграть важную роль в экономической сфере:

1) создать совместный план развития Центральной Азии и промышленной и социальной инфраструктуры в отстающих регионах Китая и России;

2) координировать интересы России, Китая и их партнеров в Центральной Азии на различных рынках, включая обсуждение транснациональных проблем миграции трудовых ресурсов;

3) координировать макроэкономическую политику [11].

Таким образом, организация сотрудничества непрерывно совершенствуется, в результате чего учитываются интересы РФ, стран-членов Центральной Азии и КНР.

Необходимо далее усиливать стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией, руководствуясь принципами трех не: не присоединения,

не конфронтации и не нацеленности на третью сторону. Следует усилить связь между «районным маршрутом» и различными региональными программами сотрудничества в целях активного поиска мест, где крупные державы объединяют свои интересы в Центральной Азии. Развитие стратегического взаимодействия с Россией, совместное строительство евразийского экономического партнерства и формирование справедливого и рационального нового регионального порядка необходимы [2].

Следует отметить, что в последние годы значительно улучшились отношения Китая с Россией и странами Центральной Азии, продолжается рост прямых поставок между государствами. Китай всегда признавал, что Центральная Азия является традиционной сферой влияния России, а РФ отказалась от конкуренции и конфронтации в регионе.

ЕАЭС (Евразийский экономический союз) стремится углубить сотрудничество с Китаем. Китай в свою очередь ясно выразил свою поддержку европейской и азиатской экономической интеграции и готов продвигать вперед инициативу «Шелкового пути», которая сопряжена с планами развития стран [9].

Укрепление КНР стратегической координации и сотрудничества с Россией уменьшило сопротивление осуществлению китайской дипломатии в Центральной Азии. Независимо от исторических, культурных, традиционных или практических влияний Россия, несомненно, занимает доминирующее положение в регионе [5]. Без участия России в каком-либо начинании в Центральной Азии будет трудно достичь успеха. Китай всегда уважительно относился к интересам РФ и поддерживал стратегические отношения: от совместной работы по решению пограничных вопросов между Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном до создания Шанхайской организации сотрудничества. Китайско-российское сотрудничество в Центральной Азии постепенно институционализируется. После того как Китай предложил инициативу проекта «Шелковый путь», он взял на себя ответственность по взаимодействию и координацией с Россией в отношении того, как реализовать этот проект в Центральной Азии.

Сотрудничество в регионе обеспечивает основные институциональные гарантии. В то же время Китай положительно отреагировал на предложение России о большом евразийском партнерстве: в июне 2018 года Министерство торговли Китая и Министерство экономического развития РФ подписали «Заявление о завершении совместного технико-экономического обоснования Соглашения о евразийском экономическом партнерстве» [8]. Это еще больше расширило пространство сотрудничества между Китаем и Россией в Центральной Азии.

Заключение. Китай и Россия должны совместно создать условия для инвестиционного сотрудничества между странами Центральной Азии. Страны этого региона сталкиваются со многими проблемами, которые нега-

тивно влияют на стабильность, это, к примеру, международный терроризм, религиозный экстремизм и национальный сепаратизм. Они должны найти эффективные способы борьбы с этими проблемами, что поможет экономическому развитию региона, увеличивая средства к существованию людей и продвигая долгосрочный мир и стабильность в Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Китай и Россия ведут «Большую Игру» в Центральной Азии // http://mixednews.ru/archives/66030.

2. КНР и РФ: интересы в Центральной Азии // http://nowesti.ru/knr-i-rf-interesy-v-centralnoj-azii/.

3. *Мальцев А.Е.* Особенности политики КНР в Центральной Азии в оценках российских и западных ученых // Сравнительная политика и геополитика. М., 2012. № 4 (10).

4. *Попов Д.* Центральная Азия в китайской концепции экономического пояса Шелкового пути и стратегические интересы России // https://riss.ru/analitycs/30016/.

5. Присутствие Китая в центрально-азиатском регионе // http://eurasian-defence.ru/?q=node/31682.

6. Россия, Китай и США в Центральной Азии: баланс интересов и возможности сотрудничества // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2016.

7. Статистика и рейтинги // https://russiancouncil.ru/library/stat/.

8. Цели и интересы России в Центральной Азии: настоящее и будущее // http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/direction-topics/czeli-i-interesy-rossii-v-czentrainoj-azii-nastoyashhee-i-budushhee-5188.

9. 邓浩. “一带一路”倡议与新时期中国的中亚外交 [J]. 当代世界，2019.

10. 胡彩云，阴帅. 构建中国一中亚安全共同体[J]. 政治，2017（6）.

11. 俞沂暄. 中亚区域经济治理的路径与条件[J]. 复旦国际关系评论第十八辑，2016.

YAN JIE
Master's student of the Institute
of foreign languages, Lanzhou University,
Lanzhou, China
CZIN' ZHU
Master's student of the Institute
of foreign languages, Lanzhou University,
Lanzhou, China

ECONOMIC INTERESTS OF RUSSIA AND CHINA IN THE CENTRAL ASIAN REGION: COMPARATIVE ANALYSIS

This article identifies and analyzes the economic interests of key geopolitical players in the Central Asian region. The author concludes that Russia and Central Asia have long maintained very close relations. For the Russian Federation, the interests of Central Asia are one of the most important conditions for ensuring its strategic security and economic development. China is also paying close attention to the region and strengthening ties there. The question of how to achieve a harmonious and mutually beneficial situation between these three parties should be considered by China, Russia and the countries of Central Asia.

Key words: *Russia, China, Central Asia, economic interests.*

DOI 10.35775/PSI.2020.60.8.029
УДК 32.327
Р.А. КОЛЕВАТОВ
студент НИУ ВШЭ,
Россия, г. Москва

РОЛЬ ПРИНЦИПА СОЛИДАРНОСТИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ НАРРАТИВЕ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ГУМАНИТАРНОЙ И ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Католическая Церковь все стремительнее усиливает международное сотрудничество, прежде всего посредством выступлений папы римского и его взаимодействий как с католиками, так и представителями других конфессий. Принимая во внимание двойную функцию папы как лидера суверенного государства – Святого Престола – и предводителя католиков, глобальное сотрудничество Ватикана рассматривается в рамках стратегического нарратива как этой конгрегации, так и лично римского епископа.

Целью исследования является изучение роли принципа солидарности в стратегическом нарративе Католической Церкви в рамках гуманитарной и военной безопасности на современном этапе.

Задачи исследования:

1) Изучить теоретические основы применения принципа солидарности в социальном учении Католической Церкви.

2) Сформулировать факторы, оказывающие влияния на применение принципа солидарности.

3) Выявить текущее применение принципа солидарности и перспективы модернизации социального учения Католической Церкви в области применения принципа солидарности как основы международных отношений Святого Престола.

В качестве методологии в работе будут использованы историко-генетический метод и контент-анализ.

В ходе текстуального анализа были выявлены три ключевые рамочные темы выступлений и посланий римского епископа: универсальные – идентичность и ценности, коллективная ответственность и призывы к действию.

Ключевым инструментом внешнеполитической деятельности Святого Престола остается принцип солидарности. Однако папа Франциск, в отличие от предыдущих пап, которые продвигали традиционный внешнеполитический нарратив, представляет высоко инклюзивные нарративы, на-

правленные на построение равных отношений как с католиками на других континентах, так и с приверженцами других конфессий. Таким образом, Католическая Церковь через заявления понтифика стремится играть роль глобального актора, участвующего в поддержании военной и гуманитарной безопасности.

Ключевые слова: *Католическая Церковь, папа, солидарность, глобализация, нарратив, дискурс.*

После отречения Бенедикта XVI в марте 2013 года новым папой на конклаве был избран кардинал Хорхе Марио Бергольо. Избрание на престол святого Петра первого за всю историю выходца из Нового Света, нарекшего себя Франциском I, было стратегическим ходом для Католической Церкви, которая в то время теряла авторитет в связи с непопулярной политикой предыдущего ее главы, а также в связи с раскрывшимися скандалами, связанными с сексуальным насилием со стороны католических священнослужителей [12. P. 12]. Папа Франциск в течение короткого срока стал новым лицом современной Католической Церкви, чему способствовала, в том числе, частая цитируемость в СМИ. Он стал первым папой с Instagram-аккаунтом (@franciscus), который был создан для прямой трансляции мнения папы по разным церковным и социальным вопросам. Такое приближение к современности свидетельствует об обновлении дискурса Католической Церкви и расширении применимости концепции солидарности в ее политике.

Для определения взглядов Франциска I на теорию солидарности необходимо обратить внимание на феномен Католической Церкви в Латинской Америке. К моменту окончания Холодной войны в Латинской Америке начался новый виток глобализации. Совет епископов Латинской Америки дал характеристику этому процессу в итоговом документе, принятом на конференции в Апаресиде. В нем глобализация рассматривается «как комплексный феномен… К сожалению, широко принято видеть глобализацию исключительно в экономическом аспекте, который обусловливает и становится первостепенным для других аспектов человеческой жизни: правды, любви и, что наиболее важно, достоинства и прав даже тех, кто не получает преимуществ от новых рыночных условий» [1. P. 16]. Таким образом, Католическая Церковь в Латинской Америке негативно относится к влиянию неолиберализма и глобализации в целом. Так называемый «латиноамериканский континентальный» подход предлагается как один из возможных вариантов ликвидации отрицательных эффектов глобализации и как путь продвижения «другой», справедливой глобализации, «создающей из Латинской Америки и Карибского бассейна не просто континент надежды, но и континент любви» [1. P. 16-17]. Тем самым латиноамериканские католические епископы возродили дискурс «Patria Grande» («Большое отече-

ство») [11. P. 28-29], к которому теперь добавляется дискурс «континента любви, солидарности и надежды», направленного против отрицательного влияния глобализации.

Другой точкой отсчета особого пути латиноамериканских епархий был принятый в Санто-Доминго в начале последнего десятилетия XX века документ, где определялись векторы действия в новой глобальной структуре. Именно в Санто-Доминго региональной церковной властью был закреплен проект «Patria Grande», который, в свою очередь, формулировался как новая «Пасторская линия», направленная на поддержку интеграции в Латинской Америке в форме «Большого отечества» с особым уклоном на солидарность, требующую построения нового международного порядка [2. P. 76]. Как следствие, после Холодной войны видение «третьего пути» было заменено в церковной среде дискурсом латиноамериканского континентализма, который был частью глобального видения многополярного мира [13. P. 10].

Учитывая долгосрочное участие Католической Церкви в политике и жизни Латинской Америки, можно понять, что первая стремится воплотить такой геополитический дискурс, который бы консолидировал региональное, или «континентальное», измерение наравне с глобальным. Такой дискурс стал исследоваться и продвигаться в рамках «популярной теологии». В центре «популярной теологии» была разработка «народа-нации», который осознает свои общую культуру и историческое прошлое, что далее служит основой для создания у будущего «народа-нации» внутреннего единства, самоидентификации и всеобщего блага [14. P. 249]. Эти и другие идеи продвигаются первым папой не из Европы, аргентинцем, членом Общества Иисуса Хорхе Марио Бергольо, выбравшего себе престольное имя Франциска I.

Существует мнение, что именно латиноамериканская Католическая Церковь была катализатором как взгляда на общую судьбу региона в рамках «Большого отечества», так и нового дискурса о глобальном измерении Церкви. Согласно исследователю Метолу Ферре, в течение XVI века Испания и Италии обладали так называемыми «Церквами-источниками», которые были проводниками и инициаторами изменений внутри католицизма, позже, во время Второго Ватиканского собора, преимущество перешло Франции и Германии. Однако такое преимущество, по мнению исследователя, не продолжалось долго, и далее «Церковью-источником» на пути к становлению глобальной неевроцентричной Церкви стала Латинская Америка [14. P. 53], которая отказалась от европейских доктрин и создала собственную геополитическую церковную стратегию. Такой процесс церковной адаптации к новой геополитической и социально-экономической конъюнктуре шел параллельно с появлением нового многополярного порядка после окончания биполярности в связи с распадом СССР.

Далее, перейдем к контент-анализу для определения ключевых паттернов и измерений солидарности в посланиях папы Франциска I. Для прове-

дения контент-анализа будет использована программа «Yoshikoder». Несмотря на существующие в зависимости от аудитории и цели речи различия, понтифик использует аналогичные риторические приемы и темы для взаимодействия с международной общественностью. В целом, в ходе текстуального анализа были выявлены три ключевые рамочные темы выступлений и посланий римского епископа: универсальные идентичность и ценности, коллективная ответственность и призывы к действию.

Во многих посланиях папа в заявлениях Франциска используются риторические методы, при помощи которых для продвижения универсальной идентичности он стремится объединить идентичность реципиентов послания с его собственной и идентичностью Святого Престола. Это выражается в частом использовании таких слов, как «наш», «нас» или «мы», в фразах, как, например, «Я хочу быть с вами» [3], «Это наше настоящее и наше будущее. Это наша идентичность» [4]. Своей риторикой папа доносит аудитории идею, что, несмотря на индивидуальные различия, она является частью единого целого. Так, в послании Европейскому союзу и Европейскому совету Франциск декларировал: «…девиз Европейского союза закрепляет как основу многообразие. Единство, однако, не означает однородности…» [4]. Такой же нарратив солидарности заметен в экуменизме Франциска. В аккаунте в Instagram он регулярно публикует заявления о «единстве в многообразии» среди христианских конфессий [5].

Освещая универсальные идентичность и ценности, папа Франциск параллельно создает концепцию коллективной ответственности, что представляет из себя дополнительный канал для взаимодействия с аудиторией. Делая упор на необходимости построения рабочей системы коллективной ответственности, папа Франциск передает своей аудитории мысль о том, что внешняя политика Святого Престола в отношении решения глобальных проблем согласовывается с персональным подходом каждого, и что Католическая Церковь напрямую вовлечена в решение международных социальных проблем. Идея коллективной ответственности была ключевой в папских посланиях национальным лидерам и представителям, включая членов Конгресса США и представителей государств в международных организациях. В ходе речи в Организации Объединенных Наций Франциск три раза ссылался на необходимость принятия коллективных мер для решения глобальных проблем: «Если мы хотим добиться настоящего комплексного развития человечества, мы должны работать над предотвращением войн между нациями и народами»; «Чтобы дать этим (бедным. – Прим.) людям возможность выбраться из экстремальной нищеты, мы прежде всего должны дать им возможность самостоятельно определять свою судьбу» [6]. Кроме этого, такой нарратив коллективной ответственности встречается в обращениях папы к Совету Европы [10], Конгрессу США [7] и в выступлениях перед обычными гражданами, например, перед кубинцами [8]. В отличие

от своего предшественника, Франциск I в апостольской миссии Церкви не ограничивается Европой, а стремиться расширить ее влияние в менее традиционных, чем Старый Свет, регионах: Китае, подчеркивая единство с китайскими христианами и указывая на необходимость их единства [9]; Африке как региону с наиболее интенсивно растущим католическим населением. Продвижение коллективной ответственности дает возможность Католической Церкви взаимодействовать с людьми, не исповедующими католицизм, что позволяет Ватикану участвовать в создании общечеловеческой повестки.

Однако наиболее распространенное направление нарратива в выступлениях Франциска – это призыв к действию. Заявления и фразы в этом контексте характеризуются стратегической риторикой (обычно глаголы в императивном наклонении), которая направлена на стимулирование действия внутри предполагаемой аудитории в рамках ценностей и политики Святого Престола. В речах Франциска призыв к коллективным действиям следует сразу за подчеркиванием необходимости коллективной ответственности. Призыв к действию приобретает основное значение в тех выступлениях папы, где он затрагивают проблемы беженцев и миграции. В послании к Европейскому парламенту папа трижды использовал нарратив призыва к действию: «У нас должен быть единый ответ на проблему миграции»; «мы должны противостоять проблемам, связанным с иммиграцией»; «нам нужно действовать для решения не только последствий, но и причин» [4].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. CELAM. Documento Conclusivo. V Conferencia General del Episcopado Latinoamericano y del Caribe. Aparecida, 13-31 de mayo, CELAM. 2007 // https://www.celam.org/aparecida/Ingles.pdf.

2. CELAM. Documento de Santo Domingo. 1992 // http://www.celam.org/conferencias_domingo.php.

3. Francis. Speech of Pope Francis Charitable Center of St. Patrick Parish. Washington, DC. 2015 // http://aleteia.org/2015/09/25/pope-francis-jesus-still-walks-our-streets/.

4. Francis. Address of Pope Francis to the European Parliament. Brussels. 2014 // https://w2.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2014/november/documents/papa-francesco_20141125_strasburgo-parlamento-europeo.html.

5. Francis. Запись в Instagram. 25 января 2020 год // https://www.instagram.com/p/B7wMJLnoQTB/?utm_source=ig_web_copy_link.

6. Francis. Greetings of Pope Francis to United Nations Organization Personnel. New York City. 2015 // http://aleteia.org/2015/09/25/pope-at-united-nations-echoes-paul-vi/.

7. Francis. Pope to Congress. United States of America. 2015 // http://aleteia.org/2015/09/24/pope-to-congress-love-people-like-its-your-job-because-it-is/.

8. Francis. Address of Pope Francis to Students. Cuba. 2015 // https://w2.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2015/september/documents/papa-francesco_20150920_cubagiovani.html.

9. Francis. Запись в Instagram. 5 марта, 2020 год // https://www.instagram.com/p/B9WxQL9orGz/?utm_source=ig_web_copy_link.

10. Francis. Address of Pope Francis to the Council of Europe. Strasbourg. 2014 // https://w2.vatican.va/content/francesco/en/speeches/2014/november/documents/papa-francesco_20141125_strasburgo-consiglio-europa.html.

11. *Gullo M.* Haya de la Torre: la lucha por la Patria Grande. Buenos Aires: Ediciones de la UNLa, 2013.

12. *Lowney C.* Pope Francis: Why He Leads the Way He Leads. Chicago, IL: Loyola Press, 2013.

13. *Puntigliano A.R.* The geopolitics of the Catholic Church in Latin America // Territory, Politics, Governance. 2019.

14. *Scannone J.C.* La teología del pueblo y desde el pueblo. Aportes de Lucio Gera // CEBITEPAL Medellín. 2015. Vol. 41. № 162 // http://documental.celam.org/medellin/index.php/medellin/article/view/111/112.

R.A. KOLEVATOV
NRU HSE bachelor course,
Moscow, Russia

THE ROLE OF SOLIDARITY IN THE STRATEGIC NARRATIVE OF THE CATHOLIC CHURCH IN THE FRAMES OF HUMAN AND MILITARY SECURITY IN THE EURASIAN REGION

The Catholic Church continues strengthening its international cooperation, notably through speeches of the pope and his engagement with both catholic and representatives of other denominations. Considering the dual function of the pope as the head of the sovereign state – the Holy See – and the leader of the catholic world, the global cooperation of Vatican is viewed in the frames of the strategic narrative of this particular congregation and the pope personally.

The goal of the study is to indicate the role of solidarity in the strategic narrative of the Catholic Church in the frames of human and military security at the present time.

The objectives of the study are:

1) To examine the theoretical basis of application of solidarity in Catholic social teaching.

2) To identify the factors affecting the application of the solidarity principle.

3) To determine the current application of the solidarity principle and perspectives of modernization of Catholic social teaching in application of solidarity as the basis of the Holy See's international relations.

Historical genetic method and content analysis are used as methodology.

Despite differences varying from audience and aims of speech, the pontiff utilizes the same rhetorical techniques and frames for engagement with international community on matters of military and human security. Due to textual analysis three key frame themes of the pope's speeches and epistles were identified: universal identity and values, shared responsibility, and calls to action.

Solidarity remains a key instrument of the Holy See's foreign policy. However, pope Francis offers highly inclusive narratives aimed at building equal relations with both catholic representatives on other continents and with adherents of other denominations, unlike his predecessors who promoted traditional narrow narratives. Therefore, the Catholic Church via statements of the pope seeks to be a global actor who participates in sustaining military and human security.

Key words: *Catholic Church, pope, solidarity, globalization, narrative, discourse.*

НАШИ АВТОРЫ

Артамонова Ярославна Сергеевна – доктор политических наук, доцент кафедры социальных отношений, рекламы и связей с общественностью Московского технического университета связи и информатики, Россия, г. Москва (artamonova@etspir-mtuci.ru).

Афанасьева Дарья Александровна – аспирант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (dakamozina@yandex.ru).

Баканова Анастасия Сергеевна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (nastya1512@bk.ru).

Беляева Валентина Петровна – заместитель директора по учебно-воспитательной работе Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения города Москвы «Школа № 97», Россия, г. Москва (valijb@mail.ru).

Будник Ангелина Ивановна – магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (budnik.ai@students.dvfu.ru).

Бурыгин Александр Алексеевич - ассистент кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (aa95burygin@mail.ru).

Воробьев Геннадий Владимирович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных наук и государственного управления Московского государственного областного университета, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Галкина Галина Михайловна – аспирант кафедры национальных и федеративных отношений Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (Galkina_galina20@mail.ru).

Григорьева Татьяна Викторовна – магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (grigoreva.tv@students.dvfu.ru).

Дубровина Ольга Юрьевна – кандидат политических наук, доцент, координатор Национального союза политологов России, Россия, г. Москва (olgadubrovina@mail.ru).

Заславский Сергей Евгеньевич – доктор юридических наук, профессор департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Иванченко Виктория Сергеевна – аналитик Центра социально- политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Россия, г. Москва (viktoriia.ivanchenko@gmail.com).

Кан Анна Андреевна – магистрант Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (kan.aa@dvfu.ru).

Кануте Сумайла – аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (RUDN University), Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Каратуева Елена Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры управления социально-политическими процессами и истории Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (e_karatueva@mail.ru).

Карлаков Владимир Сергеевич – аспирант Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Колеватов Роман Аркадьевич – студент Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия, г. Москва (Nikolay.n.n@yandex.ru).

Копылов Игорь Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва (dxharald@mail.ru).

Кудашев Руслан Шамилевич – аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (da-b0ss@yandex.ru).

Кудратов Анвармирзо Муродиллаевич – независимый исследователь Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан, Республика Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Куминова Марина Романовна – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (marina.kuminova@icloud.com).

Макаров Алексей Владимирович – аспирант кафедры государственного управления и национальной безопасности факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Россия, г. Москва (am555@yandex.ru).

Мартыненко Станислав Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (martynenko-se@rudn.ru).

Матвеев Олег Викторович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (matveev4you@mail.ru).

Муртазин Ринат Айсеевич – аспирант Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, Россия, Республика Мордовия, г. Саранк (mr.aiseevich@gmail.com).

Нестерчук Ольга Алексеевна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политического анализа и управления Российского университета дружбы народов (RUDN University); профессор кафедры политологии и политического управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, г. Москва (nesterchuk68@mail.ru).

Пирогов Александр Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «Московский институт электронной техники», Россия, г. Москва (aipirogov2020@yandex.ru).

Плотников Василий Сергеевич – кандидат социологических наук, доцент, доцент Сибирского государственного университета путей сообщения, Россия, г. Новосибирск (voprospolitolog@yandex.ru).

Примова Эльмира Неджефовна – кандидат исторических наук, ведущий н.с. Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры РФ, Россия, г. Москва (primova@inbox.ru).

Пшеничная Наталья Юрьевна – доктор медицинских наук, профессор, зам. директора по клинико-аналитической работе Центрального научно-исследовательского института эпидемиологии Роспотребнадзора, Россия, г. Москва (natalia-pshenichnaya@yandex.ru).

Семенова Валерия Игоревна – кандидат политических наук, кафедра государственного и муниципального управления Московского экономического института, Россия, г. Москва (semenovav1724@mail.ru).

Стебнева Алина Викторовна – аспирант кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (7703248@gmail.com).

Ушаков Евгений Сергеевич – доктор философских наук, профессор, доцент кафедры политологии Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, Россия, г. Москва (11300vch@mail.ru).

Хвалей Андрей Андреевич – студент кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Мали, г. Бомако (andrew13.05@mail.ru).

Хлопов Олег Анатольевич – кандидат политических наук, доцент факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Россия, г. Москва (rggu2007@rambler.ru).

Хоперская Лариса Львовна – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского Славянского университета, Киргизская Республика, г. Бишкек (larkhop@gmail.com).

Цзинь Жу – магистрант института иностранных языков Ланьчжоуского университета, Ланчьжоу, Китай (voprospolitolog@yandex.ru).

Чаевич Александр Владимирович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры методологии права и юридической коммуникации Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ), Россия, г. Москва (chaevich_alex@mail.ru).

Чимирис Екатерина Сергеевна – кандидат политических наук, аналитик 1 категории Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ; доцент Департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (Chimiris@gmail.com).

Шишлин Петр Алексеевич – аспирант Института стран Азии и Африки Московского государственного университета, Россия, г. Москва (butrusb@yandex.ru).

Ян Цзе – магистрант института иностранных языков Ланьчжоуского университета, Ланчьжоу, Китай (voprospolitolog@yandex.ru).

OUR AUTHORS

AFANASEVA D.A. – Postgraduate, Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia.

ARTAMONOVA YA.S. – Doctor of Political Science, Associate Professor,

Department «Social Relations, Advertising and Public Relations», Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia.

BAKANOVA A.S. – Postgraduate student of the Faculty of Global Studies at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

BELYAEVA V.P. – Deputy Director for educational work of the State Budgetary Educational Institution of Moscow "School No. 97," Moscow, Russia.

BUDNIK A.I. – Student of master's program, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

BURYGIN A.A. – Assistant of the Department of Political Science of the East at the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

CHAEVICH A.V. – Doctor of political science, associate Professor, Professor of the Department «Methodology of law and legal communication», Russian University of transport (MIIT), Law Institute, Moscow, Russia.

CHIMIRIS E.S. – PhD in political sciences, 1st category analyst of the Center for Social and Political Studies, Institute for Integration Development Research Russian Foreign Trade Academy Ministry of economic development of the Russian Federation, associate professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

CZIN' ZHU – Master's student of the Institute of foreign languages, Lanzhou University, Lanzhou, China.

DUBROVINA O.YU. – PhD in Political Science, Associate Professor, coordinator of the National Union of Political Scientists of Russia, Moscow, Russia.

GALKINA G.M. – Postgraduate student at the Chair of national and federative relations, Institute of Social Sciences, RANEPA, Moscow, Russia.

GRIGORIEVA T.V. – Student of master's program, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

IVANCHENKO V.S. – Analyst of the Center for Social and Political Research Institute for Integration Development Research Russian Foreign Trade Academy Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia.

KAN A.A. – Student of master's program, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

KANOUTE SOUMAILA – Postgraduate student of the Department of Comparative Political Science, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Bamako, Mali.

KARATUEVA E.N. – Candidate of political science, associate Professor of the Department of management of socio-political processes and history of the Saint Petersburg state agrarian University, Saint Petersburg, Russia.

KARLAKOV V.S. – Postgraduate of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

KHLOPOV O.A. – PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Foreign Regional Studies, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russia.

KHVALEY A.A. – Student at the Department of Political Science of the East in the Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KHOPERSKAYA L.L. – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of International Relations of the Kirghiz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyz Republic.

KOLEVATOV R.A. – NRU HSE bachelor course, Moscow, Russia.

KOPYLOV I.A. – Candidate of Sciences (political sciences), Associate Professor, Chair of politology, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

KUDASHEV R.SH. – Post-graduate student of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KUDRATOV A.M. – Independent researcher at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan.

KUMINOVA M.R. – Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Global Studies, Moscow, Russia.

MAKAROV A.V. – Postgraduate student of the Department of Public Administration and National Security, Faculty of National Security, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

MARTYNENKO S.E. – PhD in History, Associate Professor, Theory and History of International Relations Department, RUDN University, Moscow, Russia.

MATVEEV O.V. – Doctor of Sciences (history), Professor at the Chair of history, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

MURTAZIN R.A. – National Research Mordovian State University named after N.P. Ogareva, Saransk, Russia.

NESTERCHUK O.A. – Doctor of Sciences (political sciences), Professor at the Chair of political analysis and management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); Professor at the Chair of political science and political management, Institute of Social Sciences, RANEPA, Moscow, Russia.

PIROGOV A.I. – Doctor of Sciences (philosophy), Professor at the Chair of philosophy, sociology and political science, National Research University "Moscow Institute of electronic technology," Moscow, Russia.

PLOTNIKOV V.S. – PhD in Social Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia.

PRIMOVA E.N. – Candidate of Historical Sciences, leading researcher Research Institute of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Russia, Moscow.

PSHENICHNAYA N.Y. – DSci., Professor, Deputy Director on clinical and analytical work of the Central research Institute of Epidemiology of Rospotrebnadzor, Moscow, Russia.

SEMENOVA V.I. – Candidate of Political Science, Department of State and Municipal Management, Moscow Economic Institute, Moscow, Russia.

SHISHLIN P.A. – PhD student, Moscow State University, Institute of Asian and African Studies, Moscow, Russia.

STEBNEVA A.V. – PhD student, Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

USHAKOV E.S. – Doctor of Sciences (philosophy), Professor at the Chair of politology, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

VOROBIEV G.V. – Candidate of Sciences (philosophy), Associate Professor, Chair of social sciences and public administration, Moscow State Regional University, Moscow, Russia.

YAN JIE – Master's student of the Institute of foreign languages, Lanzhou University, Lanzhou, China.

ZASLAVSKY S.E. – Doctor of law, Professor of the Department of political science Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 8 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 10 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, выводы. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным

проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

Academic journal
"Political Science Issues"
Volume 10. Issue 8 (60), 2020

Established by LLC "Publishing House "Science Today"
The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index.
Academic papers published in the journal undergo obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Antsiferova A.S.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide with the position of the editorial board.
No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:
10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598
Tel: (910) 463-53-42
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 27.08.2020
Format 60x84/16. Offset paper.
Offset print. Number of printed sheets
Circulation 500 copies. Order ___.
Printed at the LLC "PrintUP"
Nagorny passage, 12, bldg. 1, Moscow, Russia, 117105
Tel.: (495) 925-00-06

© LLC "Publishing House "Science Today", 2020

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

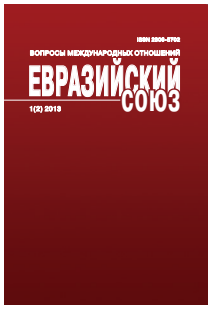
Научный журнал
«РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.
Журнал включен в базу РИНЦ.
Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

Научный журнал
«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.
Журнал включен в Перечень ВАК РФ
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 1,006
Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал
«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве,
а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.
Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,802
Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».
Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.
Индекс издания – 70035.

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал 70035

Вопросы политологии

Количество комплектов	

на 2020 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда_____
(почтовый индекс, адрес получателя)
Кому_____

ПВ	место	литер

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал 70035

Вопросы политологии

Стои-мость	Каталожная		Количество комплектов	
	услуги почты			
	полная			

на 2020 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда_____
(почтовый индекс, адрес получателя)
Кому_____